

ВЛАСТЬ и ЭЛИТЫ

2024

Том 11

№ 4

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской академии наук
Социологический институт РАН

Власть и элиты

Power and elites

2024

Том 11

№ 4

Санкт-Петербург
2024

РЕДАКЦИЯ

А.В. Дука, *главный редактор*, к.пол.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.С. Быстрова, *заместитель главного редактора*, к.э.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Д.Б. Тев, *заместитель главного редактора*, к.с.н., СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

А.Ю. Швая, *ответственный секретарь*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

В.Д. Дмитриева, *секретарь редакции*, СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

EDITORIAL TEAM

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Alla S. Bystrova, *Deputy editor in chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Denis B. Tev, *Deputy editor in chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Andrey Yu. Shvaya, *Executive secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Valeriia D. Dmitrieva, *Secretary*, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

Научное периодическое издание «Власть и элиты» выходит с 2014 года.
Включено в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Дука Александр Владимирович, *главный редактор*, кандидат политических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Быстрова Алла Сергеевна, *зам. главного редактора*, кандидат экономических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Тев Денис Борисович, *зам. главного редактора*, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Ачкасов Валерий Алексеевич, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна, доктор политических наук, профессор, член-корр. РАН, МГИМО (У) МИД России, НИУ ВШЭ, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), Москва, Россия

Гуторов Владимир Александрович, доктор философских наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Завершинский Константин Федорович, доктор политических наук, профессор, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Козловский Владимир Вячеславович, доктор философских наук, профессор, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Лапина Наталия Юрьевна, доктор политических наук, ИНИОН РАН, Москва, Россия

Ледяев Валерий Георгиевич, Ph.D. (Manchester, Government), доктор философских наук, профессор, НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Малинова Ольга Юрьевна, доктор философских наук, профессор, ИНИОН РАН, МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Мацузато Кимитака, доктор юридических наук, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мохов Виктор Павлович, доктор исторических наук, профессор, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Панов Петр Вячеславович, кандидат исторических наук, доктор политических наук, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ Уральского отделения РАН Пермь, Россия

Покатов Дмитрий Валерьевич, доктор социологических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

Сельцер Дмитрий Григорьевич, доктор политических наук, профессор, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

Соловьев Александр Иванович, доктор политических наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Тыканова Елена Валерьевна, кандидат социологических наук, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Чирикова Алла Евгеньевна, доктор социологических наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

EDITORIAL BOARD

Aleksandr V. Duka, *Editor in Chief*, Candidate of Political Science, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Alla S. Bystrova, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Economics, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Denis B. Tev, *Deputy Editor in Chief*, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Valeriy A. Achkasov, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Oksana V. Gaman-Golutvina, Doctor of Political Science, Corresponding Member of RAS, Professor, MGIMO-University, NRU “Higher School of Economics”, President of the Russian Political Science Association, Moscow, Russia

Vladimir A. Gutorov, Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Konstantin F. Zavershinskiy, Doctor of Political Science, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Vladimir V. Kozlovskiy, Doctor of Philosophy, Professor, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander P. Kochetkov, Doctor of Philosophy, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Natalia Yu. Lapina, Doctor of Political Science, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, Moscow, Russia

Valeriy G. Ledyaev, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Olga Yu. Malinova, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS, NRU “Higher School of Economics”, Moscow, Russia

Kimitaka Matsuzato, Doctor of Law, Professor, The University of Tokyo, Tokyo, Japan

Viktor P. Mohov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Petr V. Panov, Candidate of Historical Sciences, Doctor of Political Science, Institute for Humanitarian Research of PFRC of the Ural Branch RAS, Perm, Russia

Dmitry V. Pokatov, Doctor of Sociology, associate professor, Saratov Chernyshevsky State University, Saratov, Russia

Dmitriy G. Seltser, Doctor of Political Science, Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Aleksandr I. Solovyev, Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Tykanova, Candidate of Sociology, Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Alla E. Chirikova, Doctor of Sociology, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Хабаров И.А.

- 7–26 Ресурсно-динамическая модель самоорганизации
локальных сообществ

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

Ачкасов В.А.

- 27–44 Парадоксы региональной этнополитики в современной России

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

Быстрова А.С.

- 45–100 Губернаторы и члены региональных правительств:
карьерные траектории высших представителей
исполнительной власти субъектов Российской Федерации

Дмитриева В.Д.

- 101–137 Кардиналы Европы и Африки:
сравнительный анализ карьер католической элиты

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

Шентякова А.В.

- 138–159 Кризис и устойчивость в зеркале мнений региональной элиты
(опыт глубинных интервью)

CONTENTS

PROBLEMS OF THE ELITE STUDIES

I. Khabarov

- 7–26 Resource-dynamic self-organization model of local communities

THE MECHANISMS AND PRACTICES OF POWER

V. Achkasov

- 27–44 Paradoxes of regional ethnopolitics in modern Russia

ELITE RECRUITMENT AND CAREER PATHS

A. Bystrova

- 45–100 Governors and members of regional governments:
career paths of senior executive officials
of the Russian Federation subjects

V. Dmitrieva

- 101–137 Cardinals of Europe and Africa:
Comparative Analysis of the Catholic Elite Careers

RUSSIAN REGIONAL ELITES

A. Shentyakova

- 138–159 Crisis and stability in the mirror of the regional elite's opinions
(cases in-depth interviews)

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.1>.

EDN: LSQQAY

И.А. ХАБАРОВ¹

¹ Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33

РЕСУРСНО-ДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ САМООРГАНИЗАЦИИ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ

Аннотация. Анализируются проблемы самоорганизации современных локальных сообществ и формирования пространств их заинтересованной коммуникации. Предложена модель самоорганизации, реализуемой в векторе транзита «ресурс — интерес — самоорганизация — ресурс». В этой связи оценены возможности их капитализации и конвертации. Рассмотрены различные ресурсы и их политические потенции. В ряду значимых нематериальных ресурсов отдельное внимание уделено специфическим социальному и символическому ресурсам. Автор приходит к выводу, что динамизм модели связан с реализацией ресурсного потенциала акторов от индивидуального к коллективному, от частного к публичному, от функционального к кросс-функциональному и административному. Платформой актуальной модели самоорганизации в значительной степени выступает символическое пространство рыночного града и приоритеты реализации стратегий развития. С одной стороны, отказ от них в жестких конкурентных условиях грозит актору потерями всех значимых позиций, утратой собственной политической субъектности. С другой стороны, данная модель позволяет преодолеть конкурентные ограничения, получить преференции статуса политического и административного агента, использовать преимущества системного доступа к созданию и функционированию политико-административного режима локации с соответствующими легитимными возможностями распоряжения административным

ресурсом (турборесурсом). Особое значение доступ к турборесурсу приобретает в условиях укрепления единой системы публичной власти, реформирования существующей системы местного самоуправления, персонифицированных региональных политических режимов. В контексте анализа этапов политической самоорганизации сообществ рассмотрены особенности дома элит — неформальной основы политико-административного режима локалитета, представленного элитами различных функциональных сфер, объединенных практиками выгодных обменов и соглашений и разъединенных разностью интересов. Данное поле представляет собой ядро фактической самоорганизации сообществ и формирования пространств современных локалитетов.

Ключевые слова: самоорганизация, сообщество, локалитет, ресурс, интерес, конкуренция, девелопмент.

Для цитирования: Хабаров И.А. Ресурсно-динамическая модель самоорганизации локальных сообществ // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.1>. EDN: LSQQAY.

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях активное политическое бытие локальных сообществ достойно внимания исследователей по целому ряду обстоятельств. Среди прочего отметим развитие локальной повестки во взаимосвязи с тенденциями глобализации, кардинальное повышение значения экономических и информационных потоков для развития регионов и локальных территорий, актуальные условия муниципальной реформы в России.

Вопросы значимости различных материальных и нематериальных ресурсов для развития политико-административных территорий и для формирования самоорганизованного политического пространства, позиции держателей ресурсов и их роль в формировании этого пространства, не в последнюю очередь универсальности механизмов заинтересованной самоорганизации формируют проблемное поле, обусловившее проведение данного исследования.

Целью исследования является анализ актуальной в сегодняшних условиях модели самоорганизации локальных сообществ, учитывающей политический потенциал местных и транзитных ресурсов в динамике их интеракций.

Речь идет о модели, во многом характеризующейся универсальными свойствами, что делает ее пригодной для объяснения современных отечественных практик политической самоорганизации в городах и сельских районах. «Место» локалитета, его пространство рассматривается как динамичная арена заинтересованных коммуникаций и локация сообщества. Обстоятельства универсализма здесь же связаны с исследованием символического пространства и символических ресурсов, а также потокового характера (развиваются вне границ муниципалитетов, регионов, национальных государств) ряда иных ресурсов, таких как финансово-экономический, информационный, до известных суверенных пределов — административный.

Для достижения заявленной цели необходимо последовательно рассмотреть ресурсный потенциал как фактор влияния и реализации интереса субъектов в динамичном процессе самоорганизации. Структура статьи соответствует заявленной цели исследования.

Под локальным уровнем политики понимается муниципальный (субрегиональный) властный уровень; локальные сообщества — субъекты данного уровня политики в пределах границ локалитетов (муниципалитетов).

Наличие ресурсов, борьба за них, стремление к легитимному доминированию, безусловно, стимулируют использование элитистской оптики. Важнейший сегмент локального сообщества муниципалитета — сообщество элит, в исследовании рассматриваемое как «дом элит» с соответствующими характеристиками обособленности и закрытости. В числе ресурсов исследование затрагивает административный ресурс, рассматриваемый с позиций нагнетания динамики самоорганизации, иными словами с позиций реализации турбопотенциала.

Теоретико-методологический вектор исследованию задали работы, рассматривающие ресурсы влияния доминирующих групп [8; 10; 11], посвященные различным аспектам рент-ориентированного поведения [15; 16; 21] и феномену политического предпринимательства [17; 18; 20]. Принципиальное значение для анализа политического пространства современных локальных территорий и сообществ имеют работы П. Бурдые [3; 4; 5], Л. Болтански и Э. Кьяпелло [2], М. Кастельса [9].

Исследование выполнено с учетом практического опыта работы автора с локальными сообществами и органами публичной власти

на региональном и муниципальном уровнях современной отечественной системы государственного и муниципального управления.

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА САМООРГАНИЗАЦИИ

Динамику политического действия, организующего сообщество и его пространство — «колесо ресурса», характеризует следующая последовательность: $R - I - S(pa) - R$, в которой R — ресурс, I — интерес, S — политико-административная самоорганизация. Рассмотрим ее подробнее.

Структура любого ресурса включает востребованное благо, в данном случае позитивная ценность, способность к удовлетворению существующей актуальной физической, интеллектуальной, эстетической и иной потребности (условие блага) и соответствие этой потребности в определенной сфере жизнедеятельности человека и общества — условие нормального существования, комфорта и процветания.

В структуре ресурса также заключен сущностный заряд влияния, что также связано с потребностями других членов сообщества (формирование отношения к благу и ресурсу со стороны сообщества; власть обладания «востребованным», искусительность и притягательность для других — «власть над ними»), а также стремлением обеспечить системное (гарантированное) удовлетворение потребностей (формирование деятельностного импульса носителя ресурса). При этом манипулирование дефицитным ресурсом — одно из проявлений его власти.

Ресурс дает его агенту власть над всеми, кто готов ему подчиниться, для кого он имеет притягательность. Ресурс мобилизует (принуждает или убеждает) к согласию или соглашению агентов, не располагающих ресурсным багажом, и операторов схожих по объемам потенциалов. Таким образом, важно встречное движение в вертикали коммуникации сообщества (массы — элиты) и в горизонтали (элиты — элиты) от объекта к субъекту инициативы. Тем самым формируется система связей, коммуникационная матрица сообщества (каркас политической локальной общности, азимут политической самоидентификации ее акторов).

Ресурс связан с сакральными (священными, неприкосновенными) отношениями собственности — владения и контроля. Владение,

собственность являют собой инструмент гражданственности, акции в общем («нашем») деле самоуправления — *res publica*. Ресурс имеет тенденцию к развитию (проявлению, росту, трансформации и капитализации) и наращиванию политического потенциала. Фактическое наличие ресурсов (включая материальные — имущество, собственность) обуславливает обмены, соглашения, конкуренцию, борьбу, структурирование реальности людей и вещей (предметов), иными словами политику.

Влияние может быть деятельностным (индивидуальное и коллективное действие) и потенциальным. В этой связи отметим два не всегда противоречащих друг другу обстоятельства. Во-первых, потенциал власти имеют ружье на стене, банковский счет, диплом престижного вуза, кресло мэра, свидетельство о браке дочери с сыном начальника местной полиции (преступного авторитета, местного партийного отделения). Во-вторых, политическая энергия ресурса требует выхода и стимулирует развитие/рост (что не означает активность как таковую, действие как самоцель).

Тем самым, отражая разность потенциалов в диспозиции «конфликт — согласие», ресурс имеет выражение во всех трех формах обеспечения господства:

- «эффективное присутствие» (потенциальное действие — действительность без действия; авторитет; минимальные затраты и инвестиции; высокая эффективность; «власть/ресурс любит тишину»);
- дискурс (в вертикальной проекции «элиты — массы» с генерированием социального ресурса и в горизонтальной плоскости «элита — элита» с формированием пространства дома элит; деятельный контроль с вложением инвестиций; «ресурс следует к ресурсу, власть — к власти»; политический контроль и саморегуляция сообщества, правила сообщества; основа политико-административного режима);
- принуждение («винтовка» Х. Арендт [1, с. 60–62], административное силовое воздействие; легитимное/нелегитимное насилие; при необходимости существенные ресурсные вложения; «сила на грани абсолютной власти и полного бессилия»; административные элиты и бюрократический аппарат; административный надзор сообщества от имени и по поручению, законы сообщества;

публично-правовая система административно-политического режима).

Констатируя данность и принимая в исследовательских целях на вооружение функциональную структуру сообществ, сферы жизнедеятельности населения и органов управления локалитетов, профессиональные поля социума, ресурс может быть рассмотрен в разрезе функциональных пространств (социальных сред), являющих в модели П. Бурдьё политические пространства силы [3, с. 54–56, 86–87, 95, 107–116, 136, 146–155]. В самом общем виде, исходя из методологических или технологических задач, их можно дифференцировать на экономическое, культурное, образовательное, правовое и иные пространства.

При этом потенциал политического пространства заключен в каждом из таких функциональных локусов, фактически коридоров развития влияния и генерирования власти сообщества. Каждое такое пространство представляет собой коридор развития индивидуальных ресурсов и генерирования ресурсов коллективных с использованием организационных, инфраструктурных, правовых и иных возможностей функциональной среды.

Нельзя не сказать об объемах ресурсов. Исходя из логики системы, минимальными ресурсами обладает каждый представитель сообщества — физическим телом (признаком потенциальной и обязательной включенности в динамику развития, освоения и переосвоения; только физические и иные изъяны могут объяснить самоустранение), соответствующими физическими и интеллектуальными потенциалами. Равным образом, в данной системе координат покушение на тело — сакральное покушение на собственность с соответствующими уголовными последствиями [12, с. 27–45]. Ранее стадиями укрепления позиций было использование силы этого тела для присвоения орудий труда, охоты и войны, женщин, земель и т.д. В современных сообществах дальнейшее связано с включением в систему конвертации, обменов, соглашений согласно уровню ресурсных ставок (в логике горизонтали — дома элит или вертикали — самоорганизации).

Объем ресурса не только наделяет субъектностью, но и определяет разрез выстраивания отношений с действительностью: от личного пространства к публичному (общественному). Здесь необходимо отметить два принципиальных обстоятельства.

Первое: примирая в этом смысле парадигмы элитизма и плюрализма, Р. Даль подчеркивает усиление политической активности по мере увеличения ресурсных резервуаров располагающих ими акторов [7, с. 74].

Второе: наращивание политической активности (с некоторых позиций — в полной мере ее пробуждение) образуется в коллаборации акторов, представляющих в том числе различные ресурсные области и заряды.

Иллюстративен сюжет строительства дома, использованный В.Г. Ледяевым, в котором способность выстроить дом предполагает не только необходимые внутренние качества (знания и умения), но и строительные материалы и инструменты (кирпич, цемент, песок, вода и пр.). Пример свидетельствует о необходимости учета как внутренних свойств индивидов, так и внешних — имеющихся у него иных ресурсов [10, с. 214]. Здесь же необходимо взаимодействие людей с различными компетенциями. Способность к власти, таким образом, активизируется во взаимодействии с другими субъектами, различного рода ресурсами и в определенных условиях.

Ресурс как единица власти влечет политическое коллективное действие в непубличной и публичной сферах. Таким образом, ресурс есть потенциал, средство и цель.

Ресурс может быть индивидуальным и коллективным, материальным и нематериальным (последние имеют непосредственное отношение форматированию символического пространства), местным и транзитным (поток). Их комплекс в физическом, коммуникативном и символическом пространствах локалитетов создает воронки интересов, транслируемых держателями ресурсов. Тем самым ресурс «заземляет» отношения, привязывает их локации в административных границах муниципалитета.

Политический заряд приобретает могущество в сочетании внутренних и внешних ресурсов — символических, культурных и материальных, а также в комплексе ресурсов индивидуальных (включая частный политический) и коллективных (социальный, групповой политический).

Если ресурс есть потенция действия, то интерес олицетворяет его импульс. Развитие ресурса происходит между двумя приоритетами:

максимизация прибыли и минимизация издержек. В данном случае речь идет о механизмах освоения и присвоения, различных формах ренториентированного поведения [21]. Модель реализации интереса стимулируется реалиями рыночного града [2, с. 82–86] как наиболее адаптивного, гибкого и универсального. Рыночная парадигма детерминирует ресурс и его алгоритмы: ставки, трансформации, цикличность.

Интерес связан не только с сущностными установками на развитие, но и потребностью в защите ресурсных потенциалов, при этом:

- изначально уровень и объем ресурсов повышает интенсивность реализации интереса;
- значение фактора защиты при реализации импульса политического действия возрастает по мере наращивания ресурсов.

Обеспечение тактической и стратегической защиты напрямую связано с бытием сообщества и организацией публичной власти в нем. Система правил сообщества обеспечивает политическую защиту в стратегическом измерении, система права (закон) предоставляет административную защиту.

В комплексе политико-административный режим локалитета является гарантом развития и безопасности — защитой от несистемных угроз и всех видов конкуренции в парадигме «порядка законов и правил». Проявлением применения на практике законов и правил в отношении аутсайдеров (вне логики развития и освоения, включенности в производство пространства) являются практики гражданской инклюзии, отмены, расчеловечивания.

Стартовый этап оформления ресурсных потенциалов связан с формированием личности, готовностью именно в этой логике распорядиться «десятью, пятью, двумя или одним талантами». Политический импульс и потенция развития следует из локуса «Я-частное пространство» в локус «Я-город», преодолевает пределы среды человека, границы его пространства в измерении социальных ролей, в первую очередь профессиональной сферы, которая открывает перспективы развития и укрепления ресурсного потенциала.

Инструменты и реалии последующей самоорганизации — конвертация, кооперация, соглашения и обмены, конкуренция. Согласно установкам рыночного града иные смысловые пространства с легко-

стью могут быть в него интегрированы. Тем самым рыночный град укрепляет свои стены; в той же логике экономическая сфера с соответствующими ресурсами, наиболее удобные в процессе обменов и конвертации, составляют стержень процессов сообществ. Вместе с тем потенциал экономических ресурсов наиболее эффективно раскрывается в комплексе с иными ресурсами, в том числе нематериальными.

ИССЛЕДОВАНИЕ САМООРГАНИЗАЦИИ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ РЕЖИМА ОСВОЕНИЯ

Каждая формальная функциональная сфера в институциональном выражении имеет свою иерархию и систему позиций — формальных и репутационных. Каждая сфера представлена элитами, предэлитными слоями и неэлитами. Соответственно каждая из них — пространство отношений, генерирующих власть: борьбы за позиции, внутренней конкуренции и альянсов. В этой среде ведется поиск конкурентных преимуществ.

Знаковый сюжет — формирование кросс-функционального политического пространства. Функциональные поля не находятся в вакууме, так же как субъект сообщества исполняет множество социальных, политических, экономических ролей: он профессионал в соответствии с образованием в сфере основной занятости, избиратель и избираемый, участник общественных проектов и инициатив, потребитель и производитель товаров и услуг, прихожанин церкви, футбольный болельщик, блогер и т.д. Возникает вопрос совмещения позиций (ресурсных потенциалов) в различных социальных плоскостях.

С учетом принципа гомогенности заинтересованные коммуникации преодолевают условные стены функциональных коридоров, создавая сетевые структуры объединения ресурсов, согласования интересов, распределения издержек и прибылей, дальнейшего роста. Данные ассоциации рискнем назвать «группами перспективы» не только интересов, но и ресурсов, издержек/прибыли и роста (развития).

Малое сообщество, обладающее наивысшим политическим индивидуальным и коллективным потенциалом (они находятся в неразрывной связи и взаимозависимости) — кросс-функциональный клуб,

девелоперское ресурсное поле, пространство «прокуренных кабинетов» (smoke-filled room) или дом элит локалитета — тот самый дом, возведение которого имеет потенции социального контроля, площадка «делиберации равных», политический институциональный фулл-хаус, символический маяк развития и потребления высшего (праздного, с давними традициями, берущими истоки из силовой сферы, сферы религии и развлечений [6, с. 8]) класса для других представителей сообщества. Именно здесь комбинации ресурсов и наиболее выигрышные композиции интересов закладывают основу политико-административного режима локалитета, наполняют политической жизнью институциональную и правовую матрицу муниципалитетов. Дом элит занимает центральное место в символическом проекте «Я-город» и физическом пространстве города (муниципалитета).

Вектор политики на этом этапе — доступ к точке принятия решения исходя из институциональной архитектуры публичной власти (позиции главы / главы администрации, руководителя представительного органа и депутатов, муниципальная бюрократия и пр.). Речь идет об установлении устойчивой сетевой связи с этими позициями и не всегда о персональном инкорпорировании (особенно в условиях назначений и командирования «варягов»). Иными словами, о координации административного ресурса: контроле за процессом формирования корпуса руководителей, кадровой политикой, частными ресурсными потоками местными и транзитными, трансфертами власти и бюджетов более высокого уровня, вовлеченности в административные коммуникации (в том числе правоохранных, силовых и судебных структур).

Динамика «пламенеющего фронта», отношений, создающих общество как пространство субъектов и связей (ресурсов, интересов, соглашений и конкуренции) — «борьбы огня с огнем» [19].

На ступени функциональной и кросс-функциональной самоорганизации процесс развития имеет горизонтальное и вертикальное выражения. В первом случае выстраивается сеть внутри сферы (далее — между сферами), во второй — ведется поиск канала для получения стратегического простора на новом уровне. С позиций изучения самоорганизации сообществ существенный интерес вызывает, помимо функциональных ресурсов согласно сферам жизнедеятельности

сообществ, синергетический социальный ресурс. «Другие 20 %» социального ресурса Ф. Фукуямы [14, с. 31–46] — мостик, соединяющий общину и общество Ф. Тенниса [13, с. 39].

Он значим для коммуникации по оси «элиты — не элиты» при приобретении позиций элиты (функциональная сфера, непубличная кросс-функциональная политическая сфера, публичная административная сфера) для дальнейшего развития (платформа для движения вверх). Речь идет о консенсусе с неэлитами, соглашении с элитами.

Во-первых, исходя из установок развития и защиты ресурсных платформ, во-вторых, находясь в жестких конкурентных условиях, в-третьих, при схожих стратегиях-алгоритмах иных членов сообществ, акторы следуют по мере зрелости ресурса в политической динамике общества (траектория «трека-лестницы»).

Стагнация грозит потерей позиций на каждом из этапов трека: F — CrossF — A(reg), где F — функциональная сфера, CrossF — кросс-функциональная сфера, A(reg) — административная сфера и соответствующий политико-административный режим). При этом по мере продвижения к позициям принятия решений в публичной сфере (административные элиты) политическое нагнетание усиливается (уровень объемов, зрелости и универсальности ресурсов, а также активности и мотивированности конкурентов, фактора инкумбента/челленджера). Оно выражается как в конфликтах (с использованием силовых легальных и нелегальных методов), так и в соглашениях в ходе формирования административных элит исходя из способов (прямые и не прямые выборы, назначения) и институционально-правовой архитектуры локации (система органов, иерархий, полномочий).

Наконец, административный узел — одновременно высший этаж локальной политики и самоорганизации и плацдарм для развития (роста), использование преимуществ подключения к административно-управленческим, финансово-экономическим, информационным и иным ресурсным потокам.

В отечественных условиях укрепления вертикали управления в муниципальной сфере, усиления административного и хозяйственного присутствия регионов на политическом поле локалитетов, императивов единой системы публичной власти, статус административных элит вне зависимости от способа инкорпорирования (выборы, конкурс)

предоставляет двуединое право действовать «от имени и по поручению» сообщества и государства в лице руководителя региона.

Административный ресурс является искомым легитимным турбо-ресурсом публичной власти. Турбо-ресурс позволяет укреплять власть не только за счет владения в собственности (в пределах административного плеча муниципальной локации это вряд ли возможно на практике), но контроля ресурсных потоков (их направления и перенаправления, старта и прекращения, замедления и ускорения).

Политическая самоорганизация формирует сообщество и производит пространство (порядок, фронт) локации: физическое, коммуникативное и символическое.

Генеральный вектор развития ресурса и соответствующих этапов генерирования власти, таким образом, может быть выражен следующим транзитом: функциональное пространство — кросс-функциональное пространство — административное пространство. Любой значимый в соответствующей локации и соответствующей системе отношений (хозяйствования) ресурс обладает выраженным политическим потенциалом. Он политичен в индивидуальном выражении и генерирует политику «в квадрате» в ходе функциональной и кросс-функциональной самоорганизации. Сети, обмены, конкуренция образуют динамичный каркас сообществ — не менее значимый элемент, нежели его акторы. Политика «в третьей степени» или «третий акт» политической самоорганизации — это выход политических акторов на поле публичной политики. Именно в этом «чеховском» акте винтовка Х. Арендт «стреляет» — имеет легитимное право реализовать насилие в рамках правовых норм и оперирует административным ресурсом.

ВЫВОДЫ

1. С одной стороны, символический потенциал рыночного града (представления о частном и общем благе, мотивация и модель поведения), с другой — экономические ресурсы, обладают базовыми потенциями организации рабочей модели межфункциональных коммуникаций и интеракций, наиболее значимыми резервами для самоорганизации сообществ и генерирования власти в них. Речь идет как о воронках интересов, так и о самих основаниях их возникновения.

Тому способствует существующий формат взаимодействия публичной власти и экономических элит при развитии локалитетов (включая практики частно-государственного/муниципального партнерства) и развитие модели сервисного государства; основания формирования машин роста; реализации актуальных для публичной власти всех уровней, муниципалитетов и населения девелоперских проектов, в немалой степени — управления частными инвестиционными потоками и трансфертами вышестоящих бюджетов.

Вместе с тем в предлагаемой модели самоорганизации все иные ресурсы вступают в диалог с экономическими ресурсами (втягиваются в воронку), «начинают говорить на языке последнего», главное — приобретают символический формат (не только цену, но оценку) для обменов. С учетом эффекта гомогенности ресурсы объединяют («ресурс следует к ресурсу») их агентов со схожими позициями и институциями на непубличной платформе дома элит, подталкивают к наиболее эффективным стратегиям политического успеха — от эффективного присутствия («ресурс любит тишину») до насилия.

Рынок является тотальной — универсальной и кросс-функциональной — политической платформой процессов самоорганизации современных сообществ, доминантой политической и административной легитимизации.

2. «Вторая» — политическая, «единственная», «истинная» — конкуренция отражает логику магистрального движения от персонального к коллективному, от политического к административному. Рассмотренная в статье модель предполагает получение доступа к точке принятия решения посредством пространства дома элит (уровень существенного политического влияния) и не всегда предполагает персональное инкорпорирование; она актуальна и в условиях выборов, и конкурсных процедур (назначений), что особенно важно в современных условиях реформирования местного самоуправления.

Непризнание тотальной конкуренции связано с теоретическим допущением, согласно которому функциональные поля герметичны и социальные роли одномерны, отсутствует движение ресурсов и заинтересованная горизонтальная кооперация (самоорганизация) —

в том числе (и в первую очередь), среди элит. Непризнание ее политического характера сопряжено с отнесением потенций влияния и властвования лишь к сфере публичной политики и соответствующих институтов.

3. Социальный ресурс в адаптивной рыночной модели избегает первичной сущностной оппозиции с рациональной механистичностью диалога интересов, становится условием согласия (по базовым правилам) и легитимности. Это условие консенсуса в горизонтальной (дом элит) и вертикальной (элита — массы) проекции, опора для продвижения на новый уровень (ступень) развития, политической субъектности.

Вместе с символическим ресурсом (обеспечение необходимой оптики восприятия потенции ресурсной мощи), символический ресурс обеспечивает встречное движение объектов (предметов) управления к субъектам. Это движение повышает эффективность деятельности политических агентов дома элит по достижению консенсуса (поддержки, соглашений) в структуре сообществ по вертикали и горизонтали (наименьшие издержки и действия для оптимального результата, избегание крайних форм власти — применения легального и нелегального насилия).

4. Рынок (максимизация и конкуренция) не противоречит администрированию, а предопределяет его. Потенциал ресурсов и импульс интересов в условиях конкуренции нормативно предусматривают использование преимуществ, важнейшее из которых связано с публичной властью.

Данное обстоятельство следует рассматривать не столько в логике коррупционных действий, но и в качестве легитимной системы практик формирования политико-административного режима, политический и административный сегменты которого фактически неразделимы. В сложных обществах матрица публичного управления — институциональный и правовой контуры самоуправления — формируют локации и закрепляют позиции их ведущих акторов.

Максимальные конкурентные преимущества достигаются за счет доступа к регулирующему ресурсу (легитимной публичной силе принятия решения) в данной сфере — в дополнение к горизонтальной самоорганизации (соглашения, обмены) и социального ресурса внутри

функциональной сферы и горизонтальной коммуникации вне функциональных сфер с влиянием принципа гомогенности. Как и социальный ресурс, административный турборесурс адаптируются рыночной логикой и трансформируются в факторы роста и безапелляционные конкурентные преимущества.

5. Искомая цель значимых субъектов самоорганизации и результат динамики сообщества — режим развития ресурса — есть оптимальный политический режим как формат системного развития (политический девелопмент):

- максимизирующего поведения (импульс универсального политического интереса, концентрирующего импульсы из всех функциональных полей);
- освоения (картографирования, систематизации, опредмечивания, охозяивствования, введения в 1) оборот; 2) отношения; 3) реальность по оси координат «прошлое — настоящее — будущее», единственно реальную и легитимную с доминирующими образами прошлого, настоящего и будущего;
- присвоения, распределения и перераспределения;
- вовлечения и исключения (политического отбрасывания за пределы режима либо за границы современного полиса).

Речь идет о мобилизации ресурсного частного и публичного, индивидуального и коллективного, локализованного и потокового потенциала муниципалитета (модель «Я-город»), включая символические, социальные и административные резервы и системном легитимном (политическом и административном) контроле над ним.

Это режим функционального (по сферам), политического (кросс-функционального, горизонтального и вертикального) функционирования, во-первых, сообщества (акторы, связи, вещи), во-вторых, локалитета (физического, коммуникативного и символического пространств) — политико-административный режим. Режим развития и защиты ресурсных потенциалов власти посредством правил (политический режим) и законов (административный режим).

6. Стратегии максимизации ведут к укреплению ресурсных платформ и дома элит, усилению социальной, экономической, культурной (в комплексе — политической) дифференциации в сообществе по оси «элиты — массы», а главное к формированию легитимной публичной

власти, обеспечивающей (институционально, нормативно, символически) воспроизводство данной политической модели. Это система политической и административной власти — доминирования, контроля и управления над потоками и кластерами ресурсов, пространством и временем, сообществом.

Данная модель самоорганизации пластична и подвижна. Смена правящих коалиций и, как следствие, политико-административных режимов, определяется перераспределением сил внутри существующей системы баланса интересов (дома элит) вследствие демобилизации ресурсов одних акторов и актуализации потенциала ресурсов других субъектов, рекомбинации интересов, пересмотра соглашений и договоров, появления новых ресурсных магистралей. Так, в пространстве локалитетов очень важны потоки инвестиций и управление ими, а также влияние потока административного ресурса регионального уровня (неформально и посредством распространения конкурсных процедур в отношении руководителей местных администраций в 2014–2024 гг.).

7. Модель самоорганизации современных сообществ формирует политическая динамика, генерируемая «колесом ресурса» ($R - I - S(pa) - R$) в векторе «трека-лестницы» ($F - CrossF - A(reg)$). При этом реализуются установки «политики для» (развитие, максимизация), «политики над» (политические и административные элиты, бюрократия) и «политики с» (самоорганизация по горизонтали и вертикали).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Хабаров Илья Александрович, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, кандидат политических наук, руководитель Центра по связям с общественными институтами Департамента по стратегическим коммуникациям. **Телефон:** 89107559788. **Электронная почта:** hia68@mail.ru

Research Article

ILYA A. KHABAROV

Tambov State University

392000, Tambov, Internatsionalnaya street, 33.

RESOURCE-DYNAMIC SELF-ORGANIZATION MODEL OF LOCAL COMMUNITIES

Abstract. The problems of self-organization of modern local communities and the formation of spaces of their interested communication are analyzed. A model of self-organization implemented in the transit vector is proposed: resource — interest — self-organization — resource. In this regard, the possibilities of their capitalization and conversion are evaluated. Various resources and their political potencies are considered. Among the significant intangible resources, special attention is paid to specific social and symbolic resources. The author concludes that the dynamism of the model is associated with the realization of the resource potential of actors from individual to collective, from private to public, from functional to cross-functional and administrative. The platform of the current model of self-organization is largely the symbolic space of the market city and the priorities of the implementation of development strategies. On the one hand, abandoning them in harsh competitive conditions threatens the actor with the loss of all significant positions, the loss of his own political subjectivity. On the other hand, this model makes it possible to overcome competitive constraints, obtain preferences for the status of a political and administrative agent, and take advantage of systemic access to the creation and functioning of a political and administrative location regime with appropriate legitimate possibilities for disposing of an administrative resource (turbo-resource). Access to the turbo resource is of particular importance in the context of strengthening the unified system of public authority, reforming the existing system of local government, and personalized regional political regimes. In the context of considering the stages of political self-organization of communities, the features of the house of elites are considered — the unofficial basis of the political and administrative regime of the locality, represented by the elites of various functional spheres, united by the practices of beneficial exchanges and agreements and separated by a difference of interests. This field represents the core of the actual self-organization of communities and the formatting of the spaces of modern localities.

Keywords: self-organization, community, locality, resource, interest, competition, development.

For citation: Khabarov I. A. Resource-dynamic self-organization model of local communities. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 7–26. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.1>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ilya A. Khabarov — Derzhavin Tambov State University, Candidate of Political Sciences, head of Center for Relations with Public Institutions of the Department of Strategic Communications. **Phone:** 89107559788. **E-mail:** hia68@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Арендт, Х. О насилии* / Пер. с англ. Г.М. Дашевского. М.: Новое издательство, 2014. 148 с.
Arendt H. On Violence. [Russ. Ed.: *O nasilii*. Transl. from Eng. by G.M. Dashevsky. Moscow: Novoe izdatel'stvo publ., 2014. 148 p.]
2. *Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма* / Пер. с фр. под общ. ред. С. Фокина. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 976 с.
Boltanski L., Chiapello E. Le nouvel esprit du capitalisme. [Russ. Ed.: *Novyi dukh kapitalizma*. Transl. from French by S. Fokin. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2011. 976 p.]
3. *Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики* / Пер. с фр.; отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетеия, 2005. 576 с.
Bourdieu P. Espace social: champs et pratiques [Russ. Ed.: *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii publ; St. Petersburg: Aleteiya publ, 2005. 576 p.]
4. *Бурдьё П. От «королевского дома» к государственному интересу: модель происхождения бюрократического поля* // Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетеия, 2001. С. 51–64.
Bourdieu P. De la maison du roi à la raison d'Etat. Transl. from French by N.A.Shmatko. Burdè P. Sotsioanaliz P'era Burdè. Al'manakh Rossiisko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiiskoi Akademii nauk. [Socioanalyse De Pierre Bourdieu. Almanach du centre Russo-français de sociologie et de Philosophie de l'Institut de sociologie de l'Académie des sciences de Russie]. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2001. P. 51–64. (In Russ.)
5. *Бурдьё П. Формы капитала* / Пер. с фр. М.С. Добряковой // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 5. С. 60–74.
Bourdieu P. Les formes du capital. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002. Vol. 3. No. 5. P. 60–74. (In Russ.)
6. *Веблен Т. Теория праздного класса* / Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ, 2022. 416 с.
Veblen T. The Theory of the Leisure Class [Russ. Ed.: *Teoriya prazdnogo klassa*. Transl. from Eng. by V. Zhelninov. Moscow: Izdatel'stvo AST Publ., 2022. 416 p.]

7. Даль Р. Введение в экономическую демократию / Пер. с англ. В.Р. Евстигнеева. М.: Наука: СП ИКПА, 1991. 126 с.
Dahl, R.A. A Preface to Economic Democracy [Russ. Ed.: *Vvedenie v ekonomicheskuyu demokratiyu*. Transl. from Eng. by V. R. Evstigneev. Moscow: Nauka publ: SP IKPA publ, 1991. 126 p.]
8. Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 2. С. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>.
Duka A.V. Elites in the structure of political opportunities. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2> (In Russ.)
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
Castells M., The Information Age: Economy, Society and Culture [Russ. Ed.: *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura*. Transl. from Eng. by O.I.Shkaratan. Moscow.: GU VShE Publ., 2000. 608 p.]
10. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 384 с. (In Russ.)
Ledyayev V.G. *Vlast': kontseptual'nyi analiz*. [Power: a conceptual analysis]. Moscow.: ROSSPEN Publ., 2001. 384 p.
11. Льюкс С. Власть: радикальный взгляд / Пер. с англ. А.И. Кырлежева. М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 240 с.
Lukes S. Power. A Radical View. [Russ. Ed.: *Vlast': Radikal'nyi vzglyad*. Transl. from Eng. by A.I. Kyrlezhev. Moscow: Izd. dom Gos. un-ta — Vyssei shkoly ekonomiki Publ., 2010. 240 p.]
12. Ротбард М. К новой свободе. Либертарианский манифест / Пер. с англ. Б. Пинскер. М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое изд-во, 2009. 396 с.
Rotbard M. For a New Liberty The Libertarian Manifesto [Russ. Ed.: *K novoi svobode. Libertarianskii manifest*. Transl. from Eng. by B.Pinsker. Moscow.: Fond «Liberal'naya missiya»; Novoe izd-vo publ, 2009. 396 p.]
13. Теннис Ф. Общество и общность. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. М.: Фонд Университет: СПб.: Владимир Даль, 2002. 450 с.
Tönnies F. Gemeinschaft und Gesellschaft. Grundbegriffe der reinen Soziologie. [Russ. Ed.: *Obshchestvo i obshchnost'. Osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii*. Transl. from Deutch. D.V. Sklyadnev. Moscow: Fond Universitet; St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002. 450 p.]
14. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. Д. Павловой, В. Кирющенко, М. Колопотина. М.: АСТ; Ермак, 2004. 730 с.

- Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. [Russ. Ed.: *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put' k protsvetaniyu*. Transl. from Eng. by D. Pavlova, V. Kiryushchenko, M. Kolopotin. Moscow: AST Publ.; Ermak Publ., 2004. 730 p.]
15. Congleton R.D., Hillman A.L., Konrad K.A. *Forty Years of Research on Rent Seeking 2: Applications: Rent Seeking in Practice*. Heidelberg, Springer, 2008. 798 p. https://doi.org/10.1007/978-3-540-79182-9_1.
 16. Lopez E. J. *The pursuit of justice: law and economics of legal institutions*. New York: Palgrave Macmillan, 2010. 303 p. <https://doi.org/10.1016/j.socij.2011.08.008>.
 17. Garud R., Hardy C., Maguire S.. Institutional Entrepreneurship as Embedded Agency: An Introduction to the Special Issue. *Organization Studies*. 2007. No. 28(7). P. 957–969. <https://doi.org/10.1177/0170840607078958>.
 18. Hederer C. Political entrepreneurship and institutional change: an evolutionary perspective. *International Journal of Public Policy*. 2010. Vol. 6(1/2). P. 87–103. <https://doi.org/10.2139/ssrn.1127163>.
 19. Maloney W. Interest groups, social capital, and democratic politics. // Castiglione D., Deth J. van, Wolleb G. (Eds.). *The Handbook of Social Capital*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 303–326.
 20. Schneider M, Teske P. Toward a Theory of the Political Entrepreneur: Evidence from Local Government. *American Political Science Review*. 1992. 86(3). P. 737–747. <https://doi.org/10.2307/1964135>.
 21. Tullock G. The origin rent-seeking concept. *International Journal of Business and Economics*. 2003. No. 2. P. 1–8.

МЕХАНИЗМЫ И ПРАКТИКИ ВЛАСТИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.2>.

EDN: MCZSCG

В.А. АЧКАСОВ¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

ПАРАДОКСЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Исследуются парадоксальные особенности региональной этнополитики в современной России, которые, по мнению автора, во многом объясняются тем, что в современной России сохраняется практически без изменений идеологическое и институциональное наследие советской национальной политики. Речь идет прежде всего о преобладании не только в обществе, но и в научном, а также политическом дискурсе этнокультурной трактовки нации. В силу этого политические и интеллектуальные элиты «внутренних» российских наций с большим подозрением относятся к реализации заявленной в «Стратегии государственной национальной политики России до 2025 года» цели — формированию российской гражданской нации, поскольку рассматривают процессы культурной ассимиляции как ненормальные и опасные для этнонаций, а территорию — как категорию «национальной», а в действительности этнической собственности. По результатам исследования автор формулирует некоторые рекомендации, касающиеся необходимых изменений содержания российской этнополитики.

Ключевые слова: региональная этнополитика, Россия, нация-согражданство, политика идентичности, политические элиты, этноцентризм.

Для цитирования: Ачкасов В.А. Парадоксы региональной этнополитики в современной России // Власть и элиты. 2024. Т. №. С. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.2>. EDN: MCZSCG.

Политика государства всегда имеет решающее значение в процессе определения места и политической роли этничности. Транслируемые им дискурсы, создаваемые институты и устойчивые во времени смыслы становятся основой конструирования национальной и этно-региональных идентичностей. При этом условием стабильного существования современной нации-государства является поддержание политическими и символическими средствами вполне определенной иерархии идентичностей его граждан. «В этой иерархии по определению на политический статус может претендовать лишь гражданская идентичность человека, являющаяся приоритетной перед всеми прочими его идентичностями, в том числе и этнической» [14, с.109]. Более того, решение проблемы формирования российской нации-согражданства является ключевой для сохранения государственного единства России. Поэтому требует всемерной поддержки цель, не раз сформулированная В.А. Тишковым: «Всеми доступными методами нам нужно решительно утверждать российский национализм, имея в виду осознание и отстаивание национального суверенитета и интересов страны, укрепления национальной идентичности российского народа, утверждение безоговорочного приоритета самого понятия “российский народ”. Всякие другие варианты национализма на основе этнических крайностей не состоятельны и должны быть отвергнуты» [19, с. 196].

Однако, как писал еще в 2008 г. социальный антрополог Ю.П. Шабаяев, в российских регионах, в том числе под влиянием региональной «национальной» политики и все более массовой иммиграции, происходит последовательное разделение общества на этнические сегменты, идет процесс строительства новой этнической иерархии и невольный отказ от идеи гражданской консолидации [21, с. 143]. Прошло более десяти лет, и этнополитолог В.А. Авксентьев вынужден снова констатировать: «Советская и даже еще более ранняя традиция отождествления национального с этническим укоренилась в отечественной культуре, однако проблема в том, что эта традиция в российских республиках только укрепляется и мы имеем дело с сильным лоббированием идеи этнонации со стороны ученых из республик, политиков и деятелей культуры» [2, с. 164].

В то же время, как свидетельствуют результаты социологических исследований, в современной России наблюдаются очевидные проб-

лемы, связанные с формированием гражданской идентичности. В частности, россияне не очень-то доверяют друг другу. Так, уровень обобщенного доверия (т.е. людям в целом) составил 39 %, уровень обобщенного недоверия — 47 %, и этот показатель одинаков среди русских и нерусских россиян. При этом обобщенное доверие можно рассматривать как действенный фактор становления общероссийской идентичности, поскольку его уровень среди людей с сильной российской идентичностью («часто ощущающих общность с гражданами России») заметно выше, чем среди тех, кто «никогда» не ассоциирует себя с гражданами России. Уровень межэтнического доверия сопоставим с уровнем обобщенного доверия. Однако уровень внутриэтнического доверия заметно выше, что свидетельствует о сохраняющейся большей значимости этнической категоризации для россиян [11, с. 93–102].

В этом контексте современная российская этнополитика, называемая у нас национальной, представляется вполне парадоксальной. Российский исследователь Н.Ю. Силаев так сформулировал этот парадокс: «С одной стороны, “национальная политика” — доктринально материя настолько важная, что ради нее следует создать отдельный федеральный орган исполнительной власти. С другой стороны, на практике она состоит из организации всевозможных форумов и конференций, на которых произносятся речи о ценности культурного разнообразия и дружбе народов, а также из скромной поддержки ки языков и культур народов Российской Федерации» [18, с. 227].

Более того, парадоксальным образом институты, предназначенные для реализации государственной этнополитики и строительства российской нации-согражданства, служат инструментами политизации этничности и закрепления межэтнических различий. Они зачастую поддерживают меры, направленные не на интеграцию и консолидацию граждан России, а вкладывают государственные средства в акции и мероприятия, способствующие воспроизводству и укреплению культурных границ между различными этнокультурными сегментами российского общества. Отсюда ориентация на проведение этнических конкурсов красоты, этнических спортивных турниров, на этническое искусство, этническую моду, этническую религию, этническую журналистику (так, ежегодно проводится конкурс журналистских публи-

каций, посвященных, «гармонизации межнациональных отношений» — «СМИРотворец», на деле способствующий скорее этнизации многих социальных проблем) и т.д. Более того, Маргарита Лянге — президент гильдии межэтнической журналистики РФ, даже говорила о «тихом саботаже» выполнения ключевой цели Стратегии государственной национальной политики (формирование российской гражданской нации) со стороны региональных властей, пытающихся переждать изменения¹.

Анализ реальной политической практики показывает, что демонстрация культурных границ между группами и акцентирование культурных отличий становится во многих случаях основным содержанием региональной этнополитики. Такой подход ведет к абсолютизации культурных отличий и значимости традиций «титulyных» этнических групп и потому чреват откровенным этноцентризмом и конфликтами. В результате «национальная политика, как и в советское время, оказывается машиной для производства этнических идентичностей. И административная практика укрепляет этнос в качестве базовой единицы социального мира, политической сущности» [18, с. 237]. В.С. Малахов определил этот подход как «методологический этноцентризм», т.е. взгляд на общество, как на конгломерат этносов, в котором этническое всецело закрывает собой социальное, экономическое и политическое [12, с. 50].

В свою очередь, своя «этническая территория» считается и сегодня в России и государствах постсоветского пространства необходимым условием для воспроизводства больших и малых народов и для полноценного развития «человека-этнофора». Из этого следует, что защита «своей» территории и сохранение на ней так называемого этнокультурного равновесия имеет стратегическое значение для сохранения «этноса» и воспроизводства национальных языков и культур» (этнических маркеров) [20, с. 10]. Однако закрепление привилегированного положения или монопольного контроля этнического большинства или тем более этнического меньшинства (что имеет место во многих на-

¹ Эксперты обсудили слабые места стратегии национальной политики // Национальный акцент. URL: <https://nazaccent.ru/content/9873-eksperty-obsudili-slabye-mesta-strategii-nacionalnoj.html> (дата обращения: 12.09.2024).

циональных республиках России) над определенной территорией и редкими ресурсами представляет собой институализированную форму этнического неравенства и, в потенции, этнополитического конфликта.

Следует также помнить, что, во-первых, многие лидеры и активисты радикальных национальных движений 1990-х гг. ныне ушли в систему образования, СМИ, экспертное сообщество, продолжая свою «работу» по формированию этнонациональных идентичностей и «национальных кадров». Во-вторых, для существующих сегодня этнических организаций во многих национальных республиках РФ, которые в начале 2000-х гг. вынужденно переквалифицировались из общественно-политических в общественные, именно защита титульного языка, религии и истории стали новой формой идеологии, однако при этом от своих прежних политических целей этнические лидеры отказываться не захотели. Документы национальных движений в России по-прежнему строятся на очевидном противопоставлении этничности российскому гражданству, и эта идейная оппозиция, существующая много лет, активно работает против политики гражданской интеграции и построения российской гражданской нации [5, с. 170–183].

Сотрудничество с этническими активистами, с одной стороны, обеспечивает зависимость возглавляемых ими организаций от региональных властей и их лояльность, но с другой — административная и финансовая поддержка властей делают этнические организации органической частью политического дизайна российских этнорегионов, а сама этнополитика вместо однозначной ориентации на интересы общества и государства в большей мере ориентируется на удовлетворение интересов титульных этнических групп и лидеров этнических организаций. Как добавляет Н.Ю. Силаев, «многие представители республик или главы национально-культурных организаций кооптируются из числа предпринимателей, для которых эта “общественная нагрузка” становится средством развития бизнеса. “Этнос” оборачивается патрон-клиентской сетью, наделенной символическим капиталом и административным ресурсом» [18, с. 238].

Факт мультиэтничности национальных республик РФ воспринимается и властями, и этническими активистами не как стимул для выработки интегральной идеологии, но как мотив к еще большей инсти-

туционализации этнической идентичности и интенсификации усилий по защите групповых прав «коренных этносов», которые лишь еще больше стимулирует центробежные тенденции и практически всегда влекут за собой произвол и неравенство, так как сам отбор привилегированных групп, равно, как и определение того, кто к каким группам принадлежит, является вполне произвольным. Поэтому можно отметить еще одну устойчивую тенденцию: акцентированные культурные отличия между этническими группами одного территориального сообщества являются, во-первых, основанием для построения статусной политики элит «титულიной» группы, использующей для этого часто сфабрикованные исторические аргументы и культурные символы; во-вторых, еще одним ресурсом для легитимации особых прав этой группы. Все это потенциально разрушает гражданскую солидарность и гражданское единство в российских регионах.

В результате региональные власти оказываются в ловушке преимущественно имитационной этнополитики. Как следствие, действующие ныне региональные институты «национальной политики» часто оказываются нечувствительными к реальным проблемам, с которыми сталкиваются местные этнокультурные сообщества. Они не только не способны организовать эффективный мониторинг межэтнических отношений в регионе и существующих конфликтных ситуаций, но и не в силах разрешить возникающие конфликты, в частности потому что их кадровые, административные и финансовые ресурсы крайне ограничены. Не имея реальных возможностей решать существующие проблемы, институты этнополитики, как уже отмечено, пытаются демонстрировать свою эффективность путем ориентации на наименее сложную и визуально фиксируемую сферу деятельности — организацию различных фольклорно-фестивальных мероприятий. «Бюрократическая традиция заставляет не только «визуализировать» национальную политику, но и идеализировать характер межэтнических отношений в национальных республиках, что никак не помогает решать наиболее сложные проблемы реальной этнополитики» [23, с. 167–183].

Дополнительную опасность в этом контексте, несет сегодня то, что «политики мейстрима... разделяют с политическими маргиналами готовность помещать и миграционную проблематику в контекст «меж-

национальных/межэтнических отношений», — отмечает В.С. Малахов. В таком контексте сложнейший комплекс общественных отношений — между работодателями и работниками, между административными структурами и бизнесом, между организованными преступными группировками и властями, между приезжими и местными работниками и т.д. — упрощаются до отношений между «этносомами». Результат такого упрощения — истолкование социальных конфликтов, связанных с иммиграцией, в качестве «межнациональных конфликтов». Крайне опасное упрощение, особенно если учесть, какой мобилизационный потенциал оно в себе таит [13, с. 205–206].

В 1990-е и 2000-е гг. для понимания региональной политики идентичности и доминирующих общественных настроений значимой была бинарная оппозиция «Москва — регионы», или, если точнее, «Богатая Москва — бедные регионы», «То, что “Москва всех грабит”, для любого регионального жителя столь очевидно, что даже нет необходимости искать ссылку на мнение. Это “все знают”», — с иронией отмечал Л. Бляхер [6, с. 94]. Правда, одновременно в формируемых региональных мифах, зачастую проглядывал «комплекс неполноценности» по отношению к Центру. Сегодня эта политика уже не конфронтационна и, как правило, имеет два основных направления: 1) изыскание и популяризация региональных героев и символов; 2) формирование позитивного и привлекательного регионального имиджа. Однако, отличительными чертами региональной политики идентичности является ее гибкость и латентный конфликтный потенциал. То есть в зависимости от характера отношений между центром и регионом одни и те же символы, места памяти, события и процессы могут быть наполнены различным нарративным содержанием, которое даже может быть противоположно предыдущему.

Поэтому инструменты политики идентичности те же, что и раньше: мифотворчество, исторические манипуляции, попытки воссоздания старых и конструирования новых традиций и др. К числу новых ее особенностей можно отнести разве что разработку, по примеру федерального центра, разного рода заведомо не реализуемых концепций регионального развития на среднесрочную перспективу.

В то же время в отсутствие внятного политического дискурса элит по поводу задач гражданского нациестроительства, понятных гражд-

данам России и направленных на не конфронтационное развитие общества и государства, крайне затруднены: и поиск гражданами конкретных маркеров общероссийской гражданской идентичности, и процесс ее обретения. Поэтому сегодня в условиях острейшего геополитического кризиса россияне, отмечает М.А. Аствацатурова, «по российской министральной¹ традиции повышают свою лояльность отечеству, отождествляя отечество с государством, государство с властью, а власть с Президентом РФ в конкретной персонификации» [4, с. 46].

В результате смысл «национальной политики» радикально искажается. В связи с чем, как представляется, можно говорить о наличии идейного и организационного кризисов государственной этнополитики в современной России.

По мнению экспертов, для того чтобы предотвратить осуществление потенциального сценария регионализации и даже распада России, необходимо радикально изменить отношение к этнополитике и ее содержание:

Во-первых, необходимо уделить серьезное внимание кадровому составу институтов этнополитики, организовать эффективную этнополитическую подготовку и переподготовку кадров государственных служащих, отвечающих за формирование региональных моделей этнополитики.

Во-вторых, необходимо, унифицировать саму систему этнополитических институтов, поскольку необходимость проведения единой государственной национальной политики диктует необходимость не только общей доктринальной и законодательной базы такой политики, но и единых институтов, с помощью которых эта политика будет реализовываться.

В-третьих, надо пересмотреть и расширить функции данных политических институтов.

В-четвертых, институты этнополитики должны наладить тесное сотрудничество с академической и вузовской наукой и исключить

¹ Министериалитет — это служба, в которой отсутствует договорная основа, т.е. слуга находится в прямой и безусловной зависимости от господина.

практику, когда исследования этнических проблем проводятся случайными людьми, а корпус экспертов формируется за счет общественных активистов — «этнопредпринимателей» или ангажированных ученых и чиновников.

В-пятых, крайне важно выработать серьезные критерии оценки деятельности институтов этнополитики. По мнению экспертов, такими критериями не может быть количество проведенных фольклорных фестивалей и конференций или суммы, потраченные на поддержку национально-культурных автономий и их лидеров. Очевидным критерием оценки будет служить уровень распространения настроений толерантности/интолерантности и гражданской солидарности в каждом конкретном регионе. Оценка уровня подобных настроений может быть осуществлена социологическими методами, но проводить социологические замеры должны лишь независимые от региональных властей социологические службы [22, с. 27–28].

В-шестых, как с недоумением отмечают эксперты, проблематика особенностей федеративного устройства, централизации/децентрализации власти не фигурирует ни среди основных вопросов государственной национальной политики, требующих особого внимания, ни среди целей национальной государственной политики, ни среди ее приоритетных направлений [1, с. 12]¹.

В-седьмых, русские, как и в советские времена, остаются «незамеченным объектом национальной политики» [8, с. 195]². Однако защита их от проявлений дискриминации по этническим основаниям не менее актуальна, чем защита прав представителей этнических меньшинств России. Как резонно отмечал еще пятнадцать лет назад академик В.А. Тишков, «престижность русскости и статус русских можно и нужно повышать [но] не на пути отрицания российскости, а на пути утверждения двойной идентичности (русской и российской), через улучшение условий жизни регионов преимущественного про-

¹ В редакции Стратегии государственной национальной политики 2018 г. по этой проблеме изменений не произошло.

² Характерно, что отдел ЦК КПСС по делам национальностей тоже занимался проблемами исключительно нерусских регионов и национальных меньшинств.

живания русских, через содействие их социальному и политическому представительству в российском государстве» [3 с. 101]. Но прежде всего решение «русского вопроса» предполагает обеспечение равных условий и возможностей для развития регионов страны, сбалансированной финансовой поддержки регионов со стороны федерального центра.

Можно констатировать, что доставшаяся от советского прошлого модель межэтнического общежития не могла быть улучшена за счет частичных, косметических изменений и должна быть заменена гражданско-политической моделью национальной/гражданской интеграции, одной из базовых преимуществ которой является способность к саморазвитию, перенастройке и тем самым к оперативным ответам на постоянно возникающие вызовы. При этом важнейшим условием гармоничного сосуществования гражданской и этнокультурной идентичностей является формирование в стране такой политической институциональной среды, которая позволила бы носителям разных культур ощущать себя равноправными участниками развития государства, т.е. его гражданами, а не подданными отчужденной от них власти. Пока же эксперты вынуждены констатировать: «Идея непротиворечивого соединения этнической и общероссийской идентичностей привлекательна и в теоретическом, и в практически-политическом плане, но является скорее нормативной моделью, чем эмпирически фиксированным фактом» [9, с. 23].

Обычно исследователи предлагают шесть основных способов урегулирования этнополитических проблем:

- консоциация, т.е. инкорпорация этнических групп и прежде всего их элит в политическую и административную структуру центральных органов государства;
- синкретизм — культурное представительство этнического разнообразия (предоставление права на «национально-культурную автономию» и т.д.) при фактической деполитизации этничности;
- судебный надзор и арбитраж этнических проблем (а также создание института вмешательства в этнические процессы центральной исполнительной власти);
- федерализация — децентрализация и разделение власти по вертикали, предполагающая передачу значительной части властных

полномочий субъектам федерации, т.е. создание той или иной комбинации самоуправления и разделенного правления, что, в частности, предполагает иерархическое упорядочение доступных для личности вариантов идентичностей, при обеспечении первенства национальной гражданской идентичности;

- переход от определения гражданства «по крови» к определению его «по почве», что предполагает, получение гражданства любым человеком, родившимся на территории данного национального государства, конечно, при выполнении им ряда обязательных условий;
- символическая политика — поиск общих традиций, исторических символов, общих героев, общих лояльностей, изъятие из публичной речи понятий, приобретших в языке устойчивых негативные коннотации («лица кавказской национальности», «нацмены», «этноцид» и др.) и замена их нейтрально окрашенными.

В идеале, для того чтобы добиться успеха в этнополитике, предотвращении и урегулировании этнополитических конфликтов, как вертикальных, так и горизонтальных, «этничность должна быть максимально деполитизирована, подчинена приоритету прав человека и свободы личности. Национализм не должен переходить в этнонационализм, а базироваться на общегражданской солидарности и патриотизме. В системе политических отношений... этнический фактор не должен играть большой роли, и даже вообще может быть исключен из политической сферы как самостоятельный и самоценный... при обязательном возрастании его роли в культуре» [16, с. 58].

Не менее важно снизить значимость широко распространенного в нашем отечестве дискурса этнических, культурных, конфессиональных различий, отказаться от интерпретации политических, экономических, социальных проблем исключительно в терминах этничности, культуры, конфессии, а также от риторики доминирования, центрированной вокруг поиска «государствообразующих» народа, культуры, религии. Напротив, «признание (культурного) разнообразия и права на (культурное) отличие — с ориентацией на защиту прав гражданина вне зависимости от его этнической, культурной, конфессиональной принадлежности — должно стать основой российского национального проекта. Сама культура при этом не должна пониматься как гомо-

генная и неизменяемая субстанция, имманентно связанная с этничностью» [10, с. 141].

Иначе говоря, социокультурная интеграция находится в зависимости по крайней мере от четырех различных, но взаимосвязанных процессов, которые в системном единстве способствуют формированию гражданской идентичности:

- 1) признание плюрализма этнокультурных идентичностей в целях содействия макросоциальной солидарности в рамках единого гражданского нормативно-правового пространства;
- 2) политическое представительство и коллективные права этнических меньшинств на всех уровнях в целях гарантирования того, что интересы, идентичности и ценности различных социокультурных групп учитываются в процессе принятия государственных решений и распределения ресурсов;
- 3) перераспределение экономических и политических ресурсов между различными социальными субъектами в целях предотвращения диспропорций и фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности [15, с. 144–145].
- 4) системные меры в таких сферах, как противодействие этнической дискриминации, утверждение равенства граждан перед законом, расширение участия в управлении, снижение уровня коррупции в тех сферах, которые особенно чувствительны для этнической политики [7, с. 23].

Сегодня также ясно, что национальная интеграция «поверх» имеющихся культурных различий невозможна без некоторой степени культурной унификации. В конечном счете стабильное существование любого демократического государства невозможно без социальной интеграции, которая неизбежно требует осознания индивидами, которые принадлежат к различным этнокультурным и конфессиональным группам, своей принадлежности к сообществу его граждан и определенной культурной общности.

«Производство» единой повестки дня и общей идентичности для тех, кто правит, и для тех, кем правят, формирование общего взгляда на мир и общей системы понятий, ценностей и смыслов ведет к укреплению существующего политического порядка. Именно на-

циональная идентичность как форма коллективной идентификации превращает социальную группу в сообщество, воспринимающее себя как единое целое. Это необходимое условие нормального функционирования любой социальной системы. Только тот, кто считает себя частью такого сообщества, готов подчиняться его нормам и правилам и нести ответственность за их соблюдение. Поэтому и российская гражданская идентичность формируется процессами социальной категоризации и дифференциации — ментальным (с активным участием эмоций и ценностей) созиданием, «воображением» (по Б. Андерсону) общности россиян и идентификации с ней [17, с. 16]. Однако результаты даже успешной государственной политики национальной идентичности относительны и требуют постоянных усилий и подтверждения. Поэтому процесс социальной интеграции, результатом которого и является гражданская нация, фактически продолжается на протяжении всей истории сообщества, иными словами, оно постоянно находится в процессе «формирования», постоянно возникают и, с большим или меньшим успехом, разрешаются кризисы идентичности, а этнонационализм и этносепаратизм являются вызовом практически для всех государств со сложным этнокультурным составом населения.

Несомненно, что этнонациональные проблемы решаются трудно в любом государстве и любом обществе. Для этого должны использоваться различные экономические, финансовые, налоговые, пропагандистские, культурно-просветительские и другие методы. Над решением этих проблем должны трудиться не только чиновники, но и квалифицированные социологи, этнографы, политологи, демографы, лингвисты и культурологи. Проблемы подобного рода также не могут решаться при опоре на какую-нибудь одну политическую доктрину, потому что любая доктрина — это шаблон, прокрустово ложе, куда наличную реальность можно загнать, только искалечив ее.

В то же время следует понимать и то, что до тех пор, пока в отдельных странах и во всем мире будет существовать социальная и экономическая несправедливость, всегда будут появляться люди, которые будут ее осознавать и интерпретировать в этнических терминах, и политические лидеры, которые будут ее использовать, чтобы добиваться власти или ее укрепления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ачкасов Валерий Алексеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой этнополитологии факультета политологии. **Телефон:** +7 (812) 363–64–59. **Электронная почта:** val-achkasov@yandex.ru.

Research Article

VALERY ACHKASOV¹

¹St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya Emb., 199034, St. Petersburg, Russia

**PARADOXES OF REGIONAL ETHNOPOLITICS
IN MODERN RUSSIA**

Abstract. The article examines some paradoxical features of regional ethnopolitics in modern Russia, which, according to the author, are explained by the fact that in modern Russia the ideological and institutional legacy of the Soviet national policy remains practically unchanged. This is primarily about the prevalence of the ethnocultural interpretation of the nation not only in society, but also in scientific and political discourse. Due to this, the political and intellectual elites of the “internal” Russian nations are very suspicious of the implementation of the goal declared in the “Strategy of the State National Policy of Russia until 2025” — the formation of a Russian civil nation, since they consider the processes of cultural assimilation as abnormal and dangerous for ethnic nations, and territory as a category of “national”, and in fact ethnic property. Based on the results of the study, the author formulates some recommendations regarding the necessary changes in the content of Russian ethnopolicy.

Keywords: regional ethnopolitics, Russia, nation-citizenship, identity politics, political elites, ethnocentrism

For citation: Achkasov V.A. Paradoxes of regional ethnopolitics in modern Russia. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. P. 27–44. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Valery A. Achkasov — St. Petersburg State University, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Ethnopolitical studies department, Faculty of Political Science. **Phone:** +7 (812) 363–64–59. **Email:** val-achkasov@yandex.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Авксентьев В.А., Васильченко В.А. Тупики этнического федерализма // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ-OBSERVER. 2013. № 10. С. 6–15. EDN: RDHSIL
Avksentyev V.A., Vasilchenko V.A. Dead ends of ethnic federalism. OBOZREVATEL-OBSERVER. 2013. No. 10. P. 6–15. EDN: RDHSIL (In Russ.)
2. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Нация в аналитическом фокусе: некоторые аспекты зарубежных и российских исследований // Гуманитарий юга России. 2020. Т. 9. № 3. С. 154–169. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.11>. EDN: NMGQWV.
Avksentyev V.A., Aksyumov B.V. The nation in analytical focus: some aspects of foreign and Russian research. *Gumanitariy yuga Rossii*. 2020. Vol. 9. No. 3. P. 154–169. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.3.11> (In Russ.)
3. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М.: ИЭА РАН, 2010. 264 с.
Astvatsaturova M.A., Tishkov V.A., Khoperskaya L.L. *Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione* [Conflictological models and conflict monitoring in the North Caucasus region.] Moscow: IEA RAS Publ., 2010. 264 p. (In Russ.)
4. Аствацатурова М.А. К определению форматов публичной этнополитики Российской Федерации в условиях современных политических вызовов // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности: материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием. Москва, ИНИОН РАН, МГИМО МИД России, 2–3 декабря 2022 г. / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 46–47.
Astvatsaturova M.A. On the definition of formats of public ethnopolitics of the Russian Federation in the context of modern political challenges. *Politicheskie vyzovy i politicheskij dialog v usloviyah globalnoj turbulentnosti: Materialy Vserossijskoj konferencii RAPN s mezhdunarodnym uchastiem*. Moskva, INION RAN, MGIMO MID Rossii, 2–3 dekabrja 2022 g. [Political challenges and political dialogue in the context of global turbulence: Proceedings of the All-Russian conference of the Russian Academy of Political Sciences with international participation. Moscow, INION RAS, MGIMO MFA of Russia, December 2–3, 2022.] Ed. by O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. Moscow: Aspect Press, 2022. P. 46–47. (In Russ.)

5. Ачкасов В.А. Перестали ли быть политическими акторами лидеры региональных националистических организаций? // Власть и элиты. 2021 Т. 8. № 1. С. 170–183. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.7>. EDN: JPVPRB
Achkasov V.A. Have the leaders of regional nationalist organizations ceased to be political actors? *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 170–183. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.7> (In Russ.)
6. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: Европа, 2014. 208 с.
Blakher L. *Iskusstvo neupravljaemoj zhizni. Dalnij Vostok*. [The art of ungovernable life. Far East.] Moscow: Europa Publ., 2014. 208 p. (In Russ.)
7. Верховский А. Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма // Pro et Contra. 2014. № 1–2. С. 19–33.
Verkhovsky A. Ethnopolitics of federal power and the activation of Russian nationalism. *Pro et Contra*. 2014. No. 1–2. P. 19–33. (In Russ.)
8. Гобл П. Советская национальная политика // Проблемы Восточной Европы. 1994. № 41–42. С. 170–203.
Goble P. Soviet national policy. *Problemy Vostochnoj Evropy*. 1994. No. 41–42. P. 170–203. (In Russ.)
9. Институциональные, исторические и культурные рамки формирования общероссийской идентичности на Северном Кавказе / отв. ред. В.А. Авксентьев, М.М. Шульга. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2022. 224 с.
Institucionalnye, istoricheskie i kulturnye ramki formirovaniya obshherossijskoj identichnosti na Severnom Kavkaze [Institutional, Historical and Cultural Framework for the Formation of an All-Russian Identity in the North Caucasus.] Ed. by V.A. Avksentyev, M.M. Shulga. Rostov-on-Don: JuNC RAN publ., 2022. 224 p. (In Russ.)
10. Клименко Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // ПОЛИС: Политические исследования. 2015. № 6. С. 131–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.13>. EDN: UOHUZD
Klimenko E.V. Integration and Differences. On the Civil Nation in Russia. *POLIS: Politicheskie issledovaniya*. 2015. No. 6. P. 131–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.06.13> (In Russ.)
11. Кузнецов И.М. Основания ценностной консолидации россиян: традиционализм и обновление // Социологические исследования. 2021. № 8. С. 93–102. <https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0>. EDN: NZOFWE
Kuznetsov I.M. Foundations of value consolidation of Russians: traditionalism and renewal. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 8. P. 93–102. <https://doi.org/10.31857/S013216250014161-0> (In Russ.)

12. Малахов В.С. Понаехали тут... Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 200 с.
Malakhov V.S. Ponaehali tut... Ocherki o nacionalizme, rasizme i kulturnom pljuralizme. [They've Come Here in Large Numbers... Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 200 p. (In Russ.)
13. Малахов В.С. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 227, [1] с.
Malakhov V.S. Kulturnye razlichija i politicheskie granicy v jepohu globalnyh migracij [Cultural differences and political boundaries in the era of global migrations.] Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 227, [1] p. (In Russ.)
14. Мартынов В. Строительство политической нации и этнонационализм // Логос. 2006. № 2 (53). С. 94–109. EDN: VQWVBX
Martyanov V. Construction of a political nation and ethnonationalism. Logos. 2006. No. 2 (53). P. 94–109. (In Russ.)
15. Попов М.Е. Современные теории конфликта этнических идентичностей // ПОЛИТЭК: Политическая экспертиза. Т. 11. 2015. № 1. С. 143–150. EDN: VHOYAX
Popov M.E. Modern theories of the conflict of ethnic identities. POLITEX: Politicheskaja jekspertiza. 2015. Vol. 11. No. 1. P. 143–150. (In Russ.)
16. Россия: центр и регионы. Вып. 10. М.: Компания Спутник+, 2003. 277 с.
Rossija: centr i regiony. Вып. 10. [Russia: center and regions. Issue 10.] Moscow: Kompanija Sputnik+ Publ., 2003. 277 p. (In Russ.)
17. Рыжова С.В. Российская идентичность в региональном разнообразии: роль доверия // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 3. С. 13–31. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.828>. EDN: TPBYIX
Ryzhova S. V. Russian identity in regional diversity: the role of trust. Vestnik Instituta sotsiologii. 2022. Vol. 13. No. 3. P. 13–31. <https://doi.org/10.19181/vis.2022.13.3.828> (In Russ.)
18. Силаев Н.Ю. Управлять неуправляемым: что такое национальная политика? // Политическая наука. 2017. № 4. С. 226–242. EDN: ZXXUBH
Silaev N.Yu. Managing the unmanagable: what is national policy? Politicheskaja nauka. 2017. No. 4. P. 226–242. (In Russ.)
19. Тишков В.А. О российском народе // Дружба народов. 2006. № 8. С. 179–197. EDN: SMFAVD
Tishkov V.A. About the Russian people. Druzhiba narodov. 2006. No. 8. P. 179–197. (In Russ.)

20. Филиппова Е. Французские тетради. Диалоги и переводы. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. 239 с.
Filippova E. *Francuzskie tetradi. Dialogi i perevody*. [French notebooks. Dialogues and translations.] Moscow: FGNU «Rosinformagroteh» Publ., 2008. 239 p. (In Russ.)
21. Шабает Ю.П. Новые общины в Республике Коми // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции / в. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. С. 143–148. EDN: UFWWUP
Shabaev Yu.P. New communities in the Komi Republic. *Novyye etnicheskiye grupy v Rossii. Puti grazhdanskoy integratsi* [New ethnic groups in Russia. Paths of civil integration.] Ed. by V.V. Stepanov, V.A. Tishkov. Moscow: FGNU «Rosinformagroteh» Publ., 2008. P. 143–148. (In Russ.)
22. Шабает Ю.П., Садохин А.П. Локальные проблемы реализации государственной национальной политики // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10. № 1. С. 5–30. EDN: UINBWF
Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P. Local problems of implementing state national policy. *Politicheskaja jekspertiza: POLITEX*. 2014. Vol. 10. No. 1. P. 5–30. (In Russ.)
23. Шабает Ю.П., Садохин А.П., Шилов Н.В. Этнополитика в современной России: политические практики и институциональные ресурсы управления // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. XVIII. № 3. С. 167–183. EDN: ULQOKX
Shabaev Yu.P., Sadokhin A.P., Shilov N.V. Ethnopolitics in modern Russia: political practices and institutional management resources. *Zhurnal sociologii i socialnoj antropologii*. 2015. Vol. XVIII. No. 3. P. 167–183. (In Russ.)

РЕКРУТИРОВАНИЕ ЭЛИТ И КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>.

EDN: MKJFKG

*А.С. БЫСТРОВА*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

ГУБЕРНАТОРЫ И ЧЛЕНЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВИТЕЛЬСТВ: КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ВЫСШИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. Представлены результаты исследования карьерных траекторий высших чиновников исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации. Проведен сравнительный анализ карьерных траекторий высших чиновников и представителей административной элиты регионов (биографические базы данных 2015 и 2021 гг., 794 биографии). Проанализированы переменные, характеризующие первичную и профессиональную социализацию. Предэлитная ступень карьеры рассматривалась в аспекте бассейна рекрутирования. С этой же целью проанализированы переменные предшествующей и предпредшествующей работы как сфера деятельности и должностная позиция, силовой и номенклатурный опыт. Определялась скорость элитной карьеры по показателям длительности пребывания на отдельных ступенях карьерной лестницы, а также уровни властной иерархии и арены, на которых протекала карьера. Первичная и профессиональная социализации, карьерные траектории высших чиновников регионов во многом идентичны тем, что наблюдаются у представителей административной элиты в целом, но по некоторым параметрам отличаются, иногда существенно. Так, в первую элитную должность высшие чиновники вступают в более молодом возрасте. Основная сфера

их предэлитной активности политико-административная, и ее значение возрастает, хотя рост отстает от чиновников в целом. Рекрутирование высших чиновников происходит в основном из сферы административно-управленческой деятельности. Тенденция роста этой сферы как бассейна рекрутирования совпадает с тенденцией, фиксируемой для чиновного корпуса в целом. Силовая сфера как непосредственный бассейн рекрутирования не имеет большого значения. Хотя среди топ-чиновников выросла доля тех, кто имеет силовой опыт в карьере — до 30 % в 2021 г. (11 % в 2015 г.). Карьеры топ-администраторов и значительной части административного корпуса протекают в рамках региональных арен. Федеральный уровень присутствует далеко не в каждой карьере. Уровень округа имеет минимальное значение, так же, как и местный. Сходство отмечается в скорости карьер. Обновление группы высших чиновников более медленное, чем по корпусу административной элиты в целом. Региональные различия карьерных траекторий рассматривались в аспекте рецентрализации, проходящей в Российской Федерации с начала 2000-х гг. Российская Федерация продолжает быть многоуровневой политической системой, сохраняется территориальная специфика структуры политических возможностей, формирования административной элиты и группы высших чиновников, карьерных траекторий участников политического процесса.

Ключевые слова: губернаторы, члены региональных правительств, административная элита регионов, карьеры и карьерные траектории, бассейн рекрутирования.

Для цитирования: Быстрова А.С. Губернаторы и члены региональных правительств: карьерные траектории высших представителей исполнительной власти субъектов Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2024. Т. 11, № 4. С. 45–100. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. EDN: MKJFKG.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование биографий элитных персон и траекторий карьер индивидов, составляющих элитный корпус, имеет давнюю историю. Внимание к жизни персон божественного и человеческого происхождения отражало попытки рационального объяснения действий героев, лидеров, полководцев и т.д. и происходящих событий, стремление сохранить в памяти сообществ то, что определяет принадлежность

к ним людей, их групп и конкретных индивидов, поддерживать социальный порядок и целостность. Жизнеописания государственных и религиозных деятелей, жития святых, биографии политических и общественных деятелей в течение тысячелетий пользуются вниманием читателей и слушателей, не владеющих грамотой. Пример многолетней успешности издания биографий в серии ЖЗЛ, к слову, подтверждает важность этого жанра для общества и государства для поддержания идентичности и солидарности, формирования (корректировки) адекватной системы ценностей, консолидации властных групп и общества. Поддержание этого внимания масс служит одной из основ современной государственной политики идентичности [41]. Интерес к научному исследованию биографий и карьер, конечно, продукт более поздних периодов.

Целью данной работы является представление результатов исследования карьерных траекторий высших чиновников исполнительной власти ряда субъектов Российской Федерации на фоне административных элит регионов. В центре внимания были губернаторы, заместители губернатора и другие члены региональных правительств. Фон, элитное окружение региональных топ-чиновников позволяет отчетливее выделить характерные черты карьерных траекторий представителей верхушки исполнительной власти регионального уровня.

Методологические основания. Не углубляясь далеко в историю вопроса, начнем с 1990-х гг. После перестройки и силового разрешения конфликта центральной представительной и исполнительной ветвей власти начала 1990-х настала пора активной трансформации политического и экономического пространства страны. Одной из черт «лихих 90-х» была определенная децентрализация власти и перераспределение полномочий между ее уровнями — федеральным, региональным. Трансформации подверглась и система местного самоуправления.

По мнению доктора исторических наук Е. Волка, цитируя слова первого президента Российской Федерации в адрес властей субъектов РФ в Казани, а потом в Уфе «берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить», многочисленные комментаторы забывали вторую ее часть: «Но вы находитесь в центре России — и об этом надо подумать». Что означало — берите суверенитета, сколько считаете

возможным, но оставайтесь в составе РФ¹. Развитие событий в дальнейшем доказало адекватность компромиссного подхода. Удалось сохранить целостность РФ. При этом с начала 2000-х гг. в стране началась рецентрализация структуры государственной власти и управления. Это означало, что укрепление влияния региональной власти и региональных лидеров носило кратковременный характер, и федеральный центр в начале 2000-х постепенно вернул себе ведущую роль [11; 57]. И те, и другие изменения (флуктуации децентрализации/централизации) определялись задачами укрепления государственного управления и мобилизации и координации действий региональных властей, направленных на обеспечение единства страны.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации государство по-прежнему является федеративной республикой. Для успешного существования многонациональной и многоконфессиональной страны нежелательна тотальная унификация. Сошлюсь на известного отечественного исследователя А. Кынева, который указывал на опасность возникновения кризисных ситуаций в случае замены региональных, учитывающих местную специфику механизмов на более унифицированные. Речь шла о выборах в Карачаево-Черкессии в 1999 г. [19, с. 1028]. Сохранение специфики регионов в рамках общих принципов Конституции означает продолжение существования различных паттернов политического поведения и населения и региональных элит. Продолжают существовать отличные друг от друга модели внутри-элитного взаимодействия и практики взаимоотношений исполнительной и законодательной ветвей власти в каждом субъекте государства. Различны навыки ведения хозяйства и бизнеса, участия в политическом процессе, отношение к формирующимся институтам и традициям, оставшимся от советских и более ранних времен. Специфика регионов воплощается в существовании различных типов региональных политических режимов [28; 56].

¹ Обращения и записки на имя Б.Н. Ельцина, поступившие во время его пребывания в г. Уфе. (12 августа 1990 г.). URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9500/> (дата обращения: 11.12.24); Обращения и записки на имя Б.Н. Ельцина, поступившие во время его посещения г. Казани в августе 1990 г. URL: <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9495/> (дата обращения: 11.12.24).

Федеративное устройство государства не является изобретением государственных деятелей Советского Союза. Вспомним США, Мексиканские соединенные штаты, Аргентину, ФРГ и т.д. Многоуровневые политические системы существуют не только в федеративных государствах. Уровень автономности территорий различен от страны к стране. Регионы могут иметь различные названия, отражающие отчасти уровень самостоятельности. По объему властных полномочий они могут достигать высокого или низкого уровня автономности, но оставаться при этом субъектами многоуровневых политических систем. Главы субъектов многоуровневых политических систем в зависимости от объема полномочий и иных ресурсов могут занимать различные места во властных иерархиях и отличаться по влиятельности в политическом процессе. Мой любимый яркий пример — глава столицы Аргентины. Изменение институционального дизайна региональной власти — получение автономного статуса и Конституции города¹, введение выборов главы столицы вместо назначения президентом страны изменило положение руководителя во властной иерархии государства. В результате изменения институциональных рамок глава города получил больше полномочий и иных ресурсов. Он стал одной из центральных фигур в политическом процессе. Коренное изменение института главы города сделало эту позицию трамплином для президентства, у политических акторов появились новые избирательные стимулы, новые карьерные возможности. Два главы города, избранные и функционировавшие по новым правилам, стали впоследствии президентами страны — Фернандо де ла Руа и Маурисио Макри [55].

Внимание к влиянию многоуровневых политических систем на участников политического процесса актуализировалось в начале 2000-х гг., когда подошли к завершению административные реформы в рамках Европейского союза и проявились некоторые следствия их влияния на карьеры акторов и ход политического процесса.

¹ Constitución de la Ciudad de Buenos Aires. Dada en la sala de sesiones de la convencion constituyente de la ciudad de Buenos Aires, el primero del mes de octubre del ano mil novecientos noventa y seis. URL: https://www.infoleg.gob.ar/?page_id=166 (дата обращения: 08.08.2024).

Сами преобразования и их влияние на политические институты, включая возникновение новых институтов и расширение полномочий региональных и местных правительств, были довольно подробно проанализированы [48; 53; 54]. Последовавшие за тем исследования карьерных траекторий политических акторов обнаружили большее, чем ранее, разнообразие карьер и «яркость» региональных лидеров. Исследователи также отмечали формирование корпуса региональных элит, представители которых демонстрировали сосредоточение мотиваций и карьерных устремлений на региональной части общего спектра структуры политических возможностей. Это означает формирование у региональных акторов карьерных интересов, отличных от интересов акторов национального (федерального уровня). Укрепление регионального уровня власти и управления ведет к повышению их важности как самостоятельных арен карьер. Оказалось, что распространенное представление о том, что региональные арены являются всего лишь ступеньками на пути к национальному (федеральному) уровню, было не вполне адекватно новым условиям. Лишь единицы проходили такой путь. Основная же масса акторов ориентировалась на арены локальных и региональных уровней. Их карьеры имели в основном траектории в рамках региональных арен и часто содержали движение с одной позиции на другую внутри нескольких арен [58].

Последующие европейские исследования охватывали «старых» членов ЕЭС, а затем и новых. Изучение карьер премьер-министров региональных правительств Испании (1980–2009, Франции (1986–2009) и Великобритании (1999–2009) показали значимое влияние децентрализации на отбор и циркуляцию региональных элит. Существенно изменился объем региональных ресурсов, укрепилась автономия региональной власти. Посты региональных премьер-министров стали одной из высших должностей в политической иерархии государств. Потому повысился интерес к региональным элитным позициям. Изменились в сторону большего разнообразия карьерные траектории. Классификация траекторий включала три карьерных модели (одноуровневая, двухуровневая и трехуровневая). Внутри этих моделей размещены восемь вторичных моделей в зависимости от преобладания в карьере уровней политической системы [47]. Вывод о сравнительно большем разнообразии моделей карьерных траекторий сделан и в дру-

гих работах [46; 50]. Додейн предложил дополнить исследование карьерных движений по вертикали анализом горизонтальных перемещений внутри политических арен одного уровня. Если исследование, о котором пишет автор в работе 2014 г., проведено на материалах Бельгии, то впоследствии он прибавил Канаду, Испанию и Великобританию. На материалах стран со столь различным государственным устройством и специфическими многоуровневыми политическими системами проверялась гипотеза о влиянии «слабого и сильного» регионализма на траектории карьер. Обнаружено более отчетливое влияние «сильного» регионализма Испании и Канады, где региональные институты имеют более продолжительную историю. Тенденция находит подтверждение также в Бельгии и Великобритании [51].

Предложения по совершенствованию исследовательских методов анализа карьерных траекторий в многоуровневых политических системах включали межстрановые сравнения с учетом уровня централизации/децентрализации. Кроме того, признана целесообразность исследования предшествующих и последующих перемещений вертикального характера, а также между аренами одного уровня и внутри арен.

Напомним самое общее определение карьеры: продвижение субъекта по ступеням служебной лестницы, в ходе которого используются знания, умения, навыки, квалификационные возможности, приобретенные ранее [27]. В ходе карьерного продвижения у субъекта меняется социальная роль и статус, размер вознаграждения. По мере роста профессиональной квалификации могут быть продвижения по карьерной лестнице или сохранение позиции, перемещение по горизонтали внутри арен. Встречающиеся в научной литературе классификации типологии карьер построены на различных основаниях в зависимости от целей, которые ставит перед собой исследователь. Как правило, учитываются сферы деятельности, скорость продвижения по карьерным ступеням, направление перемещений (вертикальные, горизонтальные). Варианты типологий представлены во многих работах [2; 31; 35; 6; 58; 60; 45; 57].

Традиционно карьеры и их траектории изучаются в рамках нескольких научных дисциплин. Используемые научные подходы условно могут быть разделены на две группы в зависимости от того, что

помещается в центр анализа — субъект или актор или социальный контекст, определяющий возможности индивида осуществлять свои планы и строить карьеру. Корректную группировку исследовательских подходов можно посмотреть в работе Верчези [61], в ней также проанализированы слабые и сильные стороны, эвристические возможности каждого. Стремление ученых, работающих в различных областях знаний над анализом карьер и их связи с контекстом в различных аспектах, к междисциплинарному подходу выводит на взаимодействие социального контекста, социальной группы и личности. Большие социальные теории (например, П. Бурдьё) могут «описать и объяснить функционирование и динамику общественного порядка» [49]. Столь же важным является интерес к индивидуальным достижениям индивида и влиянию его личных качеств, а также домашнего и профессионального окружения [42; 43]. В этом смысле по-прежнему актуален интерес к исследованию «ответственных карьер» акторов, которые стремятся отвечать на вызовы общества, окружения, среды посредством своей социальной роли, стратегически подходя к своей деятельности и карьере [59].

Некоторые биографии и карьеры глав регионов нашей страны демонстрируют такой подход. Губернатор Вологодской области Георгий Филимонов (избран в сентябре 2024 г., набрал 62,3 % голосов) в недавнем интервью обозначил свое кредо, высказавшись по многим важным вопросам, хотя интервью начиналось с обсуждения «горячей новости» об ограничении продажи и потребления алкоголя в возглавляемом им регионе. О своих убеждениях: «...я представляю патриотическое крыло, которое можно назвать динамическим консерватизмом в “Единой России”». О взаимоотношениях с крупными предприятиями и их влиянии на действия региональных властей: «Центр принятия решений — в правительстве Вологодской области. Не на каких-то предприятиях, а только в правительстве Вологодской области. Это есть наша идеология, наша миссия — показать, что власть в регионе работает для людей. Не на крупный бизнес, а для жителей малых городов и поселений, сельских территорий, отдаленных населенных пунктов, крупных городов, людей, которые живут в многоквартирных домах, таких же, как и я». О причинах вступления в партию «Единая Россия» после выборов: «Что касается причин вступления

в партию. Первая — это знакомство с Андреем Анатольевичем Турчаком (бывший секретарь генсовета ЕР, сейчас — глава Республики Алтай. — “Б”). Ментальный единомышленник, брат, соратник. Я долго не думал, потому что увидел, как рвутся шаблоны: насколько стереотипное восприятие о “Единой России” в массах и насколько содержательный контент в управленческом ядре партии. Она стремительно трансформируется, у нее новое лицо, свежая кровь, другие ментальные установки и ориентиры. Вторая причина — вступление подспудно дало мне возможность выбить почву из-под ног предыдущей команды и потенциальных оппонентов, забрать у них козырь в виде контроля над партией. Мы установили один центр принятия решений, одну точку входа. В своем управленческом подходе я совмещаю принципы иерархии, умеренной жесткости, армейской дисциплины — с эджайлом, мозговыми штурмами, корпоративными практиками и, главное, принципами вече. Многие решения принимаются за этим круглым столом. Мы называем это не новгородским, а вологодским вече».¹ Извините за пространную цитату, но за губернатора откровеннее и лучше не скажешь, учитывая его образование, послужной список, разнообразные компетенции и опыт, научные достижения и награды².

Исследование карьерных траекторий представителей российских региональных элит проводилось в тесной увязке с анализом масштабных перемен в стране. В 1990-е гг. в формировании постсоветских ельцинских региональных элит выделено несколько моделей, проведена типология карьер [2; 35; 29; 31]. Некоторые типологии содержали до десятка типов, другие были менее дробные. Важно отметить, что к концу 1990-х около 60 % вип-персон «укладывались» в три типа — бывший «партийный функционер», «администратор» и «хозяйственник» [35]. Если же выделялись региональные лидеры, то среди них

¹ «Ограничение продажи алкоголя повысит рождаемость в полтора-два раза»: Вологодский губернатор Георгий Филимонов о выпивке, «Единой России» и Иосифе Сталине // Газета «Коммерсантъ». № 213, от 19.11.2024. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7310378> (дата обращения: 21.11.24).

² Филимонов Георгий Юрьевич. Личное дело // Газета «Коммерсантъ». № 213 от 19.11.2024. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7311078?from=doc_vrez (дата обращения: 21.11. 2024).

был довольно высок удельный вес бывших членов партийной номенклатуры советского периода [24].

На протяжении всего последующего периода появлялись исследования, посвященные главам субъектов РФ — губернаторам, мэрам городов федерального значения, президентам национальных республик [39; 33; 21; 19; 16; 25]. Многие работы содержали попытки наметить перспективы института глав регионов в Российской Федерации. Вплоть до пессимистических прогнозов не просто о роли регионов в связи с изменяющейся политикой федерального центра относительно формирования губернаторского корпуса и состава правительств субъектов Российской Федерации, но и о возможном постепенном перемещении центра «кристаллизации элит» (и принятия решений в регионе, добавим от себя) к законодательной ветви власти [20]. Тем более что работы относились к различным временным периодам, в которые менялся дизайн института, включая не только властные полномочия и ресурсы, но и самое название. Как бы то ни было, в таком раскладе сил есть исключения, связанные с личными качествами, авторитетом и связями, экономическими ресурсами. Среди них часто называют глав Москвы и Московской области, Чеченской Республики, Республики Татарстан, Приморского края, до недавнего времени Тульской области. Перечисленные главы — «политические тяжеловесы», в определенных пределах имеют возможность проводить самостоятельную политику, например кадровую. Возможно, в этот ряд вошел губернатор Вологодской области Г. Филимонов, формировавший свою команду совсем недавно. В интервью, которое цитировалось ранее, он сообщил, что половина нынешнего правительства региона составляют люди команды его предшественника: «Мы помогли им раскрыть потенциал, обеспечили соответствующий профессиональный лифт. <...> Ничего личного. Никакой предвзятости. Только KPI, сухая оценка, прагматика».

Вне прямой зависимости от методов рекрутирования в управляющую команду региона (главы и его ближайших сподвижников) остается поле деятельности, на котором губернатор и региональное правительство призваны исполнять свои обязанности и по возможности предвыборные обязательства улучшить условия жизни населения (избирателей). Свои карьерные траектории топ-чиновники регионов

вынуждены строить исходя из меняющихся условий и ограничений. «Ответственные карьеры» актуальны, но, может быть, выглядят не столь пафосно или, наоборот, исполнены местного патриотизма.

Данная работа опирается на многолетние исследования сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН и коллектива ежегодного всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации». Исследования охватывают многие проблемы институционализации региональных элит современной России, в том числе карьеры и бассейн рекрутирования акторов, составляющих корпус политико-административных элит и топ-чиновников, и политиков. Кроме того, исследовались политико-административные элиты федерального уровня, их карьеры и каналы рекрутирования, в частности особенности карьеры после ухода с должности. [36; 37; 38].

Биографическая база также является результатом работы сотрудников сектора в течение более 20 лет и охватывает 2005–2021 гг. База формировалась поэтапно. Менялось ее наполнение. Так, первоначально в ней были сведения о биографиях представителей политико-административных элит четырех регионов. Два последних подмассива (2015 и 2021 гг.) содержат данные по десяти регионам Российской Федерации (Санкт-Петербургу, Ленинградской, Калининградской, Костромской, Новосибирской и Ростовской областям, Ставропольскому и Хабаровскому краям, Москве и Республике Дагестан). Всего более 3000 человек, не включая биографии представителей экономической элиты регионов, которые имеются в массивах более ранних периодов. Выбор тех или иных регионов был обоснован и описан в публикации сотрудников сектора 2008 г. Регионы отобраны по принципу «совмещения случаев “наибольшего сходства” и “наибольшего различия”», что «позволяет получить некоторые обобщения, которые важны при проведении сравнительного исследования» [10, с. 142–143]. Для целей настоящей работы выделены биографии губернаторов, их заместителей и других членов региональных правительств изучаемых регионов за 2015 и 2021 гг. — всего 340 биографических единиц.

Проанализированы показатели, характеризующие возраст, место рождения, тип полученного высшего образования (первое, второе и третье) и место его получения, наличие ученых степеней (кандида-

тов и докторов наук). Перечень включает переменные, определяющие место первичной и профессиональной социализации. К сожалению, сведения, относящиеся к первичной социализации, очень отрывочны. Они почерпнуты из интервью, в которых акторы рассказывали о своем раннем детстве, школе, родителях и других родственниках. Место рождения характеризует условия не только первичной социализации, но и профессиональной, поскольку в реальности возможности получения профессионального высшего образования гораздо меньше у тех, кто родился в провинции, малом городе, поселке городского типа или в селе. Не только из-за недостаточной обеспеченности школ учителями, оборудованием, но и по причине редкой сети заведений высшего образования и ограниченности номенклатуры специальностей, которые они предлагают. Формирование и деятельность в провинции филиалов столичных вузов не всегда оказывались эффективными. Между тем время обучения в вузе очень важно с точки зрения карьеры, так как здесь человек получает профессиональное образование и личные и деловые связи, которые в дальнейшем послужат «вытягивающими» факторами в выстраивании элитной карьеры. В этом смысле столь же важными являются предэлитные ступени карьерной лестницы. Распространенная практика формирования команд сподвижников базируется во многом именно на личных неформальных связях, возникающих в период получения высшего образования и ранних этапов работы, а ранее и в семье — домашнее и профессиональное окружение. Это не раз отмечалось исследователями [13].

Все сказанное можно отнести к социальному контексту, в котором проходит первичная и профессиональная социализация. Операционализация социального контекста осуществлена также посредством переменной «принадлежность к политическому поколению». В переменной учитывается специфика исторического периода развития страны, определяющая политическую социализацию субъекта. Опираясь на работы Н. Головина [15; 14; 52], выделены следующие политические поколения: военное (годы рождения 1919–1933), поколение оттепели (субъекты 1934–1952 годов рождения), поколение застоя (1953–1964 годов рождения), поколение перестройки (1965–1971 годов рождения) и поколение кризиса (1972–1990 годов рождения) [3, с. 172 — 173]. Значимость такого подхода объясняется различиями в динамике

и смысле смен политических поколений, одна из которых связана с частыми изменениями общественной системы на протяжении коротких исторических периодов, а другая — с приходом крупных возрастных групп, отличающихся системой ценностей, описанной Р. Инглхартom. Под этим углом зрения рассматривается также наличие силового и номенклатурного опыта в биографии субъекта.

В настоящей работе рассматривается только последняя ступень из предэлитных в аспекте анализа бассейна рекрутирования. Помогает понять динамику бассейна рекрутирования в элиту рассмотрение переменных «предшествующая» и «предпредшествующая работа» в двух плоскостях — как сфера активности и как должностная позиция. Такой же подход применен и в анализе предэлитной ступени карьерной лестницы.

Важным с точки зрения выявления работы внутриэлитных социальных лифтов и обновления элитного корпуса является использование переменных продолжительности времени пребывания на определенных ступенях — предэлитной, предшествующей и предпредшествующей и нынешней работе. На основании этих переменных можно получить представление о скорости продвижения по карьерной лестнице (т.е. о скорости социального лифта внутри элиты). Добавление в анализ переменных о «новичках» и «старожилах» в элите и на должности помогает понять процесс обновления, насколько он интенсивен или, наоборот, скорее напоминает застой. Эта переменная — «какая по счету данная позиция в биографии субъекта» — присутствует в двух вариантах. Первый вариант показывает, какая по счету данная элитная позиция в карьере. Второй вариант — в который раз актер занимает данную позицию, т.е. свидетельствует о занятии позиции внутри одной и той же арены.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ: КАРЬЕРНЫЕ ТРАЕКТОРИИ ВЫСШИХ ЧИНОВНИКОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ФОНЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЭЛИТ РЕГИОНОВ

В соответствие со сформулированной ранее целью данной работы начнем со сравнения показателей, характеризующих первичную и профессиональную социализацию высших чиновников в целом.

Таблица 1 (Table 1)

Возраст (поколения): топ-чиновников и администраторов регионов (%)*Age (generations): top officials and regional administrators as a whole*

Год	Группа	Молодые (22–40 лет)	Средний возраст (41–60 лет)	Пенсионеры (61 и более лет)
2015	Топ-чиновники N = 101	8	73	19
	Административный корпус элиты в целом N = 284	18	70	12
2021	Топ-чиновники N = 104	7	72	21
	Административный корпус элиты в целом N = 406	12	72	16

Начнем с показателя **возраста**. В таблице 1 представлены группы топ-чиновников и административного корпуса в целом в разрезе поколений: молодые (22–40 лет), лица среднего возраста (41–60 лет) и пенсионеры (61 год и более). И в группе топ-чиновников, и в административном корпусе элиты регионов в целом большинство — это лица среднего возраста. За период 2015–2021 гг. их удельный вес оставался на одном уровне (чуть больше 70 %). Небольшая динамика отмечена в поколении молодых и пенсионеров в административном корпусе в целом: на несколько процентов пунктов уменьшилась доля молодых и соответственно увеличилась доля пенсионеров.

Анализ персонального состава группы высших чиновников и административного корпуса региональной элиты в целом в разрезе **политических поколений** показывает существенные изменения.

С 2015 по 2021 г. поколение оттепели уменьшилось с 20 % до 5 % в целом по группе топ-чиновников десяти изучаемых регионов. Лица, принадлежавшие к этому поколению, остались лишь в составе высших чиновников Москвы, Новосибирской области и Ставропольского края (по одному человеку). Также существенно уменьшилось представительство поколения застоя: с 62 % в 2015 г. до 37 % в 2021 г. В регио-

нальном разрезе падение показателя отмечено в Костромской области (с 67 % до 10 %), Новосибирской области (с 52 % до 10 %), в Москве (с 78 % до 20 %), в Санкт-Петербурге (со 100 % до 54 %), Ленинградской области (с 62 % до 33 %) и Калининградской области (с 42 % до 20 %), т.е. в шести из десяти регионов. Только в Ростовской области величина показателя увеличилась с 39 % до 54 %. В Хабаровском крае отмечено небольшое падение с 71 % до 63 %, в Республике Дагестан практически не изменилась. В то же время выросли значения переменной по поколениям перестройки и кризиса: с 16 % до 27 % и с 5 % до 33% соответственно по корпусу топ-чиновников десяти регионов в целом. В региональном разрезе самый существенный рост величины переменной поколения перестройки в Новосибирской области — с 4 % в 2015 г. до 70 % в 2021 г., а переменной поколения кризиса в Калининградской области — от нуля до 80 % в 2021 г. Самое существенное падение величины переменной поколения перестройки наблюдаем в Калининградской области — до нуля. Очевидно, что все пополнение топ-чиновников произошло за счет лиц, относящихся к поколению кризиса. Повышение примерно в два раза в двух регионах — Ленинградской и Костромской областях: доля лиц поколения перестройки достигла 45 % среди топ-чиновников. Доля лиц поколения кризиса, кроме Калининградской области, о которой уже говорилось, достигла высокого значения в составе топ-чиновников еще одного субъекта Российской Федерации — Москвы (60 %). Еще в двух регионах, в Костромской области и Ставропольском крае, она равна 45 и 40 %. В остальных регионах в диапазоне 31–22 %, а в Новосибирской области — всего 10 %. В последнем случае более молодые чиновники принадлежат поколению перестройки.

Распределение чиновного корпуса по политическим поколениям с 2015 по 2021 г. довольно существенно изменилось. Если в 2015 г. во всех наших регионах был только один человек из военного поколения, то в 2021 г. — ни одного. Поколение оттепели представлено 5 % чиновников вместо 12 % в 2015 г. Они обнаруживаются в 2021 г. всего в четырех регионах: два человека в Москве и по одному человеку в Калининградской и Новосибирской областях и Ставропольском крае. Сократилось поколение застоя: к 2021 г. удельный вес сократился до 32 % (в 2015 — 48 %). Напротив, удельный вес чиновников

из поколений перестройки и кризиса вырос. Особенно впечатляет рост поколения кризиса — к 2021 г. 42 % вместо 20 % в 2015 г. Удельный вес чиновников поколения кризиса вырос во всех без исключения регионах. Сравнение данных высших чиновников и административного корпуса в целом показывает, что динамика изменений в пользу поколения кризиса разнится по темпам практически во всех регионах, но общая направленность сохраняется. Имеет место постепенная смена политических поколений в административном корпусе элиты и в группе топ-чиновников регионов.

Место рождения. За 6 лет доля родившихся в малых городах и селах в составе топ-чиновников исследуемых регионов сократилась на 14 %, а доля родившихся в Москве, Санкт-Петербурге и областных центрах выросла на эти 14 %.

Соотношение родившихся в центре и на периферии в корпусе административной элиты с 2015 по 2021 г. практически не изменилось. По-прежнему более половины чиновников родились в малых городах и селах, т.е. на периферии. Сравнение с динамикой переменной место рождения для группы высших чиновников регионов показывает, что изменения в этой группе более выраженные — в сторону уменьшения периферийности и сближения значений с величинами переменной для административного корпуса в целом.

Первое высшее образование. Наиболее важным типом образования для топ-чиновников в регионе является образование в области управленческо-политического, финансово-экономического и силового-юридического. Эти типы образования имеются примерно у половины топ чиновников (49 % в 2021 г., несколько выше, чем в 2015 — 38 %). В дальнейшем ряд персон получает второе высшее по нужному профилю, проходят другие формы повышения квалификации. В региональном разрезе и в 2015, и в 2021 гг. велика доля непрофильных типов первого высшего образования. В 2015 г. эта доля достигает в некоторых регионах от 67 % (Новосибирская область) до 83 % (Костромская область). В числе лидеров также Ленинградская и Ростовская области (71 %) и Республика Дагестан (75 %). В 2021 г. эта доля снизилась и на очень высоком уровне сохранилась только в Костромской области (75 %). Еще в четырех субъектах Российской Федерации на уровне более 50 %: в Хабаровском крае (63 %), в Калининградской

и Новосибирской областях (60 %) и Ростовской области (53 %). В остальных пяти субъектах не превышает 50 % (Ленинградская область и Ставропольский край), 39 % в Санкт-Петербурге, 33 % в Москве и 27 % в Республике Дагестан.

Место получения первого высшего образования (столицы — Москва и Санкт-Петербург и провинция). Для топ-чиновников сохраняется преимущественно провинциальный характер образования (немного подросло значение переменной: 56 % в 2015 г., 59 % в 2021 г.). Для администраторов сохраняется периферийный характер первого высшего образования региональных чиновников в целом. Судя по величине переменной, он даже несколько усилился: в 2021 г. у 58 % администраторов регионов в целом первое высшее образование было получено в провинциальных вузах (в 2015 г. — 46 %). Характеристики места получения первого высшего образования топ-чиновников в 2021 г. почти тождественны: 58 % — провинциальные вузы. В наибольшей мере провинциальный характер первого высшего образования чиновников в целом свойственен Ростовской и Новосибирской областям, Хабаровскому краю. В группе топ-чиновников — Костромская, Новосибирская и Ростовская области. Как видим, величина данной переменной показывает очень высокий уровень провинциальности первого высшего образования (по месту получения) и администраторов в целом и топ-чиновников только в двух регионах — Новосибирской и Ростовской областях.

Обращает на себя внимание тот факт, что у нынешних региональных чиновников, включая занимающих высшие посты во властной иерархии, редко встречается первое высшее техническое образование. Это те типы образования, которые объединялись под общим зонтиком технического, а лиц, его получивших, называли «технарями», а когда они попадали во властные группы — «технократами». По данным отечественных исследователей в региональной элите времен Б. Ельцина, таких персон было около 74 % [24]. По данным наших исследователей, на 2005 г. в региональной административной элите было уже 60 % [7], в 2012 г. — 52 %, к 2021 г. — почти в два раза меньше [6]. Теперь мы по-другому группируем типы первого высшего образования, поскольку чисто технического, инженерного, сельскохозяйственного, естественно-научного и военного образования среди администраторов

стало очень немного. И сам смысл понятия «технократ» в исполнительной власти изменился.

Второе высшее образование. В 2015 г. информация о втором высшем образовании имеется о 49 топ-чиновниках исследованных регионов (Санкт-Петербург, Ленинградская, Ростовская, Калининградская, Костромская, Новосибирская области, Москва, Республика Дагестан) из 106 топ-чиновников, чьи биографические данные вошли в базу 2015 г. То есть как минимум 46 % топ-чиновников имеют второе высшее образование. Из 49 топ-чиновников более 40 % получили управленческо-политическое образование и почти 30 % — финансово-экономическое.

В 2021 г. информация о втором высшем образовании имеется по 57 топ-чиновникам из 104. Т. е. 55 % как минимум имеют второе высшее образование. Как и предполагалось, 82 % приходится на управленческо-политическое, финансово-экономическое и юридическое (38, 25 и 23 % соответственно) в 2021 г. Таким образом, посредством получения второго образования восполняется недостаток знаний и формируются необходимые компетенции. Эти величины мало отличаются от показателей 2015 г., которые в совокупности трех профильных для топ-чиновников типов второго образования давали 81 % (26 % — финансово-экономическое, 41 % управленческо-политическое и 14 % юридическое). Разброс значений по регионам в данном случае мало информативен, поскольку за высокими относительно величинами стоят не более четырех человек.

Третье высшее образование есть у небольшого числа топ чиновников: в 2015 г. — у 15 из 106 человек и в 2021 г. — у 20 из 104 человек (14 и 19 % соответственно). И в 2015, и в 2021 гг. приоритетными являются три типа образования — финансово-экономическое, управленческо-политическое и юридическое. Их получили около 90 % топ-чиновников. Поскольку речь идет о небольшой по численности группе топ-чиновников, анализ разброса значений по регионам не имеет смысла, поскольку речь идет о единицах — нескольких людях.

Тех, кто имеет профильное образование (управленческо-политическое, финансово-экономическое и юридическое), среди топ-чиновников, учитывая первое, второе и третье высшее образование, 95 из 106, т.е. почти 90 % в 2015 г. При этом, если не учитывать второе

и третье высшее образование, удельный вес лиц, имеющих профильное первое образование, — только 38 %. В дальнейшем за счет второго и третьего высшего образования, а также специальных программ профильной переподготовки, нужда в специальных знаниях удовлетворяется. Формируются нужные компетенции. В 2021 г. уже около половины топ-чиновников имели юридическо-силовое (военное — очень небольшая часть), 33 % — управленческо-политическое и 35 % финансово-экономическое образование. Эти проценты невозможно сложить (больше 100 % в сумме), поскольку 20 человек имеют третье высшее образование профильное. По сравнению с 2015 г. значительный рост только по юридическо-силовому (с 28 % до 49 %). По двум другим профильным высшим образованиям рост невелик.

Итог по трем высшим образованиям у региональных чиновников в целом можно подвести следующим образом: кадровая политика федерального центра по формированию кадрового резерва, повышению квалификации и улучшению профессиональных качеств оказалась довольно успешной. Об этом свидетельствуют данные о профильном для данной группы образовании. Внимание к профильному образованию объяснимо. Повышение квалификации и приобретение новых компетенций означает при прочих равных условиях дополнительные шансы для успешной карьеры. С 2016 г. в кадровой политике появилось новое понятие «профессиональное развитие»¹. Правоведы В. Уманская и Ю. Малеванова считают, что это понятие в большей мере, чем другие, отвечает непрерывному образованию, которое выступает важным инструментом кадровой политики [40]. Они также констатировали положительную динамику регулирования вопросов профессионального развития.

¹ Указ Президента РФ от 11.08.2016 г. №403 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41183> (дата обращения: 28.11.2022); Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» (вместе с «Положением о порядке осуществления профессионального развития государственных гражданских служащих Российской Федерации»). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318654/ (дата обращения: 28.11.2022).

Нынешний этап кадровой политики непрерывного профессионального развития дополнен программой «Время героев», роль которой уместнее обсудить позднее, когда речь пойдет об опыте службы в силовых структурах как карьерной предельной ступени, бассейне рекрутирования.

Наличие ученых степеней. В 2015 г. 35 топ-чиновников из 106 имеют кандидатские степени по различным областям научного знания (33 %). Из 35 топ-чиновников 43 % имеют кандидатские степени в области экономики. Со значительным отрывом — технические науки (11 %). Остальные набирают по несколько процентов. Наиболее популярные кандидатские степени в области экономики и юриспруденции (42 и 18 % — в совокупности 60 %). В эту же копилку степени в области политических наук — 8 %, т.е. всего непосредственно профильные — 68 %. Лидеры по наличию у топ-чиновников кандидатской степени Ростовская область (8 чел.), Новосибирская, Калининградская и Ленинградская области (по 6 чел.), Москва (5 чел.). В 2021 г. 37 из 104 топ-чиновников (36 %) имели кандидатскую степень. Доля «остепененных» топ-чиновников изменилась мало. По-прежнему сохранили популярность кандидатские степени в области экономических и юридических наук (62 %), а также социологических и политических наук (24 %).

Из 106 топ-чиновников в 2015 г. докторские степени имели восемь человек (7 %). Несомненный лидер — докторская степень по экономике (пять из восьми). Из 104 топ-чиновников в 2021 г. докторские степени имели девять человек (9 %) (три из них в области экономики и две в области социологии). Лидер по наличию докторской степени — Санкт-Петербург (3). В Ростовской области, Хабаровском крае, Москве, Новосибирской области и Республике Дагестан — по одному топ-чиновнику имеют докторские степени. По данной переменной существенных изменений не произошло.

В 2021 г. кандидатские степени имели 99 из 464 человек, входящих в административный корпус элиты рассматриваемых десяти регионов (21 %). Наиболее популярная кандидатская степень — по экономическим, юридическим, социологическим и политическим наукам (42, 20 и 11 %). В 2015 г. кандидатские степени имели 92 из 330 человек административного регионального элитного корпуса (28 %). То есть к 2021 г.

доля «остепененных» администраторов снизилась. Наиболее популярными были кандидатские степени в области профильных для администраторов экономических и юридических наук (54 %). Довольно популярными оказались социологические, политические и философские науки (14 %).

В 2015 г. докторские степени среди администраторов имел 21 из 330 человек. Таким образом, удельный вес «остепененных» администраторов составил 6 %. Наиболее популярными были докторские степени в области экономических и юридических наук — 38 (8 из 21). В 2021 г. докторские степени имели 18 из 464 человек. Удельный вес администраторов, имеющих докторскую степень, в 2021 г. составил 4 %. Наиболее популярными были докторские степени в области экономических и юридических наук — 50 % (9 из 18).

Сравнение удельного веса лиц, имеющих докторские степени, из групп топ-чиновников и администраторов в целом не показывает какой-либо существенной разницы. Динамика переменной минимальна. То, что в группе топ-чиновников имеет место едва заметное увеличение доли «остепененных», а у администраторов столь же небольшое уменьшение в течение небольшого временного периода, не дает оснований говорить о каких-либо тенденциях.

Обозревая характеристики времени и места рождения, типа первого высшего образования и места его получения, можно с большой долей уверенности сказать, что сохраняется периферийный характер и высших чиновников, и корпуса региональной административной элиты в целом по месту рождения и месту получения первого высшего образования.

Предэлитная ступень в карьерной траектории. Этот период в жизни элитных персон имеет особое значение, так как описывает бассейн рекрутирования в элиту. В это время субъект предпринимает инициативные действия для продвижения, используются наработанные ранее связи. Субъект стремится проявить определенные качества, делающие его заметным для «привратников», осуществляющих отбор претендентов.

Возраст вступления в предэлитную позицию. Наши топ-чиновники вступали в предэлитную должность в основном до 40 лет, величина переменной держится примерно на одном уровне (68 % в 2015 г.,

66 % в 2021 г.). В связи с этим топ-чиновники в 2021 г. выглядят лучше, чем административный корпус в целом (66 % по сравнению с 57 % — долей, вступивших в предэлитную должность в молодом возрасте в корпусе административной элиты в целом). В региональном разрезе группы топ-чиновников по этому показателю существенно различаются. Так, наибольшие доли вступивших в предэлитную должность в молодом возрасте отмечаются в 2021 г. в Калининградской области и в Москве (100 %). Нет ни одного региона, где бы показатель был меньше 40 % (40 % в Новосибирской области и 44 % в Республике Дагестан). В остальных регионах: от 73 % в Костромской области, 71 % в Хабаровском крае до 67 % в Ленинградской области и Санкт-Петербурге до 58 % в Ростовской области и 57 % в Ставропольском крае.

В 2015 г. 73 % администраторов изучаемых регионов вступили в предэлитную должность в молодом возрасте (до 40 лет), а в среднем возрасте (41–60 лет) — 27 %. В 2021 г. доля администраторов, вступивших в предэлитную должность в молодом возрасте, упала до 57 %, доля вступивших в среднем возрасте составила 43 %, т.е. существенно увеличилась. Пенсионеров не было в 2015 г., а в 2021 г. — только один человек. В региональном разрезе в 2015 г. доля вступивших в предэлитную должность в молодом возрасте не опускалась ниже 57 % (Ленинградская область). В шести регионах была высокой: от 74 % в Новосибирской области до 80 % в Санкт-Петербурге. В Костромской области 65 %. В 2021 г. падение доли молодых отмечается во всех изучаемых регионах, кроме Костромской области (65 %). Величина падения различна по регионам, но ожидаемо больше в Санкт-Петербурге (48 %), где в предыдущем замере доля была максимальной.

Сравнение данных по высшим чиновникам и региональной администрации в целом показывает, что обе группы вступают в предэлитную должность преимущественно в молодом возрасте (до 40 лет). В группе высших чиновников доля этих персон стабильно держится 66–68 %. В административной элите в целом наблюдалось некоторое уменьшение значений (с 73 % в 2015 г. до 57 % в 2021 г.) в основном за счет нескольких регионов (Санкт-Петербурга, Хабаровского края и Новосибирской области). Однако это привело к некоторому сгла-

живанию перепадов величин удельного веса лиц, вступающих в предэлитную должность в молодом возрасте. Среди высших чиновников также отмечаются региональные различия в величине данного показателя. Но за относительно высокими долями стоят единицы персон, поэтому особого смысла в этом искать не стоит, поскольку это связано с движением членов этих групп, весьма немногочисленных.

Предэлитная активность (сфера деятельности), непосредственно предшествовавшая первой в биографии элитной должности. Основной сферой предэлитной активности топ чиновников является политико-административная (42 % в 2015, 55 % в 2021 г.). Значение ее возросло. На втором месте хозяйственно-экономическая деятельность. Ее значение снижается (39 % в 2015 г., 33 % в 2021 г.). Значение силовой сферы невелико и в целом не изменилось (7 %). В региональном разрезе к 2021 г. доля политико-административной активности как предэлитной сферы деятельности топ чиновников выросла практически во всех регионах, за исключением Республики Дагестан, где она сократилась с 75 % до 58 %. В некоторых регионах этот рост очень существенен, например, в Новосибирской области (в 2 раза по сравнению с 2015 г.), в Санкт-Петербурге (от нуля до 56 %) или в Ростовской области (почти на 20 % — до 77 %). Хозяйственно-экономическая деятельность показывает различную динамику: в четырех регионах ее значение снизилось в 1,5–2 раза (Санкт-Петербурге, Ленинградской, Калининградской, и Новосибирской областях), в трех регионах осталась практически на прежнем уровне (в Ростовской и Костромской областях и Республике Дагестан) и только в Москве возросло (с 11 % до 30 %). Что касается роли силовой деятельности как сферы предэлитной активности, то она изменялась мало. Теперь она присутствует в шести регионах (2021 г.), а не четырех (2015 г.). В абсолютных величинах — это 1–2–3 человека.

В целом по корпусу административной элиты изучаемых регионов основная часть предэлитной активности приходится на политико-административную сферу. При этом значение этой сферы за 6 лет выросло довольно значительно — с 50 % до 69 %. Рост обеспечен за счет уменьшения роли силовой сферы и прочих сфер деятельности. Роль хозяйственно-экономической сферы уменьшилась всего лишь на 2 %, т.е. практически не изменилась. В региональном разрезе лидеры

по роли сферы политико-административной активности: Москва (78 %), Ростовская область (73 %), Калининградская и Новосибирская области (по 71 %) и Хабаровский край (70 %). Сравнение данных о сферах предэлитной активности региональных администраторов и топ-чиновников свидетельствует, что политико-административная сфера имеет большее значение для административного корпуса в целом (2015 г. 50 %, в 2021 г. 69 %), чем для группы топ-чиновников изучаемых регионов (42 и 55 % соответственно). Наоборот, хозяйственно-экономическая сфера имеет большее значение для топ-чиновников, нежели для административного корпуса в целом. В то же время тенденция повышения роли политико-административной сферы как предэлитной активности просматривается отчетливо и в группе топ-чиновников, и в административном корпусе в целом.

Продолжительность времени занятия предэлитной должности.

Данные по этой переменной у топ-чиновников есть только за 2015 г. Основная часть топ-чиновников занимает предэлитную должность два года и менее (41 %), до пяти лет (63 %). В региональном разрезе лидерами являются Костромская и Калининградская области и Москва. В этих регионах доля тех, кто занимает предэлитную должность до двух лет равна 74, 63 и 63 % соответственно. До пяти лет — лидерами являются Костромская область и Москва (оба региона по 88 % соответственно) и Калининградская область (75 %). Меньше всего в Ростовской области (36 %). «Долгожителей», проводящих на предэлитной должности десять лет и более, совсем немного. Они представлены не во всех регионах, и в абсолютных величинах это 1–3 человека.

Основная часть региональных чиновников занимает предэлитную должность до пяти лет (в 2015 г. 59 %). Показатель немного уступает аналогичному по топ-чиновникам. В региональном разрезе бесспорный лидер по величине данной переменной — администраторы Костромской области. Важно отметить, что столь же быстрое прохождение предэлитной ступени характерно и для топ-чиновников данного субъекта Российской Федерации (88 % до пяти лет и около 75 % до двух лет). Чиновники Москвы, так же, как и топ-администраторы данного субъекта, лидеры, но последние отличаются от корпуса административной элиты региона более высоким удельным весом лиц, очень быстро проходящих предэлитную ступень карьеры (63 % до двух лет).

Ступени элитной карьеры. Ступени элитной карьеры в нашем анализе — это нынешняя должность, предшествующая и предпредшествующая позиции, первая элитная должность. То есть как минимум четыре ступени элитной карьеры. Начнем с последней по времени — нынешней элитной должности.

Возраст вхождения в нынешнюю должность (поколения). Больше всего изменилась доля топ чиновников, которые заступили на нынешнюю должность в среднем возрасте (она уменьшилась с 82 % до 76 %). При этом несколько возросла доля тех, кто вступил на нынешнюю должность в молодом возрасте (до 40 лет) — с 11 % до 15 %. Доля вступивших в нынешнюю должность в пенсионном возрасте (старше 61 года) слегка увеличилась с 7 % до 9 %.

В целом по корпусу административных элит изучаемых регионов показатели возраста вхождения в нынешнюю должность с 2015 по 2021 г. изменились незначительно. Подавляющая часть чиновников заняли нынешнюю должность в среднем возрасте (41–60 лет): 74 % в 2015 г. и 73 % в 2021 г. Во всех регионах, кроме одного (Новосибирская область) величина показателя более 70 %, а в Ростовской области 93 %. В 2021 г. в шести регионах величина показателя велика (более 70 %), при этом в Новосибирской области показатель достиг 80 % (в 2015 г. 36 %), а в Санкт-Петербурге — 85 % (в 2015 г. 72 %), т.е. рост менее значительный. Доля занявших нынешнюю должность в молодом возрасте почти не показывает изменений. Только в Калининградской области фиксируется существенный рост (до 80 %), при этом доля среднего возраста резко уменьшилась (с 92 % в 2015 г. до 20 % в 2021 г.). Лица, попавшие на нынешнюю должность в пенсионном возрасте (старше 60 лет), занимают незначительную долю, в абсолютных величинах это единицы в каждом регионе. Сравнение корпуса административной элиты и топ чиновников регионов говорит о том, что фиксируется тенденция сохранения высокой доли лиц, занявших нынешнюю должность в среднем возрасте, как для топ-чиновников, так и для административной элиты в целом. Отдельные колебания не меняют общей картины.

Продолжительность времени занятия нынешней должности (позиции). Значительная часть топ чиновников пребывает в нынешней должности непродолжительное время: два года и меньше — доля

этой позиции возросла с 47 % до 60 %, а доля тех, кто сидит на должности три — пять лет, существенно уменьшилась с 52 % до 18 %). Возросла доля топ чиновников, задержавшихся на нынешней должности шесть — семь и восемь — девять лет — до 7 % и 10 % соответственно (в 2015 г. величина показателя была не более 1 %). Если укрупнить интервалы, то получим, что подавляющее большинство топ чиновников занимает нынешнюю позицию менее пяти лет: в 2015 г. — 98 %, в 2021 г. — 78 %. Если оценить данные в двух представленных группировках, то время занятия нынешних должностей не велико.

Представителям административной элиты исследуемых регионов в целом свойственно непродолжительное пребывание на нынешней позиции. Подавляющее большинство в 2015 г. (86 %) работали на должности не более пяти лет. Показатель для топ-чиновников еще выше (98 %). При этом около половины и тех и других — не более двух лет. К 2021 г. доля тех, кто пребывает на нынешней должности до пяти лет, уменьшилась до 76 % по администраторам в целом и до 78 % по топ-чиновникам. Отметим, что среди топ-чиновников в 2015 г. отчетливо видны перепады величин доли тех, кто пребывает на нынешней должности два года и менее. Так, в Костромской области доля равна 100 %, в Калининградской области и Санкт-Петербурге — 83 и 76 % соответственно, а в Новосибирской области — всего 13 %. Переход на другую шкалу («до пяти лет; шесть-девять лет; десять лет и более») приводит к тому, что доля тех, кто пребывает на нынешней должности недолго (до пяти лет) увеличивается до 100 % — 87 % во всех регионах. В 2021 г. почти во всех субъектах, кроме Санкт-Петербурга, доля до пяти лет уменьшилась, но сохранялась довольно большой. Только в трех регионах она держалась на уровне 60–62 % (Ростовская и Новосибирская области и Хабаровский край). Перепады величин данной переменной наблюдаются и в административном корпусе в целом по каждому региону. Однако эти перепады менее выражены, чем в группе топ-чиновников.

Предшествующая работа топ чиновников (активность). Динамика переменной свидетельствует о росте значения сферы политико-административной активности как бассейна рекрутирования топ-чиновников регионов. Предшествующая работа в сфере политико-

административной активности зафиксирована у 78 % топ-чиновников в 2015 г. и у 87 % в 2021 г. В отдельных регионах показатель еще выше. Так, в 2015 г. в Новосибирской области он составил 92 %, 89 % в Москве и Костромской области, 80 % в Республике Дагестан. Минимальная величина (63 %) в двух субъектах — Санкт-Петербурге и Ростовской области. В 2021 г. в Москве, Калининградской области и Ставропольском крае он достиг 100 % и ни в одном регионе не был ниже 78 %.

Предшествующая работа администраторов регионов (активность). В целом по административным элитам изучаемых регионов политико-административная сфера также является основным бассейном рекрутирования. Доля политико-административной активности на ступени предшествующей работы велика и продолжает расти. В 2015 г. ни в одном из изучаемых регионов она не была ниже 71 % (Калининградская область). В 2021 г. величина показателя подросла и минимальный уровень в 76 % был зафиксирован в Республике Дагестан. На фоне роста значения политико-административной сферы хозяйственно-экономическая сфера постепенно его теряет. Доля тех чиновников, для которых она была предшествующей сферой активности, продолжает уменьшаться. В разрезе регионов минимальная величина доли хозяйственно-экономической сферы как предшествующей работы в 2015 г. составляла 11 % (Хабаровский край), в 2021 г. — 3 % (Москва). Сравнение величины переменной в группе топ чиновников и всего корпуса административных элит регионов показало одинаправленность тенденций роста значения политико-административной и уменьшение значения хозяйственно-экономической сфер. Силовая сфера не имеет существенного значения по показателю предшествующей работы.

Предшествующая работа топ чиновников (позиции). Значения данной переменной подтверждает, что основной канал рекрутирования топ чиновников — административная сфера деятельности (57 % в 2015 г., 82 % в 2021 г.), и тенденция усиливается. Роль депутатского корпуса как «поставщика» топ чиновников снизилась с 20 % в 2015 г. до 5 % в 2021 г. Бывших депутатов совсем мало среди топ-чиновников. То же произошло с позицией хозяйственников, бизнесменов: снижение доли с 18 % в 2015 г. до 8 % в 2021 г. Сравнение величины данной переменной для топ-чиновников и административного корпуса в целом

показывает следующее. Топ чиновники Москвы разделили лидерство по доле бывших на предшествующей работе администраторами с топ чиновниками Костромской области (89 % в 2015 г.). Отмечается широкий диапазон значений переменной: от 38 % в Новосибирской области до 89 % в Москве и Костромской области в 2015 г. В 2021 г. диапазон значений изменился: от 67 % в Ленинградской области до 100 % в Москве и Калининградской области. Произошло некоторое выравнивание значений переменной, однако разрыв все еще значительный. Диапазон значений для административного корпуса регионов в целом был: в 2015 г. от 68 % в Ростовской области до 86 % в Москве, в 2021 г. от 73 % в Ростовской области до 95 % в Москве. Как видим, лидеры и аутсайдеры сохранились. Отметим также, что диапазон значений для топ-чиновников регионов больше, чем для административного корпуса регионов в целом.

Предшествующая работа администраторов регионов (позиции). Показатель предшествующей работы по занимаемой позиции также демонстрирует высокую значимость административной деятельности и как бассейна рекрутирования, и как ступени растущей профессионализации чиновников. Администраторами на предшествующей позиции были 80 % чиновников изучаемых регионов в 2015 г. и чуть больше 80 % в 2021 г. Доля бывших хозяйственных руководителей или бизнесменов по данной переменной снижается. Лидером по данной переменной является Москва: 86 % чиновников в 2015 г. и 95 % в 2021 г. имели административные позиции в качестве предшествующей работы. Минимальный уровень зафиксирован в 2015 г. в Ростовской области (68 %), но и в этом регионе в 2021 г. отмечался рост величины переменной до 73 %. И это был минимальный показатель для 2021 г.

Предпредшествующая работа топ-чиновников и администраторов регионов (должности). Тенденция возрастания административной сферы как бассейна рекрутирования топ чиновников прослеживается на этой переменной. У 49 % в 2015 г. и 66 % в 2021 г. топ-чиновников предпредшествующей работой значится администратор. Депутатство и работа на высших должностях в бизнесе — хозяйственной сфере существенно потеряли свое значение: депутатами на предпредшествующей работе были 12 % топ-чиновников в 2015 г. и 5 % в 2021 г.,

а хозяйственниками и бизнесменами — 32 и 18 % в 2015 г. и 2021 г. соответственно.

Что касается административного корпуса элиты в изучаемых регионах в целом, то и для них администратор в качестве предпосредствующей позиции на первом месте по значению (63 % в 2015 г. и 69 % в 2021 г.), а на втором — позиция «хозяйственник-бизнесмен» (24 % в 2015 г. и 18 % в 2021 г.). То есть и в группе топ-чиновников регионов и административной элиты наших регионов в целом отмечается одна и та же тенденция: снижение роли позиции хозяйственника и бизнесмена и возрастание роли позиции администратора в качестве предпосредствующей работы. Региональные различия значений переменной для группы топ чиновников довольно велики. Так значение позиции администраторов в 2015 г. изменялось в диапазоне от 25 % в Санкт-Петербурге до 78 % в Костромской области и 100 % в Республике Дагестан, в 2021 г. — от 25 % в Хабаровском крае до 90 % в Новосибирской области и 100 % в Москве. Причем два последних региона совершили громадный скачок: от 33 % в Новосибирской области и 44 % в Москве в 2015 г. до упомянутых уже значений в 2021 г. Максимальное значение позиции «хозяйственник-бизнесмен» в 2015 г. фиксировалось в Санкт-Петербурге (51 %), в 2021 г. — в Хабаровском крае (50 %). В 2015 г. регион Санкт-Петербург уже имел значение 28 %, в то же время соседняя Ленинградская область показала падение значения данной позиции с 44 % в 2015 г. до 11 % в 2021 г. Региональные различия в значении переменной предпосредствующая позиция также велики в рамках административного элитного корпуса в целом: диапазон значений позиции администратора — от 49 % в Санкт-Петербурге до 75 % в Ростовской области в 2015 г. и от 58 % в Ленинградской области до 94 % в Москве в 2021 г. Диапазон изменений позиции «хозяйственник-бизнесмен»: от 13 % в Ростовской области до 38 % в Санкт-Петербурге в 2015 г. и от 3 % в Москве до 24 % в Санкт-Петербурге в 2021 г., т.е. меньше, чем по позиции «администратор». Остальные наблюдаемые позиции (например, юрист, охранник, медик, силовик, политический активист, специалист) имеют очень низкие значения. Отдельные «всплески» значений и по администраторам регионов и по топ чиновникам регионов имеют случайный характер, а в абсолютных величинах это от одного до пяти человек.

Уровень предшествующей элитной позиции, высшие чиновники регионов, администраторы регионов.

Относительно топ чиновников отметим следующее. Уровень предшествующей элитной позиции: по большей части (и в 2015, и в 2021 гг.) — это позиции в региональной элите. Уровень округа имеет минимальное значение (2–3 %) в целом, хотя в отдельных регионах достигает 12–14 % (Санкт-Петербург, Костромская область, Республика Дагестан), но абсолютное значение минимума — один человек. Местный уровень также не является важным каналом рекрутирования, хотя среди характеристик предшествующей работы встречается.

Наиболее представленный уровень предшествующей элитной позиции для регионального чиновничества в целом — региональный. И в 2015 г., и в 2021 г. переменная достигает высоких значений вплоть до 100 % в отдельных регионах. Новосибирская область лидер среди регионов в 2015 г. (100 %). В 2021 г. к ней добавились Ленинградская и Калининградская области. Минимальное значение в 2015 г. (76 %) зафиксировано в Москве, минимальное значение в 2021 г. (73 %) — в Ростовской области. По данной переменной прослеживается то, что карьеры региональных администраторов протекают в основном на региональных аренах. Окружной уровень наблюдается у немногих администраторов, в некоторых регионах он вовсе не представлен. Также слабо представлен местный уровень в качестве предшествующей элитной позиции. Что касается федерального уровня, он представлен в немного больших значениях в группе топ чиновников, что вполне объяснимо в аспекте складывающейся практики «десантирования» отдельных региональных чиновников федерального уровня на позиции губернатора или его заместителей.

Переменная **«номер данной элитной должности в биографии («новички» в элите)»** очень важна с точки зрения анализа темпов обновления административной элиты в целом и группы высших чиновников.

За рассматриваемый период удельный вес «новичков» в элите в административном корпусе элиты регионов вырос весьма существенно: с 28 % в 2015 г. до 64 % в 2021 г. Это те персоны, у которых занимаемая должность является первой элитной должностью в биографии. Удельный вес «старожилов» (четвертая и далее элитная должность в био-

графии) уменьшилась с 31 % в 2015 г. до 7 % в 2021 г. «Новички» в административной элите регионов составляли от 18 % в Москве и Санкт-Петербурге до 50 % в Новосибирской области (2015 г.). К 2021 г. удельный вес «новичков» в элите существенно вырос. Минимальная величина отмечена в Москве (46 %), максимальная — в Калининградской области (78 %). Высокие показатели были также в Костромской и Новосибирской областях (74 и 72 % соответственно). Удельный вес «старожилов» снизился во всех регионах. Его величина больше 10 % только в двух регионах — Москве и Санкт-Петербурге (14 и 13 %).

Среди топ-чиновников в 2021 г. по сравнению с 2015 г. возросла доля **«новичков» в элите** (с 21 % до 37 %), уменьшилась доля «старожилов», у которых данная элитная должность четвертая и более (с 37 % до 20 %). В региональном разрезе (для регионов, где возможно сравнение):

- в Калининградской области — от нуля выросла до 50 % доля «новичков»;
- в Санкт-Петербурге — от нуля до 15 %;
- в Костромской области — от 22 % до 59 %;
- в Новосибирской области — от 29 % до 70 %.

Соответственно упала доля «старожилов». Даже лидеры в группе топ-чиновников — Москва и Санкт-Петербург — показывают уменьшение доли «старожилов»: с 67 % до 56 % в Москве и с 63 % до 39 % в Санкт-Петербурге. В двух регионах (Калининградская и Новосибирская области) «старожилов» в составе топ чиновников не отмечено в 2021 г. вообще. Сравнение данных по группе топ чиновников и административной элите изучаемых регионов в целом показывает, что обновление состава больше выражено в административном корпусе в целом. В региональном разрезе большее обновление по данной переменной свойственно Новосибирской и Калининградской областям (топ чиновники) и Новосибирской и Костромской областям (административная элита в целом).

Номер данной элитной позиции в биографии (в который раз получает данную должность административная элита регионов и топ чиновники). Еще одна переменная, характеризующая обновление административного корпуса элиты и профессионализацию, — номер данной элитной позиции в биографии (в который раз субъект полу-

чает нынешнюю должность), то есть «новички» и «старожилы» на должности. В административной элите в целом доля «новичков на должности» высока и практически не изменилась с 2015 г. по 2021 г. (88 и 85 % соответственно). Диапазон региональных значений переменной также не претерпел существенных изменений.

В случае топ чиновников 2021 г. по сравнению с 2015 г. показал почти полное отсутствие динамики данной переменной по массиву в целом. В региональном разрезе:

- Москва — резко уменьшилось количество «новичков» на должности (с 78 % до 44 %).
- Новосибирская область — резко возросло количество «новичков» (с 33 % до 100 %).
- Калининградская область — также в 2 раза упала доля «новичков» (со 100 % до 50 %).

Соответственно где-то исчезли «старожилы» (Новосибирская обл.) или, наоборот появились (Москва — 12 %). Как видно из сравнения данных по рассматриваемой переменной, существенных изменений по большинству регионов не произошло, за исключением групп топ-чиновников Москвы, Калининградской и Новосибирской областей.

В ранние годы формирования региональной политической элиты России в ее составе было довольно много акторов, которые имели **номенклатурный опыт** разного уровня и продолжительности в советское время. По данным О. Крыштановской, всего в региональной элите России выходцы в целом из номенклатуры составляли более 80 % [24]. По мнению Р. Пихоя, масштабная приватизация государственной собственности привлекала внимание стоявших у власти в последние годы существования СССР, «уход из номенклатуры перестал быть трагедией», «аппарат торопился приобщиться к собственности» [30]. Исследователи ранних стадий формирования элиты различных регионов обнаруживали «черты видового сходства», которые объясняли «генетической общностью их происхождения как продукта советской номенклатурной системы» [26]. В цитируемой работе это три субъекта Российской Федерации: Республика Татарстан, Республика Башкортостан и Белгородская область. В нашей работе исследуются значительно более поздние периоды, и номенклатурный опыт уже не так распространен, как ранее.

Наличие номенклатурного опыта (КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ — до 1991 г., Советы СССР — до 1989 г., прочие Советы — до 1990 г.), администраторы регионов и топ чиновники.

В целом по корпусу административной элиты рассматриваемых регионов из 330 человек только 41 имеет в биографии номенклатурный опыт — это 12 %. В основном номенклатурный опыт приходится на работу в партийных и комсомольских органах уровня райкома и выше. Пятая часть приходится на советские органы различного уровня. В 2021 г. из 464 администраторов регионов номенклатурный опыт имеют всего 24 человека, т.е. 5 %. Но дело даже не в количестве процентов. В абсолютных числах это единицы администраторов, которые рассредоточены по десяти регионам. Они не являются значимой группой. Наибольшее число лиц, имеющих номенклатурный опыт, сосредоточено в группе топ чиновников — около половины и в 2015, и в 2021 гг.

Всего в 2015 г. 17 человек из 106 топ-чиновников (16 %) имеют номенклатурный опыт. Из 17 человек 9 имеют такой опыт в органах КПСС (райком и выше); 4 — в советских органах; 4 — в органах ВЛКСМ (райком и выше).

Какой-то особой роли бывших комсомольцев не просматривается. По регионам в лидерах Новосибирская область — 4 человека, в остальных регионах количество, имеющих номенклатурный опыт еще меньше. В Костромской области в числе топ-чиновников нет ни одного, имеющего номенклатурный опыт.

Всего в 2021 г. 11 человек из 104 топ чиновников (около 10 %) имеют номенклатурный опыт. В ряде регионов таких топ-чиновников нет вообще (Калининградская и Новосибирская обл.), в других — по 1–2 человека.

Номенклатурный опыт, номенклатурная деятельность давно не является непосредственной сферой, из которой рекрутируется региональная административная элита в целом и высшие чиновники регионов. Это было возможно только в самые ранние периоды формирования российской элиты. Но как ступень в карьере она довольно продолжительное время встречалась в элитных карьерах. Российская элита кооптировала довольно значительное число акторов прежних времен, начиная с главы государства. Во многих регионах во главе оказались бывшие первые лица, набравшие свою команду

из номенклатурных работников, которых хорошо знали по совместной деятельности, «разбавляя» команды новыми лицами — специалистами (по крайней мере в теории), помогавшими трансформации государственного управления под новые задачи.

Служба в силовых ведомствах как часть карьерных траекторий и бассейн рекрутирования в элиту неоднократно становилась предметом обсуждения. Термин «милитократия» использовался, чтобы показать влияние «силовиков» (в том числе бывших) на формирование элитного корпуса, включая региональные элиты. Однако в ходе дискуссии не нашли подтверждения некоторые данные, на основании которых делался вывод о силе влияния этой группы акторов [23; 17; 32]. Военное (и иное силовое) образование формирует у специалистов особенные качества, например, умение вписаться в военную иерархию, отдавать и выполнять приказы, ответственность и т.д. Опыт силовой службы формирует привычки и навыки, не всегда адекватные гражданской жизни. Адаптация занимает какое-то время: социализационная дистанция может длиться от нескольких месяцев до десятков лет.

Использование военной (силовой) службы в качестве трамплина для выстраивания карьеры не является совершенно новым инструментом ни на уровне индивида, ни на уровне тех властных групп, которые определяют правила рекрутирования в элиту («привратники») и карьерные траектории элитных персон. Периоды активных военных действий и последующие годы естественным образом приводили к увеличению в составе элитных групп количества лиц, имеющих силовой опыт деятельности. Поскольку возрастала доля лиц, имеющих такой опыт, в обществе, и их необходимо было занять в гражданской жизни. К тому же навыки, приобретенные ими в процессе силовой деятельности, оказывались востребованными гражданской службой, организация которой в указанные периоды постепенно обрела черты, характеристики, требующие акторов, обладающих именно такими навыками.

Советский опыт. Исследование правящих слоев (номенклатуры) различных временных периодов СССР показывает, что наличие армейской (силовой) службы было неременной ступенью в трудовой биографии претендентов на продвижение по карьерной лестнице.

Всеобщая воинская повинность мужской части населения, призывная армия обеспечивали гражданскую и гендерную инициацию. Женская часть населения допускалась к армейской службе по ограниченному кругу военных специальностей. В других силовых службах участие женщин было также ограничено. Особенности рекрутирования в политическую часть советской элиты (и региональной и федеральной) обеспечивало относительно скромное участие профессиональных силовиков (и бывших и действующих).

Социальные лифты, связанные с армейской службой, эффективнее работали на низовых уровнях, позволяя молодым мужчинам не возвращаться после службы на малую родину — в сельские поселения, малые города, где возможности получения хорошего образования и профессии, рабочих мест с достойным заработком и продвижения по карьерной лестнице весьма невелики.

Зарубежный опыт. Исследования влияния армейской службы и боевого опыта на принятие решений лидером, занявшим высокий политический пост, и карьеру в сфере государственного управления, а также между переменной предыдущей военной службы политических лидеров и типом политического режима, устанавливаемого ими, показали статистически значимую связь.

Например, бывшие силовики на гражданской службе склонны к простым решениям сложных проблем с соответствующим результатом. Приведу пример — кейс одной африканской страны, где жесткий авторитарный режим был установлен руководством, лидерами, пришедшими к власти в результате военного переворота. Практически все высшее госуправление представлено людьми в погонах с соответствующими навыками управления, близкими людьми, родственниками и сподвижниками первого лица в государстве [44].

Постсоветская Российская Федерация. В 1990-е гг. (ельцинский период) реальность определялась в какой-то мере последствиями афганской кампании и первой чеченской войны. Ветераны активно влияли на политические события на всех уровнях власти и госуправления. Появились общественные организации бывших «афганцев» и участников событий в горячих точках на территории бывшего СССР. Органы законодательной и исполнительной власти федерального

и регионального уровня пополнились ветеранами и действующими силовиками, нередко весьма яркими лидерами.

В первой четверти XXI в., связанной с президентами Путиным и Медведевым, продолжились тенденции некоторого роста влияния силовиков, в том числе выходцев из спецслужб, на политический процесс. Тому способствовали не только объективная потребность в специалистах по безопасности, в том числе информационной, но и личные предпочтения руководителей государства, сложившимися в ходе получения профессионального образования и последующей карьеры. Кроме того, вторая чеченская война, грузинская кампания 2008 г., события «русской весны» множили количество ветеранов, прошедших «горячие точки».

Бывшие силовики не часто становятся элитными персонами непосредственно после увольнения со службы. Как правило, они проходят некоторый период адаптации к гражданской жизни. Социальная дистанция может составить несколько лет. При этом многие навыки и компетенции, приобретенные в силовой сфере деятельности, сохраняются.

Пополнение федеральной и региональной элит выходцами из силовых служб было замечено исследователями, возникла известная дискуссия о милитократии, в которой приняли участие наши коллеги. Существенного подтверждения эмпирическими данными утверждение о милитократическом характере власти в РФ не нашло.

Особенности нынешнего периода кадровой работы связаны с СВО. Потребность обновления корпуса федеральной и региональной элиты наложилась на грядущую задачу адаптации к гражданской жизни ветеранов СВО. В добавление к мероприятиям общего порядка (различные виды социальной поддержки) в послании Федеральному собранию РФ президентом объявлена программа «Время героев». Участники СВО — мужественные люди, которые рискуют своей жизнью ради страны. «Такие, безусловно, не отступят, не подведут и не предадут, — заявил в ходе послания Федеральному собранию президент России Владимир Путин. — Таким людям, которые думают о стране, живут ее судьбой, можно передать в будущем и доверить Россию»¹.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 07.10.2024).

Программа начала действовать с 1 марта 2024 г. Предполагается, что успешно окончившие курс смогут работать в органах власти различного уровня на ответственных должностях.

В первый набор на программу «Время героев» было утверждено 83 кандидатуры ветеранов и участников СВО. Всего заявок было более 44 тысяч.

Осенью 2024 г. первые выпускники получили высокие назначения.

Приведем некоторые оценки новой программы подготовки кадров бывших военных, а ныне госслужащих.

Начальник Управления по работе с обращениями граждан в администрации губернатора Владимирской области, ветеран военной службы, почетный радист РФ Сергей Наумов: «Я считаю, что новая элита из участников спецоперации действительно нужна, потому что это новый этап в истории государства. Произошло осмысление обществом тех задач, тех реалий, в которых мы сейчас находимся». Он полагает, что участники спецоперации могут стать «движущим механизмом на этом этапе развития страны»¹.

Советник губернатора Ленинградской области Алексей Брицун проходил службу с 1997 по 2023 г. в 138-й бригаде (Каменка), далее в 359-м отдельном батальоне обеспечения охраны и обслуживания Ленинградского военного округа. Дорос до командира роты штабных машин. Был в горячих точках (1997 г. Цхинвал). В настоящее время «по поручению губернатора работает на территории ДНР по обеспечению жизнедеятельности и безопасности населения, и восстановлению объектов инфраструктуры». Думает, что программа будет очень успешна. «Потому что именно военные люди очень дисциплинированные и целеустремленные в выполнении требований руководства. Военная школа подразумевает сзымальства определенное воспитание: дисциплину и любовь к Родине, безоговорочный патриотизм. Особенно в династиях военных, мой отец тоже был офицером и воспитывал во мне эти качества. То, что наш президент объявил о создании школы, в которой военные люди получают управленческие

¹ Герои будут управлять страной: как участники СВО смогут попасть на программу от Президента РФ. URL: <https://fedpress.ru/article/3302400> (дата обращения: 03.10.24).

компетенции — очень своевременно, и, если я смогу пройти туда отбор, буду счастлив»¹.

Эксперт генеральный директор Центра развития региональной политики И. Гращенков полагает, что участники СВО смогут восполнить дефицит кадров для заполнения вакантных мест руководителей администраций в небольших муниципалитетах, мэров небольших городков. Он отметил, что СВО становится кадровым лифтом не только для низовых участников. Привел пример заместителя губернатора Иркутской области Сергея Довгалаюка, который работал в зоне СВО и занимался вопросами доставки гуманитарной помощи и помощи военным. В прошлом году он перебрался в Белгородскую область на должность замгубернатора.

Более скептически настроен генеральный директор Института региональных проблем Дмитрий Журавлев. Он признает, что полезно, если эти люди попадут во власть: «Они бесстрашны, они готовы с шашкой идти на пачки бумаг. <...> Новые люди внесут свежую струю в систему госуправления, но при этом не станут доминировать в ней». Эксперт опасается, что «из старых и новых чиновников сложится конгломерат, в котором представители старого управленческого аппарата начнут загрызать новых, чтобы не выпендривались, не мешали жить так, как они привыкли».²

Служба в силовых ведомствах, топ чиновники и администраторы. В 2015 г. только 12 человек из 106 топ-чиновников имеют опыт службы в силовых ведомствах (11 %). Наблюдаются различные сроки службы: максимальный — 35 лет (один человек в Москве); 26 лет (один человек в Костромской области); 25 лет (два человека — один в Ростовской области и один человек в Новосибирской области); 20 лет (один человек в Москве); 17 лет (один человек в Ленинградской области); 16 лет (один человек в Ростовской области); 15 лет (один человек в Костромской области); 12 лет (один человек в Калининградской области); 10 лет (один человек в Санкт-Петербурге); наконец, 8 и 7 лет (по одному человеку в Москве и Новосибирской области).

¹ Герои будут управлять страной: как участники СВО смогут попасть на программу от Президента РФ. URL: <https://fedpress.ru/article/3302400> (дата обращения: 03.10.24).

² Там же.

В 2021 г. 31 человек из 104 имеет опыт службы в силовых ведомствах (30 %). Это больше, чем в 2015 г. (11 %). Различны сроки службы: 42 года (один человек в Новосибирской области); 40 лет (один человек в республике Дагестан); 32 года (два человека — один в Костромской области и один в Санкт-Петербурге); 31 год (один человек в Ставропольском крае); 28 лет (один человек в Костромской области); 24 года (один человек в Республике Дагестан); 18 лет (два человека — один в Ставропольском крае и один в Ростовской области) (всего 10 человек с крупными сроками службы). 15 человек имеют сроки службы 1–2 года, чего не было в 2015 г.

В корпусе административной элиты лиц, имеющих силовой опыт — около 25 %, по сравнению с 2015 г. практически не изменилось положение. При этом около 45 % из них — это те, кто отслужили до трех лет, т.е. «срочники». Доля ветеранов, т.е. отслуживших десять лет и более, почти такая же. По данным о предшествующей и предпредшествующей работе, силовая служба не является сколь-нибудь значимым бассейном рекрутирования.

Силовая социализационная дистанция, топ-чиновники. В 2015 г. она составляла от нуля до нескольких десятков лет (9, 18, 20 и даже 50 лет). Данные 2021 г. скудные — только по одному топ-чиновнику (18 лет).

Воинские/военизированные звания. В 2015 г. сведения неполные. Известно лишь о некоторых персонах. Присутствуют сведения о представителях трех категорий: младшие офицеры (категория от младшего лейтенанта до капитана) — два человека, старшие офицеры (категория от майора до полковника) — четыре человека и высшие офицеры (категория от генерал-майора и выше) — один человек. Всего 7 человек. В 2021 г. сведения также неполные. Известно лишь о некоторых персонах. Присутствуют сведения о представителях двух категорий: старшие офицеры — семь человек и высшие офицеры — шесть человек. Всего 13 человек. Скудость данных не дает возможности интерпретировать происходящее.

Обратимся к **скорости протекания карьер** и переменным, которые помогают ее определению.

Скорость продвижения чиновников любого уровня по карьерной лестнице можно измерить по нескольким переменным. Это перемен-

ные продолжительности времени занятия последовательно первой элитной должности, предшествующей элитной должности, нынешней элитной должности. Последняя из перечисленных уже рассмотрена ранее. Обратимся к двум другим.

Таблица 2 (Table 2)

**Региональные администраторы и топ-чиновники:
скорость продвижения по ступеням элитной карьеры, 2015 (%)**

*Regional Administrators and Top Officials:
Speed of Advancement through the Elite Career Steps, 2015 (%)*

Пребывание на должности	2 года и менее	3–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10 лет и более
Первая элитная позиция администраторы N=226	47	32	9	5	7
Первая элитная позиция Топ чиновники N=78	44	33	6	2	7
Предшествующая элитная позиция N=190 администраторы	56	25	8	5	6
Предшествующая элитная позиция топ-чиновники N=62	44	39	8	1	8
Нынешняя элитная позиция администраторы N=309	51	35	5	5	4
Нынешняя элитная позиция топ-чиновники N=105	47	52	менее 1	менее 1	-

**Продолжительность времени занятия первой элитной позиции,
топ-чиновники и администраторы регионов.**

Переменная характеризует скорость прохождения первой ступени в элитной карьере топ-чиновников. У значительного числа топ-чиновников в 2021 г. это краткая ступень: у от 44 % до 52 % она длит-

ся не больше двух лет. Небольшое укрупнение временного интервала (до пяти лет) делает тренд более отчетливым: 77 % в 2015 г. и 84 % в 2021 г. То есть на этой ступени топ-чиновники не задерживались. Сравнение первой элитной ступени группы топ-чиновников и административного элитного корпуса наших регионов убеждает в том, что и те, и другие довольно быстро преодолевают первую элитную ступень карьеры. Если укрупнить первый временной интервал до пяти лет, как сделано было в случае группы топ-чиновников, увидим, что эта группа опережает административный элитный региональный корпус в целом, так как администраторы дают 79 % в 2015 г. и 77 % в 2021 г., т.е. меньшие значения.

Таблица 3 (Table 3)

**Региональные администраторы и топ чиновники:
скорость продвижения по ступеням элитной карьеры, 2021 (%)**

*Regional Administrators and Top Officials:
Speed of Advancement through the Elite Career Steps, 2021 (%)*

Пребывание на должности	2 года и менее	3–5 лет	6–7 лет	8–9 лет	10 лет и более
Первая элитная позиция администраторы N=418	51	27	13	5	4
Первая элитная позиция топ-чиновники N=95	52	32	9	4	3
Предшествующая элитная позиция администраторы N=166	48	35	8	5	4
Предшествующая элитная позиция топ-чиновники N=64	57	33	7	1	2
Нынешняя элитная позиция администраторы N=445	56	20	13	6	5
Нынешняя элитная позиция топ-чиновники N=102	60	18	7	10	–

Переменная определяется по шкале: два года и менее, 3–5 лет, 6–7 лет, 8–9 лет, 10 лет и более. Диапазон значений — от 38 % (Санкт-Петербург) до 63 % (Новосибирская область) в 2015 г. и от 43 % (Костромская область) до 58 % (Республика Дагестан) в 2021 г. Как видим, произошло уменьшение разброса значений и некоторое выравнивание величин показателя.

Продолжительность времени занятия предшествующей элитной позиции, топ-чиновники и администраторы регионов. Переменная также характеризует скорость прохождения одной из ступеней элитной карьеры. Используется шкала, которая применялась ранее. Наблюдаем опять, что значительная часть топ чиновников проходит эту ступень за два года и менее: 44 % в 2015 г., 57 % в 2021 г. Существенно увеличивает значение показателя переменной расширение временного периода (до пяти лет): 83 % в 2015 г., 90 % в 2021.

Диапазон значений переменной во временном периоде «два года и менее» по регионам в 2015 г. от 22 % в Ленинградской области до 77 % в Москве. В 2021 г. от минимального значения — 34 % в Москве до 86 % в Ставропольском крае. То есть за шесть лет наблюдения Москва из лидера по данной переменной превратилась в аутсайдера. Даже если посмотреть на переменную в расширенном до пяти лет временном периоде, лидерство не меняется.

Анализ переменной по административному региональному корпусу в целом также, как и в случае топ чиновников, показывает, что у значительной части администраторов пребывание на предшествующей элитной позиции продолжается не более двух лет: в 2015 г. у 56 % и в 2021 г. у 48 % чиновников. Обращение к некоторому укрупнению временного периода убеждает, что существенных перемен не произошло (81 % в 2015 г. и 83 % в 2021 г.), в отличие от группы топ-чиновников, где изменения более значимы, чем по административному корпусу в целом. Диапазон изменений переменной для административного корпуса в целом показывает меньший разброс значений по регионам: во временном периоде до двух лет минимальное значение в 2015 г. 38 % (Санкт-Петербург) и максимальное 63 % (Калининградская область); в 2021 г. минимальное значение 30 % в Ростовской и Костромской областях и максимум 69 % в Хабаровском крае.

Подытоживая анализ продолжительности пребывания акторов на отдельных ступенях карьерной лестницы, можно утверждать, что основная часть как высших чиновников рассматриваемых регионов, так и административной элиты регионов в целом не задерживается дольше 3–5 лет на каждой из них. Исходя из данных таблиц 2 и 3, можно легко прикинуть примерное количество лет, потребовавшееся актору для достижения нынешней элитной позиции топ чиновника.

Укорененность элиты «рассматривается как устойчивая связь индивида с местным сообществом» [18]. Она определяется по нескольким переменным — эндогенность по месту рождения, образованию и месту работы. Обобщающий показатель — эндогенное ядро — совпадение места рождения, места получения первого высшего образования, предыдущей должности и занимаемой ныне должности (на момент формирования биографической базы).

Подробный анализ того, как работают переменные, можно найти в процитированной работе [18]. Здесь же обратимся к обобщающему показателю — эндогенное ядро — и посмотрим, что происходит в группе высших чиновников региона и административной элите в целом.

Но прежде несколько слов об особенностях наблюдаемой картины по трем отдельным показателям укорененности. Бросается в глаза большой разброс значений переменной укорененности по месту рождения по наблюдаемым регионам. Причем это фиксируется и в группе высших чиновников, и в административном корпусе региональной элиты. Укорененность по месту образования также имеет большой разброс значений в административной элите в целом и значительно меньший в группе высших чиновников. Третья переменная (совпадение по месту работы) имеет выровненные большие величины по региональным административным элитам, и в то же время существенно сглаженный, но все еще разброс в значительном диапазоне величин в группе высших чиновников. «Поведение» третьей переменной весьма интересно. Оно означает и регионализацию траекторий карьер, и растущую профессионализацию чиновного элитного корпуса регионов. Отставание группы высших чиновников, скорее всего, означает их большую мобильность по сравнению с административным элитным корпусом региона в целом.

Наконец, обобщающая переменная эндогенное ядро, которая объединяет все три эндогенности — по месту рождения, месту получения образования и месту работы. Она фиксирует карьерные траектории региональных высших чиновников и администраторов в целом, а также показывает межрегиональную мобильность элитных персон либо отсутствие таковой и концентрацию карьерных перемещений внутри региона и таким образом формирование преимущественно региональных карьерных траекторий.

Эндогенное ядро: топ-чиновники и администраторы регионов.

Величина переменной для группы топ-чиновников располагается в диапазоне: в 2015 г. от 12 % в Санкт-Петербурге до 44 % в Костромской области; в 2021 г. от 10 % в Москве и Ставропольском крае до 60 % в Новосибирской области. За указанный период произошло некоторое расширение диапазона и «разброса» значений в региональном разрезе для группы топ чиновников.

Обратимся к региональным административным элитам в целом. В 2015 г. диапазон изменений переменной — от 3 % в Костромской области до 36 % в Хабаровском крае, в 2021 г. — от 4 % в Ленинградской области до 50 % в Ростовской области. Разброс значений принципиально не отличается от такового для группы топ чиновников, хотя регионы-лидеры по степени укорененности и для группы топ чиновников и для администраторов в целом меняются во времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В соответствии с целью данной работы, обозначенной во введении, был проведен анализ большого круга переменных, характеризующих карьерные траектории, бассейн рекрутирования и скорость карьер.

Выводы:

1. Персональный состав высших чиновников изучаемых регионов в разрезе политических поколений претерпел существенные изменения: в 2015 г. доля поколения оттепели уменьшилась в четыре раза; несколько акторов остались лишь в составе групп высших чиновников в Москве, Новосибирской области и Ставропольском крае (по одному человеку). Также резко уменьшилось представительство поколения застоя (почти на 1/3). В региональном разрезе снижение отмечено в шести из десяти регионов. В то же время выросли значения пере-

менной поколений перестройки и кризиса. Почти все пополнение группы топ чиновников за 2015–2021 гг. произошло за счет лиц, относящихся к этим двум поколениям. Распределение чиновного корпуса в целом по политическим поколениям также существенно изменилось. В 2021 г. нет ни одного представителя военного поколения. Поколение оттепели представлено всего лишь в четырех из десяти регионов: два человека в Москве и по одному в Калининградской и Новосибирской областях и Ставропольском крае. Сократилось поколение застоя. Напротив, удельный вес представителей поколений перестройки и кризиса вырос во всех без исключения регионах. Сравнение данных групп высших чиновников и административного корпуса регионов в целом показывает, что динамика изменений разнится по темпам, но общая направленность сохраняется. Имеет место постепенная смена политических поколений в административном корпусе региональных элит и в группе топ чиновников регионов.

2. Сохраняется провинциальный характер административного корпуса региональной элиты в целом и в группе топ чиновников. Однако если величина показателя рожденных в центре и на периферии практически не изменилась для административной элиты в целом, то для группы топ чиновников фиксируется рост числа родившихся в центре и соответственно сокращение удельного веса родившихся на периферии. Что касается периферийности по первому высшему образованию, то она сохранилась на высоком уровне (58–59 %) как в группе топ чиновников, так и в группе административной элиты регионов в целом. По уровню наличия профильного образования, считая первое, второе и третье, топ-чиновники несколько уступают административному корпусу в целом. «Остепененных» персон в составе топ-чиновников больше, чем в составе административной элиты в целом — по кандидатским степеням. Существенных различий в наличии докторских степеней не наблюдается. Динамика изменений минимальна. Наиболее популярны степени в области профильных для администраторов всех уровней научных дисциплин (экономических и юридических).

3. Бассейн рекрутирования характеризовался по основе динамики нескольких переменных, прежде всего предэлитная активность (сфера деятельности), предшествующая и предпредшествующая работа.

По динамике всех этих показателей можно сделать вывод, что политико-административная сфера является основным бассейном рекрутирования и ее роль в этом качестве продолжает расти, причем и для группы топ-чиновников и для административных элит регионов в целом. Одновременно снижается роль хозяйственно-экономической сферы как бассейна рекрутирования администраторов всех уровней государственной власти и управления. Силовая сфера не имеет существенного значения как бассейн рекрутирования.

Нарастание удельного веса административной позиции в качестве предпосредствующей, предшествующей и нынешней работы означает рост профессионализации акторов и укрепление роли сферы административной активности как бассейна рекрутирования чиновников разных уровней.

4. Показатели, по которым можно оценить обновление региональной административной элиты и высших чиновников (так называемые новички в элите и новички на должности) продемонстрировали, что обновление персонального состава больше выражено в административном элитном корпусе в целом, нежели в группе высших чиновников — по переменной «новички» в элите. По второму же («новички» на должности) существенных изменений не произошло ни в группе топ-чиновников, ни в административной региональной элите в целом.

5. Номенклатурный опыт присутствует в очень немногих биографиях. При этом лица, имеющие номенклатурный опыт сосредоточены в группе высших чиновников. Уровень опыта — работа в партийных и комсомольских органах уровня районного комитета и выше. Какой-то особой роли бывших комсомольцев не просматривается. Низкий удельный вес бывших номенклатурных работников означает, что они рассеяны по регионам и никакой реальной силой не обладают.

6. Скорость продвижения по ступеням карьерной лестницы определена по трем переменным: продолжительности пребывания на первой элитной позиции, предшествующей элитной позиции и нынешней позиции. Основная часть как высших чиновников, так и административной элиты регионов в целом не задерживается дольше 3–5 лет на каждой из них.

7. Переменные укорененности (эндогенности) группы высших чиновников и административной элиты регионов в целом показывают, что административная элита укоренена несколько основательнее, чем высшие чиновники. Хотя и в той, и в другой совокупности довольно большой разброс значений всех переменных, включая эндогенное ядро. Разброс значений в 2021 г. все-таки менее выражен для административной элиты в целом, чем для высших чиновников. Скорее всего, это свидетельствует о большей мобильности высших чиновников регионов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Быстрова Алла Сергеевна — Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. **Телефон:** +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** abc_46@mail.ru

Research Article

ALLA S. BYSTROVA, ¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.
25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

**GOVERNORS AND MEMBERS OF REGIONAL GOVERNMENTS:
CAREER PATHS OF SENIOR EXECUTIVE OFFICIALS
OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS**

Abstract. The publication contains research results from a study of high-ranking officials of executive power representing selected federal regions of the Russian Federation. It's based on a comparison of the career paths of 794 biographies from biographic databases from 2015 and 2021 that cover high-level officials and administrative elites in the regions. The analysis included variables that characterize primary and professional socialization. We viewed the pre-elite career stage from the perspective of the recruitment pool. The analysis also encompassed variables like prior work experience in law enforcement agencies and previous administrative experience. We evaluated the speed of elite careers using the duration of appointments, as well as their level in hierarchy and fields of work. Overall, primary and professional socialization, as well as career paths of regional high-level officials, are almost identical to those of the administrative elite as a whole. However, some differences are discernible. For instance, the first elite-level appointment of regional officials happens at a younger age. The key area of their pre-elite activities belongs to the political and administrative domains from which the recruitment mostly

takes place. This tendency is also characteristic of the administrative elite as a whole. Law enforcement and military backgrounds are not significant in forming the recruitment pool, even though the share of top-level administrators with such backgrounds had grown from 11 % in 2015 to 30 % in 2021. Top-level administrators, along with the majority of the administrative corps, are pursuing their careers within a regional context. Federal-level appointments are rare. Both the regional and municipal levels hold minimal significance. Renewal of the top-level administrators goes slower than in the administrative elite as a whole. We view regional differences in career paths from the perspective of the Russian Federation's ongoing re-centralization since 2000. The country remains a multi-level political system. There are still differences between regions when it comes to political opportunities, the formation of administrative elites and groups of top-level administrators, and career paths.

Keywords: governors, members of regional governments, administrative elite of regions, careers and career trajectories, recruitment pool.

For citation: Bystrova A.S. Governors and members of regional governments: career paths of senior executive officials of the Russian Federation subjects. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 45–100. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.3>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla S. Bystrova, The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Candidate of Economics, senior researcher. **Phone:** +7 (812) 316–3436. **E-mail:** abc_46@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Алябьева Е.С. Реформа системы формирования корпуса глав регионов: первые итоги // *Власть*. 2007. № 9. С. 14–18. EDN: KTWLLL. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2007/09/Reforma % 20sistemi.pdf](https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2007/09/Reforma%20sistemi.pdf).
Alyabeva E.S. Reform of the system for forming the corps of regional heads: first results. *Vlast'*. 2007. No. 9. P. 14–18. URL: [https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2007/09/Reforma % 20sistemi.pdf](https://www.isras.ru/files/File/Vlast/2007/09/Reforma%20sistemi.pdf). (In Russ.)
2. Буренкова Э.Э. Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп. Об изучении элитных групп // *Мир России*. 1995. № 3–4. С. 3–23.
Burenkova E.E. Transformations of society and internal characteristics of elite groups. *Mir Rossii*. 1995. No. 3–4. P. 3–23. (In Russ.)

3. Быстрова А.С. Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. Т. 4. СПб.: Интерсоцис, 2017. С. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. EDN: UYHVXO.
Bystrova A.S. The influence of social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of various political generations of regional administrative elites of the Russian Federation. *Vlast' i elity*. Vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis, 2017. P. 170–203. <https://doi.org/10.1177/0268580916687460>. (In Russ.)
4. Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN: LCEFUY.
Bystrova A.S. Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories. *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. (In Russ.)
5. Быстрова А.С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 1. С. 98–138. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>. EDN VTBGEP
Bystrova A.S. Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 98–138. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>. (In Russ.)
6. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер. // Власть и элиты. Т. 9, № 2. СПб.: Интерсоцис, 2022. С. 122–145. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC.
Bystrova A.S. Regional officials and politicians of the Russian Federation: comparative analysis of careers. *Vlast' i elity*. Vol. 9. No. 2. St. Petersburg: Intersotsis, 2022. P. 122–145. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5> (In Russ.)
7. Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // Властные структуры и группы доминирования / под. ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93. EDN: UMSTHX.
Bystrova A.S. Types of careers of representatives of the regional administrative and political elite and factors influencing career differences. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya*. [Power structures and dominance groups]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. P. 76–93. (In Russ.)

8. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 2. С. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>. EDN: GXPYDO.
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career. *Vlast' i elity*. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>. (In Russ.)
9. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Regional political elite: recruitment pool and career. *Vlast' i elity*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. (In Russ.)
10. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN: YMHGUA.
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization. *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: collection. scientific works]. Resp. ed. I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 99–242. (In Russ.)
11. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты стран БРИК: опыт сравнительного анализа // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. Т. 1. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 56–69. EDN: XIEMRF.
Gaman-Golutvina O.V. Political Elites of the BRIC Countries: An Experience of Comparative Analysis. *Vlast' i elity*. Ch. ed. A.V. Duca. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis, 2014. P. 56–69. (In Russ.)
12. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с. EDN: QOFXIN.
Gaman-Golutvina O.V. *Politicheskiye elity Rossii: Vekhi istoricheskoy evolyutsii*. [Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution.] Moscow: ROSSPEN Publ., 2006. 446 p. (In Russ.)
13. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19. EDN: HSODIJ.

- Gaman-Golutvina O.V. Regional Elites of Russia: Personal Composition and Evolutionary Trends (1). *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2004. No. 2. P. 6–19. (In Russ.)
14. Головин Н.А. Поколения российского общества // Russia-CIS Focus. Журнал Института исследований России Корейского университета иностранных языков. 2011. No. 114. С. 1–5. (На корейском. яз.).
Golovin N.A. Generations of Russian Society (Article in Korean). *Russia-CIS Focus. Zhurnal Instituta issledovaniy Rossii Koreiskogo universiteta Inostrannykh yazykov*. 2011. No. 114. P. 1–5. (In Korean)
15. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 288 с.
Golovin N.A. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniya politicheskoi sotsializatsii*. [Theoretical and methodological foundations of the study of political socialization]. St. Petersburg: Publishing house of SPbSU, 2004. 288 p. (In Russ.)
16. Губернаторский корпус в условиях трансформации политической системы Российской Федерации / под общ. ред. Я.Г. Ашихминой, П.В. Панова, О.Б. Подвинцева. Пермь: Пермский научный центр УрО РАН, 2014. 306 с.
Gubernatorskii korpus v usloviyakh transformatsii politicheskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii. [The gubernatorial corps in the context of the transformation of the political system of the Russian Federation] under the general editorship of Ya. G. Ashikhmina, P. V. Panov, O. B. Podvintsev. Perm: Perm Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2014. 306 p. (In Russ.)
17. Дука А.В. К вопросу о милитократии: силовики в региональных властных элитах // Властные структуры и группы доминирования: материалы X все-рос. семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 94–120. EDN: UMSTJB.
Duka A.V. On the issue of militocracy: security officials in regional power elites. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya: materialy Kh vseros. Seminara «Sotsiologicheskie problemy institutov vlasti v usloviyakh rossiiskoi transformatsii»* [Power structures and dominance groups: materials of the 10th All-Russian Seminar “Sociological problems of power institutions in the context of Russian transformation”]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. P. 94–120. (In Russ.)
18. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С 66–99. DOI: 10.31119/pe.2021.8.1.3. EDN: YOPBVI.
Duka A.V. Mobility and endogeneity of regional political and administrative elites. *Vlast' i elity*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 66–99. DOI: 10.31119/pe.2021.8.1.3. (In Russ.)

19. Кынев А. Губернаторы в России: между выборами и назначениями. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2020. 1030 с.
Kynev A. Gubernatory v Rossii: mezhdu vyborami i naznacheniyami [Governors in Russia: between elections and appointments]. Moscow: Liberal Mission Foundation, 2020. 1030 p. (In Russ.)
20. Кынев А. Кто и как управляет регионами России: Система управления и административная устойчивость власти российских регионов. М.: Рутения. 2024. 656 с.
Kynev A. Kto i kak upravlyaet regionami Rossii: Sistema upravleniya i administrativnaya ustoichivost' vlasti rossiiskikh regionov [Who and how governs the regions of Russia: The system of governance and administrative stability of the authorities of the Russian regions]. Moscow: Ruteniya. 2024. 656 p. (In Russ.)
21. Кынев А.В. Феномен губернаторов-«варягов» как индикатор рецентрализации (опыт 1991–2018 гг.) // *Полития*. 2019. № 2 (93). С. 125–150. EDN: POJMHG. Дата обращения 09.12.2024. URL: [http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-125-150.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-125-150.pdf).
Kynev A. The Phenomenon of “Varangian” Governors as an Indicator of Recentralization (Experience 1991–2018). *Politiya*. 2019. No. 2 (93). P. 125–150. Accessed 09.12.2024. URL :[http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2\(93\)-125-150.pdf](http://politeia.ru/files/articles/rus/Politeia-2019-2(93)-125-150.pdf). (In Russ.)
22. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2004. 384 с. EDN: QODLCN.
Kryshchanovskaya O. Anatomiya rossiiskoi elity [Anatomy of the Russian elite]. Moscow: Zakharov, 2004. 384 p. (In Russ.)
23. Крыштановская О. Режим Путина: либеральная милитократия? // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7, № 4. С. 158–180. EDN: SDEQSF.
Kryshchanovskaya O. Putin's Regime: Liberal Militocracy? *Pro et Contra*. 2002. Vol. 7. No. 4. P. 158–180. (In Russ.)
24. Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 51–65. EDN: SDDDHZ.
Kryshchanovskaya O. Transformation of the old nomenklatura into a new Russian elite. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 1995. No. 1. P. 51–65. (In Russ.)
25. Лапина Н.Ю. «Центр — регионы» в постсоветской России: история, механизмы взаимодействия, сценарии будущего // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2006. Т. 2, № 2. С. 85–98. EDN: KVIGZT.
Lapina N.Yu. “Center — Regions” in Post-Soviet Russia: History, Mechanisms of Interaction, Scenarios for the Future. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 2006. Vol. 2. No. 2. P. 85–98. (In Russ.)

26. Латыпов Р.Ф. Эволюция политико-административных элит в постсоветской России: кросс-региональный анализ // Социология власти. 2009. № 6. С. 110–118. EDN: KZHHLJ.
Latypov R.F. Evolution of Political-Administrative Elites in Post-Soviet Russia: A Cross-Regional Analysis. *Sotsiologiya vlasti*. 2009. No. 6. P. 110–118. (In Russ.)
27. Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с.
Mogilevkin E.A. *Kar'ernyi rost: diagnostika, tekhnologii, trening* [Career growth: diagnostics, technologies, training]. St. Petersburg: Rech', 2007. 336 p. (In Russ.)
28. Панов П.В. Региональные политические процессы в Российской Федерации в «эпоху» Путина: унификация или диверсификация? // ПОЛИТЭК. 2006. Т. 2, № 4. С. 109–134. EDN: KVIKGT.
Panov P.V. Regional political processes in the Russian Federation in the Putin era: unification or diversification? *POLITEKS*. 2006. Vol. 2. No. 4. P. 109–134. (In Russ.)
29. Паутов А.А., Вернигорова Т.П. Элита и элитогенез. М.: Изд-во РАГС, 2000.
Pautov A.A., Vernigorova T.P. *Elita i elitogenez* [Elite and elitogenesis]. Moscow: Izd-vo RAGS, 2000. (In Russ.)
30. Пихоя Р.Г. Как власть обменяли на собственность // Социология власти. 2011. № 8. С. 5–11. EDN: ONZBBF.
Pikhoya R.G. How power was exchanged for property. *Sotsiologiya vlasti*. 2011. No. 8. P. 5–11. (In Russ.)
31. Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. 208 с.
Ponedelkov A.V. *Politicheskaya elita: genesis i problemy ee stanovleniya v Rossii*. [Political elite: genesis and problems of its formation in Russia]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNTs VSh, 1995. 208 p. (In Russ.)
32. Ривера Ш., Ривера Д. К более точным оценкам трансформации в российской элите // ПОЛИС: Политические исследования. 2009. № 5. С. 149–157. EDN: KYGVZX.
Rivera Sh., Rivera D. Towards more accurate assessments of the transformation in the Russian elite. *POLIS: Politicheskie issledovaniya*. 2009. No. 5. P. 149–157. (In Russ.)
33. Романовский А.А. Основные тенденции ротации губернаторского корпуса в регионах Центрального Федерального округа // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2023. № 2. С. 73–77. EDN: NCVKWI.
Romanovskii A.A. Main trends in the rotation of the gubernatorial corps in the regions of the Central Federal District. *Vestnik VGU. Series: history, political science, sociology*. 2023. No. 2. P. 73–77. (In Russ.)

34. Слатинов В.Б. Губернаторы-«технократы» во главе российских регионов: новая кадровая стратегия Кремля // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2020. № 3. С. 37–41. EDN: EFWRXX.
Slatinov V.B. Governors-’technocrats’ at the helm of Russia’s regions: the Kremlin’s new personnel strategy. *Vestnik VGU. Series: history, political science, sociology*. 2020. No. 3. P. 37–41. (In Russ.)
35. Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.
Sleptsov N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. New legitimacy for regional leaders. *Sotsiologiya vlasti*. 1997. No. 3. P. 5–23. (In Russ.)
36. Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN: YQAQGY.
Tev D. B. Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Peculiarities of a Career after the Termination of Powers. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. (In Russ.)
37. Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. EDN: BBGNON.
Tev D.B. Federal administrative elite of Russia: features of career after leaving office. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023. No. 1. P. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10>. (In Russ.)
38. Тев Д.Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN: XZFPTC.
Tev D.B. Deputies of the United Russia and Communist Party factions in the State Duma: a comparative analysis of their careers after leaving office. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial’nye peremeny*. 2023. No. 4. P. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. (In Russ.)
39. Туровский Р.Ф. Институт губернатора в России: современная эволюция и перспективы // Региональная Россия — 2008: политика, деловой климат и социальные процессы в сравнительной перспективе / под общ. ред. А.В. Дахин. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2008. С.14–33.
Turovskii R.F. The Institute of Governor in Russia: Modern Evolution and Prospects. *Regional’naya Rossiya — 2008: politika, delovoi klimat i sotsial’nye*

- protsessy v sravnitel'noi perspektive* [Regional Russia — 2008: Politics, Business Climate and Social Processes in Comparative Perspective]. Under general ed. A.V. Dakhin. N. Novgorod: Izdatel'stvo VVAGS, 2008. P. 14–33. (In Russ.)
40. Уманская В.П., Малеванова Ю.В. Государственное управление и государственная служба в современной России. М.: Норма, 2020. 176 с. URL:<https://studfile.net/preview/16693484/page:13/> (дата обращения: 22.11.2022).
- Umanskaya V.P., Malevanova Yu.V. *Gosudarstvennoe upravlenie i gosudarstvennaya sluzhba v sovremennoi Rossii*. [Public administration and civil service in modern Russia.] Moscow: Norma, 2020. 176 p. Available at :<https://studfile.net/preview/16693484/page:13/> (accessed: 22.11.2022). (In Russ.)
41. Шентякова А.В. Консолидация российской элиты как фактор государственной политики идентичности // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 1. С. 5–21. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1>. EDN: TLNSVI.
- Shentyakova A.V. Consolidation of the Russian Elite as a Factor in State Identity Policy. *Vlast' i elity*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 5–21. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.1> (In Russ.)
42. Arthur M.B., Hall D.T. and Lawrence B.S. (1989) Generating new directions in career theory: The case for a transdisciplinary approach. In: Arthur MB, Hall DT and Lawrence BS (eds) *Handbook of Career Theory*. Cambridge: Cambridge University Press, 7–25.
43. Arthur M.B. (2008) Examining contemporary careers: A call for interdisciplinary inquiry. *Human Relations* 61(2): 163–186.
44. Baturio A. *Cursus Honorum: Personal Background, Careers and Experience of Political Leaders in Democracy and Dictatorship. New Data and Analyses. Politics and Governance*. 2016. Vol. 4. No. 2. P. 138–157. <https://doi.org/10.17645/pag.v4i2.602>.
45. Bernard J., Čermá K. Daniel (2021). Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů. *Acta Politologica*. Vol. 13. No. 1. P. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020.
46. Borchert, J., Stolz K. (2011). Institutional Order and Career Patterns: Some Comparative Considerations. *Regional & Federal Studies*. Vol. 21. No. 2. P. 271–282. https://www.researchgate.net/publication/233092340_Institutional_Order_and_Career_Patterns_Some_Comparative_Considerations
47. Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A New Political Elite in Western Europe? The Political Careers of Regional Prime Ministers in Newly Decentralised Countries. *French Politics*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 42–61.
48. Caciagli, M. *Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea*. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003.

49. Chudzikowski K., Mayrhofer W. In search of the blue flower? Grand social theories and career research: The case of Bourdieu's theory of practice. *Human Relations*. 2011. Vol. 64. No. 1. P.19-36.
50. Dodeigne J. (Re-)Assessing Career Patterns in Multilevel Systems: Insights from Wallonia in Belgium. *Regional & Federal Studies*. 2014. Vol. 24. No. 2. P. 151–171. Accessed 09.12.2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/260083132_Re-Assessing_Career_Patterns_in_Multi-Level_Systems_Insights_from_Wallonia_in_Belgium.
51. Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems. *West European Politics*. 2018. Vol. 41. No. 3. P. 728–753. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1415549>.
52. Golovin N.A. Zwei Typen der Generationsdynamik in Russland und in Deutschland // Hofmeister, Heimo, Mikirtumov, Ivan (Hrsg) *Krise der lokalen Kulturen und die philosophische Suche nach Identität*. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford; Wien: Peter Lang, 2014.
53. Harvie C. The Rise of Regional Europe. London: Routledge, 1994. 112 p.
54. Keating M. The New Regionalism in Western Europe: Territorial Restructuring and Political Change. Cheltenham, UK: Edward Elgar, 1998. ix+242 p.
55. Landau Matías. “Ser Jefe de Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires: la jerarquización de un cargo político y su impacto en la Argentina reciente”. *Pléyade*. 2021. No. 28. P. 140–160. Accessed 09.12.2024. URL: https://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/207778/CONICET_Digital_Nro.85d8c875-0942-40c7-aa98-6f9289182d78_C.pdf?sequence=5&isAllowed=y (accessed: 08.08.2024).
56. Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia. *Regional & Federal Studies*. 2019. Vol. 29. No. 3. P. 355–380.
57. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: the case of regional governors, 1991–2021. *Regional & Federal Studies*. 03 Jan. 2023. P. 1–20. <https://doi.org/10.1080/13597566.2022.2155811>.
58. Stolz K. Moving Up, Moving Down: Political Careers across Territorial Levels. *European Journal of Political Research*. 2003. Vol. 42. No. 2. P. 223–248.
59. Tams S., Marshall J. Responsible careers: Systemic reflexivity in shifting landscapes. *Human Relations*. 2011. Vol. 64. No. 1. P. 109–131.
60. Tronconi F. Sub-national Political Elites. In: Best H., Higley J. (eds) *The Palgrave Handbook of Political Elites*. London: Palgrave Macmillan, 2008. P. 611–624. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_38.
61. Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista Española de Ciencia Política*, 2018. Núm. 48. P. 183–206. <https://doi.org/10.21308/recp.48.07>.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.4>.

EDN: MVYDXW

*В.Д. ДМИТРИЕВА*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

КАРДИНАЛЫ ЕВРОПЫ И АФРИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КАРЬЕР КАТОЛИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Аннотация. Статья призвана закрыть пробел в научной литературе по религиозным элитам, связанный с недостатком внимания к «бюрократии Ватикана» и небольшим количеством сравнительных исследований. Проведен анализ биографий кардиналов Европы и Африки, которые маркированы в качестве католической элиты в соответствии с позиционным методом. Географические регионы выбраны по принципу наименьшего сходства. Карьера кардиналов представлена как продвижение по церковной иерархии, где предэлитной считается ступень от рукоположения до возведения в сан епископа. Эмпирической основой исследования послужила база данных SPSS, составленная по биографическим профилям кардиналов с сайта Святого престола. Выборка равна генеральной совокупности и включает 137 иерархов. Теоретической рамкой исследования выступили концепция глобального католицизма Хосе Казановы и социология религии Пьера Бурдьё. Установлено, что карьеры католической элиты Европы и Африки, несмотря на наличие сходных параметров, существенно отличаются. Восхождение европейцев по карьерной лестнице сопровождается снижением эндогенности, понимаемой как совпадение места рождения и работы. Это обусловлено перемещением в Рим, в котором сконцентрированы доминирующие позиции и задаются «правила игры» поля религии. Напротив, у африканцев преобладает тип карьеры, при котором прелат поочередно занимает диоцезные должности. На этапе до возведения в кардиналы африканские иерархи получают

управленческие позиции на национальном уровне. Это объясняется необходимостью накопления религиозного капитала, которое не было завершено церковью в африканском контексте. Сравнительный анализ биографий католической элиты подтвердил гипотезу о том, что региональные отличия оказывают значительное влияние на карьеры кардиналов.

Ключевые слова: кардиналы, католическая элита, карьера, Европа, Африка, поле религии, религиозный капитал.

Для цитирования: Дмитриева В.Д. Кардиналы Европы и Африки: сравнительный анализ карьер католической элиты // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 101–137. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.4>. EDN: MVYDXW.

ВВЕДЕНИЕ: БАЗОВЫЕ ПОНЯТИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Слово «элита» (от лат. *eligere*) появилось еще в Средние века. Оно относилось прежде всего к церковной иерархии и сочетало два значения: «отбирать» и «выбранный», «избранный». В данном контексте словоупотребление подчеркивало неразрывную связь между избранием на должность и избранностью персоны, занявшей эту должность. Поскольку иерархическое устройство традиционных обществ основано скорее на наследовании, чем на отборе, который производился среди равных (например, внутри корпорации или курии), термин не получил широкого распространения. В современном значении «элита» как социальная группа, находящаяся на вершине власти, вошла в общественный дискурс лишь в XIX в., а научная разработка понятия пришлось на XX в. [10, с. 143–146, 149–150].

Приведенный историко-этимологический анализ отчасти объясняет трудности, возникающие при попытках концептуализации религиозной (или конфессиональной) элиты. В научной литературе встречаются разнообразные подходы к решению этой проблемы, однако многие из исследований сфокусированы на исторических примерах. Рассматривая позднеантичный период, К. Рапп определяет элитный статус епископов на основании их позиции в церковной иерархии, духовного лидерства и социальных характеристик, включая благородство происхождения, образование, богатство и близость к импе-

ратору [29]. Выделяя субэлиту внутри исландского духовенства XIV в., Э. Сигурдсон делает акцент на сплоченной группе священнослужителей, карьерное продвижение которых зависело от функционирования структур: социальных (сетей патронажа), экономических (бенефициарной системы) и церковных (епархиального управления) [30, р. 2–3]. Оба автора изучают традиционные общества, поэтому предлагаемое ими содержание термина «элита» представляется анахроничным, сходным с аристократией. В свою очередь, Р.М. Биглер маркировал в качестве элиты протестантское духовенство Пруссии начала XIX в. В данном случае под элитой понимается влиятельная профессиональная группа, которая обладает политическим сознанием и, несмотря на внутренние (теологические и др.) противоречия, оказывается способной к артикуляции и отстаиванию собственных интересов [13, р. xi]. Это значение наиболее близко к современному, при котором отличительной чертой элитных групп выступает «право и возможность фиксировать других и себя в системе социальных координат» [10, с. 154].

Исследования религиозной элиты сталкиваются также проблемой отграничения от «приходской», или «религиозной» социологии¹. П. Бурдые сформулировал это следующим образом: «... та социология религии, какая делается сегодня, а именно производителями, причастными в разной степени к полю религии, может ли она быть настоящей научной социологией? И я отвечаю: с трудом» [3, с. 133]. В этом отношении примечательна работа по истории ирландского элитного

¹ В рамках приходской/религиозной социологии проблема и границы исследования задаются религиозной организацией, как правило, финансирующей работу социолога. Этот тип социологии является скорее не научной дисциплиной, а практическим применением социологических методов для изучения религии [15, р. 111]. Выделяют еще одно определение, маркирующее в качестве религиозной социологии исследование религиозных институтов и практик, которое ориентировано на системы значений и смыслов, разделяемых верующими. Обе дефиниции подчеркивают связь религиозной социологии с доктринальными установками (и потребностями) изучаемой религии. Это приводит к превалированию эмпирических данных над теоретическими обобщениями; см.: Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 255–256.

образования, в которой под католической элитой понимаются не представители церкви, а статусные персоны, окончившие религиозные учебные заведения (см.: [28]). Дополнительным объяснением недостатка внимания к институциональной религии является фокусирование ученых на втором полюсе типологии «церковь–секта», который предоставляет обширный материал для изучения религиозных верований, практик и приверженности [15, р. 111–112]. Вероятно, поэтому ряд авторов указывает католические движения, организованные вокруг харизматических лидеров, в качестве новой элиты. Однако начиная с 1980-х гг. (неклерикальные) движения были инкорпорированы Святым престолом через правовое регулирование деятельности и рекрутирование членов в состав церковной элиты [23; 1, с. 148–149, 153–155].

Еще в конце XX в. социолог А. Бриман отметил, что изучение элит в контексте религиозных организаций, как правило, сводится к выявлению социального происхождения и образования епископов. При этом не учитываются их карьерные траектории, а также наличие иных элитных групп, обладающих управленческим функционалом и значительным влиянием в церкви [15, р. 113–114]. Тенденция к анализу национальных епископатов при относительно небольшом количестве межстрановых/межрегиональных исследований сохраняется по сей день. В отношении католицизма, отличающегося высоким уровнем централизации, за скобки выносятся вопросы о «бюрократии Ватикана» [18]. Настоящая статья призвана отчасти закрыть данную лауну посредством *сравнительного анализа карьер католической элиты Европы и Африки*. При определении элиты используется позиционный метод, который связывает занятие формальной руководящей должности с реальным влиянием. Хотя этот метод не рассматривает личную репутацию и активность элитных персон, он открывает возможность для изучения устойчивых властных структур, в том числе в исторической перспективе [26, р. 80–83]. Аргументами в пользу выбранного метода выступают длительность существования церковной иерархии, а также закрытость процесса выработки и принятия решений.

В статье под католической элитой понимаются кардиналы — высшая после папы римского позиция в католической церкви. Они образуют коллегия, в функции которой входит избрание понтифика на конклаве (для прелатов моложе 80 лет) и обсуждение актуальных

вопросов на ординарных и чрезвычайных консисториях. Индивидуально кардиналы занимают управленческие должности в Римской курии, городе-государстве Ватикан и местных диоцезах — до 75 лет с правом продления полномочий¹. Позиционный критерий и сопряженные с ним функции являются достаточными, но не исчерпывающими для подтверждения элитного статуса кардиналов. Каноническое право стремится закрепить меритократический аспект, согласно которому кардиналы избираются папой «из числа мужей, <...> значительно выделяющихся ученостью, добрыми нравами, благочестием, а также благоразумием в ведении дел»². На практике кардиналы становятся инициаторами и критиками церковных реформ (см., например, дискуссию о «Синодальном пути» Германии: [12, с. 176–177]), архитекторами политического курса Святого престола и поместных церквей (см., например, деятельность кардиналов в коммунистической Польше: [16, р. 105]), выступают с публичными заявлениями³.

В настоящем исследовании карьера определяется как продвижение по церковной иерархии, начинающееся с позиции священника. Возведение в сан епископа становится вхождением в первую элитную должность. Это объясняется тем, что служение епископа сочетает обязанности освящения, учительства и управления с исключительным правом рукоположения в священнический сан⁴. Полнота ординарной (связанной с должностью) власти римского понтифика основана не только на законном избрании, но и на епископском посвящении. Значимость епископской хиротонии подтверждает также необходимость ее принятия при возведении в кардиналы⁵. В отношении карьер пред-

¹ См.: Кодекс канонического права. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 163–168.

² Кодекс канонического права. С. 165.

³ См., например: Cardinal Ameyu hopeful for lasting peace in South Sudan // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/africa/news/2024-10/cardinal-ameyu-positive-and-hopeful-for-lasting-peace-in-south-s.html> (дата обращения: 23.11.2024).

⁴ Католическая энциклопедия. Т. 1. М.: Изд-во Францисканцев, 2002. С. 1822, 1826–1827.

⁵ Кодекс канонического права. С. 156–158, 165.

предшествующей считается позиция за одну до получения кардинальской шапки, а предшествующей — должность, занимаемая непосредственно перед назначением.

Исходным пунктом (гипотезой) исследования выступает предположение о том, что региональный контекст оказывает значительное влияние на выстраивание карьерных траекторий католической элиты.

КАТОЛИЦИЗМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНТЕКСТАХ

Географические регионы выбраны на основании наименьшего сходства¹. Согласно церковной статистике, к 31 декабря 2022 г. численность католиков достигла 1,39 млрд человек, составив 17,7 % мирового населения. Она возросла на всех континентах, кроме Европы, продемонстрировавшей сокращение на 474 тыс. человек за год. На африканский континент, напротив, пришли максимальные показатели увеличения католического населения: 7,27 млн человек, или 0,32 %. Официальная статистика фиксирует сокращение количества священников и семинаристов, значительный прирост которых наблюдается только в Африке. Данные за год указывают на изменение состава епископов, наибольшее увеличение которого произошло в Африке (+15 чел.), а снижение — в Европе (–10 чел.)².

¹ Каждый из географических/континентальных регионов характеризуется делением на субрегионы, отличающиеся по ряду параметров; см., например, классификацию Организации Объединенных Наций: Geographic Regions // United Nations. URL: <https://unstats.un.org/unsd/methodology/m49> (дата обращения: 24.10.2024). Одним из оснований дифференциации может служить отношение к религии; см., например, использование шкалы «традиционные vs секулярно-рациональные ценности» на культурной карте мира: Findings and Insights // World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения: 24.10.2024). Признавая неоднородность европейского и африканского континентов, настоящее исследование выносит за скобки вопрос о субрегиональной специфике, что обусловлено стремлением представить целостную картину по выбранным регионам.

² Vatican — Catholic Church Statistics 2024 // Agenzia Fides. URL: http://www.fides.org/en/stats/75542-VATICAN_CATHOLIC_CHURCH_STATISTICS_2024 (дата обращения: 18.11.2024).

Исторически взаимоотношения католицизма и Европы имели диалектический характер, обусловленный сочетанием универсалистских притязаний с самовосприятием церкви в качестве создателя и представителя европейской цивилизации. Постепенный отход от европоцентризма, прослеживающийся в католическом дискурсе со второй половины XX в., неравномерно охватил разные сегменты церкви. Например, не было достигнуто соответствие между численностью католиков и церковных иерархов (особенно кардиналов) в регионах мира. В настоящее время глобализация христианства происходит наряду с секуляризацией Европы. Последняя выражается в сокращении религиозных практик и проблематизации религиозной/конфессиональной идентичности европейцев в целом и жителей Европейского союза в частности [27, р. 442–443, 448, 453–454]. Однако с 2000-х гг. на фоне новых вызовов (миграции, распространения ислама и пр.) наблюдается отход от «евросекулярности» в сторону усиления гражданской активности верующих, создания околоцерковных организаций и социального возрождения внутри христианских церквей. Присутствие католицизма в общественной жизни Европы достигается через вовлеченность в публичные дебаты (включая критику европейской политики) и предоставление позиций, важных для выстраивания диалога со светскими и религиозными властями, а также осмысления актуальных процессов. В этом контексте влияние церкви измеряется скорее не статистическими показателями религиозности, а контролем над должностями в различных секторах [11, с. 50–51, 81–84, 121–124, 241].

Растущее значение африканского континента для католической церкви обусловлено несколькими факторами. Во-первых, евангелизацией Африки южнее Сахары. В отличие от Северной Африки, где экспансия христианства началась во времена апостолов и в VII в. оказалась сдержана арабскими (мусульманскими) завоеваниями, обращение южной части континента пришлось на колониальный период, преимущественно на XX в. По данным Всемирной христианской энциклопедии, с 1900 по 2020 г. Африка продемонстрировала увеличение доли христиан с 9 до 50 % при наибольшем приросте католиков (с 2 до 18 %). Во-вторых, важная роль отводится демографическому фактору, т.е. высокой рождаемости. Эмпирические данные свидетель-

ствуют о том, что в африканских странах с большей долей католиков население растет быстрее¹. В-третьих, для Африки характерен высокий уровень религиозной практики. По данным Всемирного обзора ценностей, в 2023 г. максимальные показатели еженедельного посещения мессы зафиксированы среди верующих Нигерии (94 %) и Кении (73 %). Причем это единственные государства Африки, по которым доступна информация. В-четвертых, за последнее десятилетие континент стал глобальным центром призваний. В 2019 г. в Африке священнический сан получили 1600 человек, что на 294 человека превышает показатели Европы. В Нигерии было совершено больше рукоположений, чем в любой европейской стране².

Африканский католицизм является комплексным феноменом, который объединяет разнообразные контексты и религиозные традиции. Несмотря на общее колониальное прошлое, африканские страны отличаются историческими и культурными ситуациями. Евангелизация происходила в условиях соперничества католических и протестантских миссионеров, привлекавших местных катехизаторов и переводчиков из числа мирян. В Африке действует множество монашеских орденов и конгрегаций, что приводит к сосуществованию конкурирующих типов духовности. Главной особенностью африканского католицизма выступает стремление охватить все стороны жизни, включая социально-политическую проблематику. В целом католическая идентичность континента определяется постоянным напряжением между народными движениями и официальным католицизмом — институциональной религией, которая образована различными иерархиями (диоцедами, миссионерскими центрами и т.д.). Народный католицизм отличает установление связи между духовным и материальным мирами. Фокус народных движений на целительстве (healing) обусловлен не только отсутствием доступа к медицинской помощи, но и верой в действенность духовных сил. Это выражается в возрождении тра-

¹ Demography reigns down in Africa // The Pillar. URL: <https://www.pillarcatholic.com/p/demography-reigns-down-in-africa> (дата обращения: 20.11.2024).

² The Church in Africa, by the numbers // The Pillar. URL: <https://www.pillarcatholic.com/p/the-church-in-africa-by-the-numbers> (дата обращения: 20.11.2024).

диционной католической космологии¹ и акценте на таких практиках, как экзорцизм, строгий пост, ношение религиозных атрибутов и пр. [25, р. 17–21].

Католицизм, укоренившийся в Африке благодаря европейским миссиям, сохранил свои позиции в постколониальный период:

1. Многие лидеры африканских государств были выпускниками миссионерских школ и семинарий — учреждений, производящих религиозный габитус, проявления которого в поле политики свидетельствуют о влиянии религиозной власти [7, с. 47]. В некоторых случаях местное духовенство входило в состав новой правящей элиты. Например, первым президентом независимого Конго стал католический священник Фюльбер Юлу.

2. Церковь развила социальную инфраструктуру, созданную миссионерами и включающую обширную сеть служб. В частности, в Нигерии действует крупнейшая в мире католическая семинария. Церковь продолжает удовлетворять потребности африканцев в сферах образования и здравоохранения, выступая альтернативой слабым государствам.

3. Церковь оказалась вовлечена в экономическое развитие Африки. Она занимается микрофинансированием и привлечением иностранных инвестиций через транснациональные организации («Каритас» и др.) и двусторонние отношения между африканскими и западными диоцезами или епископскими конференциями.

4. Неоднозначной остается роль католицизма в африканской политике, которая варьируется от поддержки демократических сил до легитимации авторитарных режимов. Принятие церкви новыми государствами зависит от ее включенности в национально-освободительную борьбу и миростроительство. Примерами служат выступление против апартеида в Южной Африке и участие в урегулировании военных конфликтов, в том числе в обретении независимости Южным

¹ Под традиционной космологией понимается комплекс воззрений, доминировавших в римском католицизме до 1960-х гг. В этом смысле принятая II Ватиканским собором политика открытости миру (*aperturismo*) рассматривается в качестве ориентации на требования секуляризированной культуры современности.

Суданом. Напротив, интегрированность церкви в колониальный проект и стремление к защите своих институциональных интересов нашло выражение в таких событиях, как геноцид в Руанде [22, р. 291–294, 298–299; 32, р. 553–557].

В настоящее время в католической церкви Африки наблюдается высокий уровень клерикализации, сопряженный с восстановлением дособорного понимания священства, т.е. не предполагающего активной роли мирян. Вероятно, это связано с политикой назначений конца XX в., в результате которой церковная иерархия (особенно епископат) оказалась ориентирована на Ватикан и получила существенную автономию в африканском контексте. Католических прелатов отличает: 1) наличие высшего образования, включая обязательное обучение в семинарии; 2) стабильная занятость — трудоустройство в условиях масштабного экономического неравенства; 3) повышение социального статуса после рукоположения, которое зачастую сопровождается приобретением материальных благ в виде подарков от родственников и прихожан. Более того, в африканской культуре должность священника рассматривается по аналогии с положением (младшего) вождя, что наделяет ее политико-управленческим потенциалом [22, р. 291, 294–295].

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическая рамка настоящей статьи представлена авторскими подходами двух социологов. В качестве отправной точки исследования выбрана концепция глобального католицизма Хосе Казановы (р. 1951), ставшая продолжением его работ по деприватизации религии¹. Главной

¹ Концепция деприватизации религии была разработана Х. Казановой в 1990-е гг. и изложена в книге «Публичные религии в современном мире». Эта концепция представляет собой пересмотр теории секуляризации и утверждает, что традиционные религии расширили свое общественное влияние через включение в борьбу за (пере)определение границ между частной и публичной сферами. В данном контексте происходит глобализация религии, катализатором которой Х. Казанова считает универсализацию доктрины прав человека, особенно права на свободу совести. Недостатком выдвинутой концепции, задающим пределы ее применимости, служит ориентация автора на американскую либеральную традицию.

теоретико-методологической установкой выступили базовые положения социологии религии Пьера Бурдьё (1930–2002).

Как указывает Х. Казанова, распространение католической традиции в различных регионах мира отмечено динамическим напряжением между тремя взаимосвязанными процессами, к которым относятся:

1. Романизация представляет собой стремление к централизации, которое после II Ватиканского собора (1962–1965) реализуется в русле концепции обновления (*aggiornamento*). Романизация проводится на доктринальном и административном уровнях. Примерами служат публикация в 1983 г. Кодекса канонического права и монополизация понтификом права назначения епископов¹. Романизация должна способствовать гомогенизации католической культуры, по крайней мере среди церковных элит.

В своих работах Х. Казанова выступает за выход религий в публичную сферу гражданского общества, но не политического общества и/или демократического государства; см. подробнее: Энциклопедический словарь социологии религии. С. 59, 80–84, 118–120. В настоящее время социолог является почетным профессором Джорджтаунского университета в Вашингтоне (католического университета в ведении Общества Иисуса) и старшим научным сотрудником Центра Беркли. К числу исследовательских проектов под руководством Х. Казановы относятся «Глобализация, религии и секулярное», «Иезуиты и глобализация», «Католицизм и глобализация» и др. Последний из указанных проектов находится на стадии реализации. Он посвящен глобальной трансформации католицизма в трех регионах мира: азиатско-тихоокеанском, латиноамериканском и африканском; см.: José Casanova // Berkley Center. URL: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/people/jose-casanova> (дата обращения: 18.11.2024).

¹ Монополия понтифика в этом вопросе характерна не для всех национальных контекстов. В 2024 г. Святой престол и Китай на 4 года продлили Временное соглашение о назначении епископов, подписанное в 2018 г. Этот документ предполагает вовлечение обеих сторон — папы римского и китайских властей — в кадровую политику поместной церкви: Holy See and China extend Provisional Agreement on appointment of bishops // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2024-10/holy-see-china-provisional-agreement-appointment-bishops-extend.html> (дата обращения: 24.10.2024).

Это подтверждается ведущей ролью римских университетов в образовании и социализации будущих иерархов. Среди европейцев 61 человек (56 %), а среди африканцев 21 человек (75 %) обучались в университетах, находящихся в ведении Святого престола. Причем африканские кардиналы преимущественно оканчивали Папский Урбанианский университет, осуществляющий подготовку священников-миссионеров¹.

2. Интернационализация проводится посредством рекрутирования коренного населения на всех организационных уровнях: от местной иерархии до коллегии кардиналов и Римской курии. Значимость этого процесса обусловлена ростом численности католических верующих глобального Юга, в результате которого церковь перестала восприниматься как преимущественно европейский институт. Проявлением интернационализации выступает также создание международных католических сетей взаимодействия.

Процесс расширения национального состава католической иерархии был начат еще во второй половине XIX в. Ведущей тенденцией преобразования коллегии кардиналов стало сокращение доли европейцев в целом и итальянцев в частности. В 1960 г. был назначен первый в истории африканский кардинал (Лауреан Ругамбва из Танзании) [14, р. 62–71; 24, р. 266]. Как видно из данных таблицы 1, нынешний папа более склонен назначать представителей глобального Юга, чем его предшественники. При Франциске европейцы составляют менее половины от общего числа кардиналов.

3. «Национализация» характеризуется усилением поместных церквей, начало которому было положено мобилизацией мирян в рамках Католического действия. Рассматриваемый процесс находит свое выражение в гражданской активности религиозных организаций и работе епископских конференций². Последние претендуют не только на определение общественно значимых вопросов, но и на их осмыс-

¹ Католическая энциклопедия. Т. 4. М.: Изд-во Францисканцев, 2011. С. 1595.

² См., например: Cardinal Ambongo advocates for peace and dialogue at the SECAM meeting in Rwanda // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/africa/news/2024-11/cardinal-ambongo-advocates-for-peace-and-dialogue-at-the-secam-m.html> (дата обращения: 01.12.2024).

ление, предполагающее формулирование католической позиции в конкретном национальном контексте [17, р. 134–136].

Таблица 1 (Table 1)

**Распределение кардиналов последних трех понтификатов
по географическим регионам, чел. (%)**

*Distribution of cardinals of the last three pontificates
by geographical regions, people (%)*

Географический регион	Иоанн Павел II N=231	Бенедикт XVI N=90	Франциск N=142
Европа	129 (55,8)	52 (57,8)	58 (40,8)
Северная Америка	28 (12,1)	11 (12,2)	12 (8,5)
Центральная Америка	5 (2,2)	0	7 (4,9)
Южная Америка	25 (10,8)	8 (8,9)	20 (14,1)
Африка	17 (7,4)	8 (8,9)	19 (13,4)
Азия	23 (10)	11 (12,2)	23 (16,2)
Океания	4 (1,7)	0	3 (2,1)

Примечание. Таблица содержит информацию обо всех кардиналах, назначенных за последние три понтификата. Сведения об умерших кардиналах собраны на сайте Святого престола (с 2001 г.)¹ и в базе данных GCatholic.org².

Note. The table contains information on all cardinals appointed during the last three pontificates. Information on deceased cardinals is collected on the Holy See website (since 2001) and GCatholic.org database.

Социология религии П. Бурдье является измерением социологии власти. Поскольку религия выступает инструментом логической и социальной интеграции «коллективных представлений», она выполняет функцию легитимации социального порядка [19, р. 67–68; 2, с. 10–13]. Несмотря на (возможные) конфликты со светской властью, «церковь способствует сохранению политического строя, т.е. символическому

¹ Deceased Cardinals (since 2001) // The Holy See. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/card_bio_typed/card_defunti.html (дата обращения: 24.10.2024).

² Cardinals Created by Pope John Paul II // GCatholic.org. URL: <https://gcatholic.org/hierarchy/data/cardJP2.htm> (дата обращения: 24.10.2024).

укреплению его делений, благодаря своей специфической функции поддержания символического порядка» [2, с. 55]. Она утверждает иерархический образ мышления — «натурализует» отношения субординации, устанавливая соответствие между космологической (созданной Богом), церковной и социальной иерархиями [2, с. 55–58].

Важной теоретической разработкой П. Бурдьё стала концепция полей, под которыми понимаются пространства борьбы за накопление и монополизацию различных видов капитала. В рамках конкретного поля «распределение капитала отражает иерархию властных отношений между конкурирующими индивидами, группами и организациями» [31, р. 79]. Поле религии конституирует религиозный капитал. Он связан с символической властью, которая «воспринимается не в качестве власти, а как легитимное требование признания, отличия, повиновения или услуг со стороны других» [31, р. 77]. Религиозный капитал существует в форме символических систем и компетенций (знаний и практик), которые аккумулированы церковью. Последняя стремится к монополии на производство, воспроизводство и распространение религиозных продуктов (средств спасения), делегируя авторитет священнослужителям. В данной перспективе религиозный капитал выступает предметом обмена и инструментом власти над мирянами. Он способствует привитию религиозного габитуса как «порождающего принципа», согласующего мысли и действия людей с религиозным учением [34, р. 157; 2, с. 39–54].

В оппозиции церкви находятся колдун и пророк (ересиарх), реализующие свою деятельность без профессиональной подготовки и институциональной гарантии [2, с. 40–43]. Колдун «усугубляет святотатство тем, что вводит мирянина-профана в отношение со священным предметом» [2, с. 26]. Он удовлетворяет религиозные потребности низших классов (крестьянства), занимаясь врачеванием тела за материальное вознаграждение. Напротив, пророк ориентирован на образованные социальные группы и стремится к религиозной власти, «производя и проповедуя четко систематизированную доктрину, способную дать жизни и миру единый смысл» [2, с. 44]. Он вынужден осуществлять первоначальное накопление религиозного капитала, основанное на отрицании собственных мирских (особенно политических) интересов [2, с. 41, 44, 59–62]. Пророк — это «человек экстре-

ординарных ситуаций», дискурс которого наиболее точно отражает происходящие изменения [2, с. 59–62]. Если противостояние колдуну предполагает уступки мирянам (например, канонизацию народных верований), то в борьбе с пророком и сектами церковь производит рационализацию догм и литургии [2, с. 52–54].

Таким образом, поле религии представляет собой пространство борьбы за легитимное определение религиозного как такового и способов исполнения религиозной роли. Исторически это поле характеризовалось наличием церкви, обладавшей монополией на средства спасения и делегировавшей ее своим членам. Размытие границ между религией и иными полями трансформировало логику борьбы за символическое манипулирование мировоззрением и поведением людей. Это обусловлено: 1) пересмотром оппозиции тела и души, а также разделения труда по их лечению; 2) повышением уровня образования, повлиявшим на производителей (духовенство) и потребителей (мирян) религиозного капитала; 3) ослаблением общественного контроля вследствие урбанизации и приватизации жизни, повысившей спрос на психологические услуги. Результатом стало возникновение «нового духовенства», включающего психоаналитиков, социальных работников, членов сект и др. агентов, которые вышли из поля религии только биографически. Миряне составили конкуренцию священнослужителям, сохранившим монополию исключительно в области ритуала [3, с. 147–155].

Среди недостатков теории П. Бурдьё выделяют сфокусированность на (французском) католицизме, предполагающую рассмотрение поля религии как пространства конкуренции религиозных специалистов в их взаимоотношениях с социальной структурой. Акцент делается на институциональной религии, т.е. на церковной иерархии [19, р. 82–83; 21 р. 8]. Ограничение возможностей мирян подвергается критике со стороны ряда исследователей. Например, представители теории рационального выбора Л. Яннаконе, Р. Старк и Р. Финке считают, что религиозный капитал является продуктом, накопление и инвестирование которого происходит на персональном уровне. Освоение религиозной культуры способно приносить выгоду всем индивидам, а не только профессионалам. Среди иных попыток переосмыслить теорию П. Бурдьё можно назвать концепции «духовного капитала» (*spiritual capital*) и рефлексивного использования религиозной доктрины [34; 20].

Неоднозначным остается также вопрос о применимости религиозного поля к анализу ситуации за пределами современных западных государств, для которых характерно наличие институциональной религии и разграничения сфер общественной жизни. Редакторы сборника «Бурдьё в Африке: исследование динамики религиозных полей» настаивают на использовании теории П. Бурдьё, уделяющей внимание агентам и практикам в их социокультурном контексте, для деконструкции ряда эссенциалистских категорий. В сборнике вместо африканских традиционных религий, африканского христианства и ислама предлагается изучение генезиса, истории и реконфигурации религиозных полей Африки, которые включают всех агентов, заинтересованных в социальной игре религии. В данной перспективе подчеркивается размытость границ, которые переопределяются: 1) агентами религиозных полей — например, при возникновении африканских независимых церквей; 2) целенаправленным вмешательством в развитие религиозной практики, как в случае европейских колонизаторов и миссионеров; 3) взаимодействием с другими, относительно автономными полями. Последний аспект связан с тем, что в Африке долгое время религия была не конкретным полем, а «полнотой жизни», охватывающей мышление и поведение человека [21, р. 1, 6, 11–15, 22–26].

Поскольку настоящая статья посвящена исследованию религиозных специалистов (кардиналов), использование оригинальной теории П. Бурдьё представляется релевантным¹. В африканском контексте анализу подлежит структура одного из религиозных полей, а именно доминирующие позиции католического поля. Наряду с его актуальным состоянием, учитываются историческая динамика и конфигурация отношений с иными полями, в том числе с полем политики.

¹ В настоящем исследовании применение теории П. Бурдьё сочетается с привлечением католических источников и литературы, которые содержат сведения о состоянии поля религии, не всегда доступные стороннему наблюдателю. Как отмечает П. Бурдьё, «если знать о принадлежности полю религии с соответствующими ему интересами, то можно научиться управлять эффектами этой принадлежности и черпать в них опыт и необходимую информацию для производства нередуцированной объективации, способной преодолеть альтернативу внутреннего и внешнего» [3, с. 137].

МЕТОД И ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Эмпирической основой исследования послужила база данных SPSS, составленная по биографиям кардиналов Европы и Африки, размещенным на сайте Святого престола¹. Дополнительные источники данных не привлекались, поскольку анализу подлежали официальные биографические профили прелатов, из которых извлекалась и кодировалась релевантная для изучения карьер информация. Используемый метод можно обозначить как структурно-биографический, т.к. он направлен на соотнесение структуры элитной группы с биографиями образующих ее персон [8, с. 158–159]. Выборка равна генеральной совокупности и состоит из 137 кардиналов. Сведения актуальны на 1 октября 2024 г. Новые назначения не учтены в силу отсутствия официальных биографий на момент проведения исследования (до консистории 7 декабря 2024 г.)² и изменения итогового списка иерархов, возводимых папой в кардиналы³.

Как показано в таблице 2, из 235 ныне живущих кардиналов 109 человек являются выходцами из Европы, а 28 — из Африки. Коллегия насчитывает 122 выборщика, среди которых 49 европейцев и 16 африканцев. Соотношение представителей Африки и Европы составляет 1:4, в то время как для выборщиков данный показатель равен 1:3. Вхождение в сан кардинала после 80 лет, т.е. без права занятия управленческих должностей и участия в конклаве, встречается у 13 европейцев и двух африканцев. Следовательно, «символическое» назначение чуть менее распространено в Африке — 7,1 % в сравнении с 11,9 %

¹ List of Cardinals in order of Age // The Holy See. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/cardinali---statistiche/elenco_per_eta.html (дата обращения: 01.10.2024).

² Pope Francis announces Consistory for creation of 21 new Cardinals // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2024-10/pope-francis-announces-consistory-for-creation-of-new-cardinals.html> (дата обращения: 01.10.2024).

³ См.: Pope Francis adds a Cardinal to the Consistory, Archbishop Battaglia of Naples // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2024-11/pope-adds-cardinal-to-consistory-archbishop-battaglia-of-naples.html> (дата обращения: 04.11.2024).

для Европы. Приведенные данные поднимают вопрос о позиции, занимаемой прелатами этих регионов в поле религиозной власти.

Таблица 2 (Table 2)

Представители Европы и Африки в коллегии кардиналов, чел. (%)

Representatives of Europe and Africa in the College of Cardinals, people (%)

Географический регион	Ныне живущие кардиналы N=235	Кардиналы-выборщики N=122
Европа	109 (46,4)	49 (40,2)
Африка	28 (11,9)	16 (13,1)

Примечание. Все таблицы, используемые в статье, составлены автором на основе данных с сайта Святого престола.

Note. All tables used in the article are compiled by the author based on data from the Holy See website.

На сайте Святого престола встречается типологизация кардиналов по трем ролям: куриальный, резидент и почетный / на покое (emeritus)¹. Поскольку в данном случае не учитывается возможность исполнения иерархом нескольких ролей², классификация была скорректирована путем объединения двух критериев: функционала и активности элитных персон. Полученные результаты позволяют сопоставить роли, наиболее характерные для кардиналов Европы и Африки. Как продемонстрировано в таблице 3, для действующих куриальных кардиналов доля европейцев в семь раз больше, чем африканцев. Среди тех, кто находится на покое, процент европейских прелатов в три раза превышает показатель выходцев из Африки. Напротив, резидентов отличает преобладание африканских иерархов — в два раза для действующих и на 20 % (в сравнении с европейцами) для кардиналов на покое. Аналогичное распределение по ролям наблюдается у вы-

¹ Graph: Distribution of Cardinals according to role // The Holy See. URL: https://press.vatican.va/content/salastampa/en/documentation/cardinali---statistiche/elenco_alfabetico/distribuzione-per-funzione.html (дата обращения: 12.08.2024).

² Например, кардинал Рейнхард Маркс является одновременно координатором куриального Совета по делам экономики и архиепископом Мюнхена и Фрайзинга.

борщиков Европы и Африки, за исключением меньших значений для кардиналов, пребывающих на покое (табл. 4). Эти данные указывают, с одной стороны, на реализацию африканцами управленческих функций в поместных церквях и, с другой стороны, на большую включенность европейцев в работу центрального аппарата церкви.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение кардиналов Европы и Африки по ролям, чел. (%)*Distribution of Cardinals of Europe and Africa according to role, people (%)*

Роль кардинала	Кардиналы Европы N=109	Кардиналы Африки N=28
Куриальный кардинал на покое	33 (30,3)	3 (10,7)
Кардинал-резидент на покое	36 (33)	15 (53,6)
Куриальный кардинал	24 (22)	1 (3,6)
Кардинал-резидент	23 (21,1)	12 (42,9)

Таблица 4 (Table 4)

Распределение кардиналов-выборщиков Европы и Африки по ролям, чел. (%)*Distribution of Cardinals electors of Europe and Africa according to role, people (%)*

Роль кардинала	Выборщики Европы N=49	Выборщики Африки N=16
Куриальный кардинал на покое	4 (8,2)	2 (12,5)
Кардинал-резидент на покое	13 (26,5)	4 (25)
Куриальный кардинал	17 (34,7)	1 (6,3)
Кардинал-резидент	20 (40,8)	12 (75)

В Римской курии состоят 57 европейцев, или 52,3 % от общего числа кардиналов этого региона. Выходцы из Европы возглавляют 11 из 31 куриальной структуры. Причем 49 европейских иерархов участвуют в 1–4 структурах, а максимальное количество (9 структур) встречается у префекта Дикастерии по делам Восточных Церквей Клаудио Гуджеротти. Европейцы образуют также 4 из 9 членов Со-

вета кардиналов, созданного для содействия понтифику в управлении церковью (в сравнении с одним прелатом из Африки)¹. В Римскую курию входят 16 человек, или 57,1 % африканцев. Они не вовлечены в работу Государственного секретариата, юридических структур и шести дикастерий. Среди африканских иерархов 13 человек состоит в 1–2 куриальных структурах. Максимум для этого региона (5 структур) зафиксирован в биографии кардинала Питера Кодво Аппиа Тарксона, почетного префекта Дикастерии по содействию целостному человеческому развитию. Проанализированные данные свидетельствуют о большем влиянии европейцев на выработку и реализацию (политического) курса Святого престола.

Согласно таблице 5, региональная специфика прослеживается на примере членства в структурах Римской курии. Если более половины состава Дикастерий по содействию христианскому единству и по делам Восточных Церквей образуют европейские кардиналы, то пятую часть Дикастерии по межрелигиозному диалогу — африканцы². Приоритетом для африканских иерархов становится работа в Дикастерии по евангелизации, обусловленная необходимостью накопления религиозного капитала. Представители обоих регионов составляют значительную долю кардиналов в Дикастерии вероучения. Это связано с тем, что интерпретация учения является одной из важнейших компетенцией религиозных специалистов. Она отсылает к функции легитимации социального порядка. В основе лежит религиозный интерес, т.е. выгода, извлекаемая социальной группой из религиозных практик и верований и направленная на упрочение ее материальной и символической власти. Взаимодействие религиозных интересов, зависящих от структуры межклассовых отношений и разделения религиозного труда, определяет динамику поля религии. Реинтерпретация снабжает вероучение различными (или противоположными) значе-

¹ Актуальный состав Совета кардиналов см.: Pope renews Council of Cardinals // Vatican News. URL: <https://www.vaticannews.va/en/pope/news/2023-03/pope-renews-council-of-cardinals.html> (дата обращения: 06.10.2024).

² Учитывается доля иерархов Европы и Африки от общего числа кардиналов в составе дикастерии. Значимость куриальных структур оценивается отдельно для каждого региона.

ниями для социальных групп, а также выступает предметом внутренней борьбы религиозных специалистов [2, с. 29–36].

Таблица 5 указывает на вовлеченность африканских кардиналов в деятельность Дикастерии богослужения и дисциплины таинств. Это объясняется возникновением после II Ватиканского собора множества местных литургических форм, требующих утверждения со стороны Святого престола — например, заирский обряд (см.: [25, р. 51–56]). Вызовом для африканского католицизма остается разработка местных теологий, которые отвечали бы реалиям литургического динамизма и роста численности верующих. Несмотря на развитие и методологическое сближение отдельных богословских направлений (см.: [33, р. 223–225]), африканский теологический дискурс отличается слабая концептуализация таких феноменов, как апартеид, трайбализм и пр. Это отражается на социально-политической сфере, где широкая представленность католической церкви не способствует решению актуальных проблем. Полученное в семинариях и университетах (в том числе африканских) образование сохраняет ориентацию на западные образцы мышления и практики, которые не соотносятся с африканским контекстом [25, р. 24–25].

Особенно значимой для европейских кардиналов выступает работа в Дикастерии по канонизации святых (см. табл. 5)¹. Эта куриальная структура обеспечивает доступ к «управлению резервом религиозного капитала (или святости), являющегося плодом долгого религиозного труда» [2, с. 42]. Канонизация не только подтверждает монополию церкви на обладание такой разновидностью символической власти, как религиозный авторитет, но и инкорпорирует пророков в церковную иерархию [2, с. 45]. Процесс канонизации становится легитимным нарушением принятых правил и может быть совершен лишь на основании занимаемой должности, *ex officio*. Следовательно, представители Европы, образующие 81,3 % Дикастерии по канонизации святых, демонстрируют наибольшее соответствие требованиям кардинальской позиции, что позволяет им манипулировать «правилами игры» поля религии [4, с. 151–152].

¹ Дикастерия по служению благотворительности не принималась во внимание, поскольку среди ее членов только один кардинал — папский раздатчик милостыни Конрад Краевский.

Таблица 5 (Table 5)

Представленность кардиналов Европы и Африки в дикастериях Римской курии, чел. (%)*Representation of the Cardinals of Europe and Africa in the Dicasteries of the Roman Curia, people (%)*

Дикастерия Римской курии	Кардиналы Европы	Кардиналы Африки
по евангелизации, N=45	15 (33,3)	10 (22,2)
по делам епископов, N=37	16 (43,2)	0
богослужения и дисциплины таинств, N=31	13* (41,9)	6 (19,4)
по делам Восточных Церквей, N=29	16* (55,2)	2 (6,9)
по делам институтов посвященной жизни и обществ апостольской жизни, N=21	8 (38,1)	2 (9,5)
по делам культуры и образования, N=20	7* (35)	2 (10)
по делам духовенства, N=18	8 (44,4)	0
вероучения, N=16	9 (56,3)	3 (18,8)
по канонизации святых, N=16	13* (81,3)	1 (6,3)
по содействию христианскому единству, N=14	8* (57,1)	1 (7,1)
по межрелигиозному диалогу, N=14	5* (35,7)	3 (21,4)
по интерпретации законодательных текстов, N=11	4 (36,4)	0
по делам мирян, семьи и жизни, N=9	1 (11,1)	1 (11,1)
по содействию целостному человеческому развитию, N=8	3 (37,5)	0
по делам коммуникаций, N=6	3 (50)	0
по служению благотворительности, N=1	1* (100)	0

Примечание. Список дикастерий составлен на основании апостольской конституции о Римской курии *Praedicate Evangelium*¹. Знаком * обозначены кардиналы, в число которых входит префект соответствующей дикастерии.

Note. The list of dicasteries is compiled in accordance with the apostolic constitution *Praedicate Evangelium*. The sign * denotes cardinals, which include the prefect of the corresponding dicastery.

¹ Pope Francis. Apostolic constitution *Praedicate Evangelium* // The Holy See. URL: https://www.vatican.va/content/francesco/en/apost_constitutions/documents/20220319-constitution-ap-praedicate-evangelium.html (дата обращения: 01.10.2024).

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Большинство европейцев стали священниками в возрасте 24–25 лет, в то время как 42,9 % африканских кардиналов рукоположены в 27–28 лет. Средний возраст вступления в предэлитную должность для выходцев из Европы равен 48 годам, а для африканцев — 43 годам. В первую элитную должность европейские прелаты вступают в среднем в 54 года, а представители Африки — в 46 лет. В трети случаев африканцы стали епископами до 40 лет включительно. Примечательно, что двое выходцев из Африки были сразу возведены в архиепископы, а трое — в митрополиты¹. Предшествующую работу европейские прелаты начинают в среднем в 65 лет, а африканцы — в 60 лет. Средний возраст получения позиции кардинала для Европы равен 68 годам, а для Африки — 65 годам. Приведенные данные свидетельствуют о высокой динамике перемещения африканских иерархов по карьерной лестнице, но также указывают на длительность их подготовки к священству, трактуемой в качестве накопления религиозного капитала.

Совпадение места рождения и страны представительства наблюдается у 94,5 % европейских и 92,9 % африканских кардиналов. Прелаты обоих регионов рукоположены преимущественно в стране рождения: для европейцев данный показатель равен 82,1 %, а для африканцев — 88 % от общего числа биографий, в которых указано место получения священнического сана. Это позволяет зафиксировать высокий уровень укорененности иерархов на начальном этапе построения карьеры.

Причем 6 из 28 африканских кардиналов (21,4 %) подчеркивают свое происхождение из католических семей. Одна биографическая запись содержит также указание на наличие племенных связей: мать нигерийского кардинала Энтони Олубунми Окоги была принцессой народа йоруба. Это одна из крупнейших (около 25 млн чел.) и самых урбанизированных этнических групп Африки, представители которой в основном проживают в Нигерии. С 1880-х гг. йоруба начали создавать возглавляемые африканцами церкви, а в начале XX в. инициировали

¹ Если архиепископ управляет диоцезом, который отличается большой численностью верующих и/или высоким статусом в католической иерархии, то митрополит является архиепископом, возглавляющим церковную провинцию; см.: Кодекс канонического права. С. 197.

распространение христианства на юго-западе страны. Они сделали акцент на преодолении общественных кризисов в сферах экономики и здравоохранения через прямое откровение Бога, не требующее интерпретации миссионеров. Результатом стало создание устойчивых христианских сообществ, численность которых увеличилась в пост-колониальный период [33, р. 89–90].

Восхождение европейцев по карьерной лестнице отмечено перемещением в Рим и повышением доли иерархов, вовлеченных в курительную деятельность. Если первая элитная должность служит накоплению религиозного капитала и в 62,2 % случаев предоставляется в стране рождения, то предпредшествующую и предшествующую позиции европейские прелаты занимают в Риме — в 38,2 и 44,8 % случаев соответственно [9, с. 53–54]. В Римской курии до возведения в сан епископа состоял 21,6 % европейцев, т.е. для 1/5 европейских иерархов работа в центральном аппарате управления церковью открыла возможность для карьерного продвижения [9, с. 51]. Вхождение в Римскую курию сходной доли африканцев (21,4 %) произошло на этапе, предшествующем получению кардинальской должности. Следовательно, включение в выработку «правил игры» поля потребовало от выходцев из Африки предварительного накопления религиозного капитала.

Эндогенность, т.е. совпадение места рождения и работы, африканских кардиналов не опускается ниже 75 % на протяжении всей карьерной траектории. Это указывает на преобладание типа карьер, при котором прелат продвигается от «низших» к «высшим» постам в диоцезе как базовой административно-территориальной структуре церкви. Предпредшествующая и предшествующая работа выходцев из Африки характеризуются ростом численности иерархов, занимающих управленческие позиции на национальном уровне. Особенностью выступает вписанность биографий кардиналов в контекст страны представительства, т.е. конфигурацию политического и религиозного полей. Подобная специфика встречается в 12 биографических профилях (42,9 %), из которых 8 принадлежат выборщикам; 5 отражают участие в урегулировании военно-политических конфликтов, а 4 — в налаживании (меж)религиозного диалога.

В целом для Африки характерна вовлеченность религиозных агентов в политику, варьирующаяся от занятия руководящих постов

до освещения социальных проблем. Поэтому политическая активность кардиналов может интерпретироваться в качестве конкуренции за религиозный капитал, в которой (католической) церкви противостоят харизматические движения. Вне зависимости от принадлежности к военным хунтам или демократическим режимам африканские политики полагаются на различные источники сверхъестественной помощи. Они обращаются к харизматическим пророкам, духовные «консультации» которых заменяют или дополняют традиционные религиозные услуги — например, молитвенную поддержку церковью [33, р. 362–363]. Харизматические движения Африки становятся также альтернативной формой дискурса о колдовстве. В отличие от миссионеров, связывавших распространение христианства с искоренением веры в магию, они признают колдовство действенной силой, позиционируя себя главным способом борьбы с его влиянием [32, р. 439].

Сравнительный анализ биографий кардиналов Европы и Африки позволил выявить не только отличия, но и *схожие параметры карьер*:

1. Ведущими сферами предэлитной активности иерархов выступают пастырская деятельность и преподавание, которые для европейцев составляют 20,7 и 24,3 %, а для африканцев — 46,4 и 32,1 % соответственно.

Хотя контроль над отбором, социализацией и карьерами агентов наделяет поле религии и систему образования относительной автономией [31, р. 81–82], последняя выступает важнейшим каналом рекрутирования католической элиты. Это объясняется историческими причинами, т.е. возникновением светских учебных заведений в результате секуляризации церковных институций, а также сходством священника и преподавателя. Церковь и школа наделяют своих агентов делегированным авторитетом, гарантирующим легитимность выполняемой ими функции внушения культурного произвола [7, с. 72–76]. В данном контексте важно отметить, что африканцев отличает большая доля кардиналов, руководивших учебными заведениями — 64,3 % в сравнении с 30,3 % выходцев из Европы. Африканцы преимущественно занимали должность ректора семинарии в стране рождения (12 случаев). В Папских университетах в Риме, где сконцентрированы доминирующие позиции католического поля, работали 23 европейца (21,1 %). Ни один из африканских кардиналов не обладает подобным

опытом, способствующим накоплению особой формы культурного капитала — знания «правил игры» поля [31, р. 81].

В африканских церквях пастырское и социальное служения, включая вопросы образования, здравоохранения, справедливости и мира и пр., находятся в ведении духовенства. Служения возглавляют священники, епископы и в отдельных случаях монашествующие. Мирянам вне зависимости от уровня их компетентности отводятся подчиненные позиции, требующие послушания. Предположительно, сложившийся тип социальных отношений связан с воспроизводством характерной для колониального периода дихотомии «хозяин–слуга». Результатом стало не только возникновение африканских диктатур, но и культ религиозных властей [25, р. 110–112].

Альтернативное объяснение опирается на нераздельность священной и мирской реальностей (религии и иных полей), взаимосвязь которых выражается в гомологии между церковной и политической иерархиями. В традиционных обществах Африки легитимация избрания или назначения на должность происходит посредством установления отношений со сверхъестественными хранителями власти, т.е. различными божествами и предками. Отсюда проистекают представления о вожде как «первосвященнике», который выступает посредником между миром живых и миром мертвых. В постколониальный период такая сакрализация авторитета нашла свое отражение в политических идеологиях и проектах, включающих установление однопартийной системы и подавление инакомыслия. В целях обоснования властных притязаний правители некоторых африканских государств сочетали религиозные ресурсы с категориями традиционной культуры — например, через принятие почетного титула спасителя/искупителя [33, р. 113, 352–355].

2. В перечне предшествующих позиций кардиналов наиболее часто встречается должность председателя конференции католических епископов, т.е. управление постоянным органом, координирующим деятельность епископов на конкретной территории (в стране или регионе)¹.

¹ Католическая энциклопедия. Т. 2. М.: Изд-во Францисканцев, 2005. С. 1268–1270.

В биографиях европейских прелатов среди предшествующих позиций упоминаются руководящая должность в Римской курии (27 чел.), архиепархии (23 чел.), синоде или конференции епископов (20 чел.). Последние два статуса объединены в силу схожести их функционала. Комбинирование наиболее распространенных позиций, занимаемых перед возведением в кардиналы, демонстрирует приоритетность перехода от архиепископа к главе синода/конференции епископов (14 случаев) [9, с. 56–58].

Половина африканских иерархов имеет опыт участия в синоде. Этот «постоянный совещательный орган коллегии епископов» находится в непосредственном подчинении понтифику, который утверждает избранных и назначает др. членов, определяет сроки проведения заседаний (ассамблей), перечень обсуждаемых вопросов и возможность вынесения постановлений¹. В 1994 и 2009 г. состоялись Синоды епископов по Африке, проходившие в Ватикане и предусматривавшие консультации с африканскими теологами. Все документы и сделанные епископами официальные заявления подлежали проверке со стороны римских властей [22, р. 297].

Если работу синода отличает высокий уровень централизации, то конференции епископов обладают большей автономией. В частности, должность председателя является выборной во всех странах за исключением Италии, где главу назначает папа. В отношении Европы рост значимости епископских конференций объясняется их ролью в налаживании экуменического диалога. Функционирование данного органа сглаживает «асимметрию», которая возникает между католической (вселенской) церковью и христианскими общинами, действующими преимущественно на региональном уровне². Среди 28 африканцев 21 человек, или 75 %, имеет опыт председательства в конференции епископов, который 16 прелатов получили до возведения в кардиналы. Приведенные данные свидетельствуют о том, что управление органом, координирующим деятельность национального (или регионального) епископата, становится способом накопления религиозного капитала.

¹ Католическая энциклопедия. Т. 4. С. 793–794.

² См.: Dicastery for Promoting Christian Unity. The Bishop of Rome: A Study Document. Vatican City: Libreria Editrice Vaticana, 2024. P. 110–111.

3. Работа в качестве папского легата¹, включая должность нунция, не служит трамплином к позиции кардинала. Хотя дипломатическая служба встречается в биографиях многих европейцев, она редко выступает в роли предпосредствующей и предшествующей сфер деятельности — 8 и 4 раза соответственно. Опыт дипслужбы отсутствует у представителей Африки.

Несмотря на рост количества призваний, в силу большой численности населения и интенсивности религиозной практики для Африки характерна нехватка духовенства. Согласно официальной статистике, на африканском континенте на одного священника приходится 5077 католиков в сравнении с 1812 верующими в Европе². Это становится одной из причин, по которой африканские епископы не слишком склонны отправлять священников в страны глобального Севера. Дополнительными причинами выступают разногласия по этическим и доктринальным вопросам, а также проявления дискриминации в отношении миссионеров — представителей коренного населения Африки. Напряженность вызывает и социально-политическая активность африканских католиков, в том числе затрагивающая проблему миграции³. Аналогичная аргументация применима к дипслужбе, требующей высокой мобильности и соответствия «правилам игры» поля.

В основе функционирования церкви лежит делегирование монополии на средства спасения. Этот акт позволяет совокупности лиц (религиозным специалистам) выступать в качестве единого корпуса, или социального тела (церкви). Священнослужители получают символическую власть, которая зависит от неузнавания совершаемого насилия. В результате делегирования они наделяются полномочиями

¹ Папские легаты представляют Святой престол при отдельных церквях и гражданских властях, а также выступают делегатами или наблюдателями на международных собраниях, конференциях и совещаниях: Кодекс канонического права. С. 170.

² Vatican — Catholic Church Statistics 2024 // Agenzia Fides. URL: http://www.fides.org/en/stats/75542-VATICAN_CATHOLIC_CHURCH_STATISTICS_2024 (дата обращения: 18.11.2024).

³ Demography reigns down in Africa // The Pillar. URL: <https://www.pillaratholic.com/p/demography-reigns-down-in-africa> (дата обращения: 20.11.2024).

говорить и действовать от имени церкви, а не просто верующих. Особенность позиции кардинала заключается в представительстве конкретной страны и региона, т.е. группы католиков, которой обеспечивается видимое присутствие в поле религии [6, с. 160–165]. П. Бурдьё отмечает специфику такого делегирования: «Представляемая и символизируемая группа существует именно потому, что существует представитель и обратно, именно существование группы дает возможность агенту существовать в качестве ее представителя» [6, с. 158]. Можно предположить, что невовлеченность кардиналов в дипломатическую работу указывает на недостаточный объем накопленного ими религиозного капитала, который не гарантирует представленность африканских католиков в (международном) поле религии.

4. Наименее приоритетной карьерной траекторией становится продвижение в рамках монашеского ордена. В числе 109 кардиналов-европейцев 21 монах, в то время как на 28 африканцев приходится 7 членов институтов посвященной жизни и обществ апостольской жизни.

Среди монашествующих кардиналов Европы чаще остальных встречаются иезуиты, салезианцы (по 4 чел.) и францисканцы (3 чел.). Последние, традиционно занимающиеся миссионерской деятельностью, представлены также двумя африканскими кардиналами. Наряду с ветвями францисканского ордена, Конгрегация Святого Духа является институтом посвященной жизни для двух выходцев из Африки. Она ориентирована на подготовку коренного населения к рукоположению и привлечение мирян к катехизаторской работе¹. В целом доля монашествующих в коллегии кардиналов невелика. Это связано с конкуренцией за религиозный капитал, исторически ведущейся между церковью и орденами, многие из которых организованы вокруг проповедей [2, с. 45]. Канонизация создателя ордена, а также подчинение монашествующих епископов папе² ослабляет, но не снимает напряже-

¹ Католическая энциклопедия. Т. 4. С. 591–593.

² Монашествующий, возведенный в сан епископа, подчиняется исключительно папе. Оставаясь членом института посвященной жизни, он не несет всей полноты обязательств, сопряженных с принесенными обетами: Кодекс канонического права. С. 297–298.

ние. П. Бурдые резюмировал так: «Отодвигая монаха на второй план в иерархии орденов, она [церковь] делает из надлежащим образом возведенного в сан священника обязательный инструмент спасения и жалует иерархии власть освящения» [2, с. 46].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: КАРДИНАЛЫ В ПОЛЕ РЕЛИГИИ

Возникновение и функционирование относительно автономного поля религии сопряжено с институционализацией религиозной власти, при которой отношения агентов заменяются «строго установленными и юридически гарантированными отношениями социально признанных положений, характеризующихся своим рангом» [5, с. 260]. Эти положения не зависят от биологических особенностей религиозных агентов, которые становятся взаимозаменяемыми. Они обладают схожей профессиональной квалификацией (обучались в семинарии) и используют одинаковые инструменты (катехизис, сборники проповедей и пр.) [2, с. 50, 53–54; 5, с. 262]. В данной перспективе позиция кардинала служит мерой ранга, т.е. фиксирует положение агентов в структуре распределения религиозного капитала и социально воспринимается как обеспечивающая обладание определенным объемом этого капитала (см.: [5, с. 261]).

Перечень должностей, занимаемых европейскими кардиналами на разных этапах построения карьеры, не является простым отражением иерархического строения церкви, а вписан в социальный контекст [9, с. 60]. Это соотносится с выводами П. Бурдые и М. де Сен-Мартен относительно французского епископата. В соответствии с собственной (карьерной) траекторией и положением в церкви каждый священнослужитель производит религиозный продукт, отвечающий спросу той или иной категории мирян. В рамках разделения религиозного труда, сопровождающегося диверсификацией рынка религиозной рабочей силы, формируется поле умеренной конкуренции, агенты которого могут обменивать свои позиции. Одним из факторов сплоченности корпуса религиозных специалистов выступает профессиональная подготовка, т.е. образование [19, р. 75–77].

В процессе восхождения кардиналов по карьерной лестнице доля выходцев из Европы, вовлеченных в диоцезную деятельность, заметно сокращается. Наблюдается снижение эндогенности, понимаемой как

совпадение места рождения и работы прелатов. Тенденция обусловлена перемещением в Рим, который в случае католицизма задает «правила игры» поля религии. Напротив, эндогенность африканских кардиналов остается крайне высокой на протяжении всей карьерной траектории. Это указывает на преобладание типа карьер, при котором прелат продвигается от «низших» к «высшим» церковным постам в стране своего рождения. Большинство африканцев являются кардиналами-резидентами. Они участвуют в миростроительстве, социальной работе и экономическом развитии африканского континента, что предполагает «возврат к способам накопления, основанным на конвертировании экономического капитала в символический» [5, с. 264]. Подобная специфика объясняется необходимостью отграничения церкви от колониального проекта, в который она была интегрирована.

В этом отношении важнейшим событием в истории африканской церкви стал II Ватиканский собор. В нем приняли участие епископы, представлявшие коренное население континента. Символическую ценность имело не столько содержание выдвинутых африканцами инициатив, сколько сам факт присутствия на соборных сессиях. Хотя африканские епископы составляли небольшую и неоднородную группу, их отличала скоординированность позиций по различным вопросам:

1. Деколонизация в сочетании с проводимой Ватиканом «индигенизацией» духовенства способствовали трансформации полей политики и религии. Это позволило африканцам выступить против расовой дискриминации, за адаптацию католицизма к местным культурам и налаживание межрелигиозного диалога.

2. В Африке накопление религиозного капитала было связано с деятельностью миссионеров, в ведении которых находились семинарии. Многие из участвовавших в соборе африканских епископов, включая ныне живущего кардинала Фрэнсиса Аринзе, после окончания местных семинарий обучались в Риме. В результате ими была приобретена особая форма капитала, заключающаяся в знании «правил игры» поля [31, р. 81]. Следование этим правилам нашло свое выражение в доктринальном консерватизме, затронувшем широкий круг вопросов: от биоэтики до celibата священнослужителей [24, р. 190–191, 265–266].

Однако уже в 1970-е гг. африканское духовенство начало выдвигать инициативы, отличные от официального курса церкви. Реакцией Святого престола стало ограничение автономии епископских конференций континента и назначение нового поколения иерархов. Это были местные священнослужители, получившие постдипломное образование в Риме и придерживавшиеся традиционных взглядов [22, р. 291]. В данном случае предоставление институциональных гарантий (делегирование) основывалось скорее на личном авторитете агентов, чем на механизмах воспроизводства установленного порядка. Религиозные специалисты должны были «оплачивать свою повышенную ценность повышенным соответствием ценностям группы» [5, с. 255]. Сохранение этой специфики прослеживается на примере хиротоний африканских кардиналов. Если двое иерархов рукоположены в священники папой во время поездок в Африку, то возведение в епископы трех кардиналов проходило в Риме под непосредственным началом понтифика.

Таким образом, сравнительный анализ биографий католической элиты Европы и Африки *подтвердил гипотезу* о том, что региональные отличия оказывают значительное влияние на карьеры кардиналов. Если для европейцев карьерное продвижение сопряжено с центростремительной мобильностью, то для представителей африканского континента характерно поочередное занятие должностей в поместных церквях: от диоцезного до национального уровня. В рамках теории П. Бурдьё это объясняется необходимостью накопления религиозного капитала, которое в силу ряда причин (сохранение традиционных верований и племенной структуры, последствия колонизации и пр.) не было завершено церковью в африканском контексте.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитриева Валерия Денисовна — младший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН.

Телефон: +7 (812) 316-24-96. **Электронная почта:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Research Article

VALERIA D. DMITRIEVA¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia.

CARDINALS OF EUROPE AND AFRICA: COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CATHOLIC ELITE CAREERS

Abstract. The article is intended to close the gap in the scientific literature on religious elites, associated with a lack of attention to the “Vatican bureaucracy” and a small number of comparative studies. The article offers an analysis of the biographies of European and African cardinals who are labeled as the Catholic elite according to the positional method. Geographic regions are selected based on the principle of least similarity. The career of cardinals is presented as a promotion through the church hierarchy, where the pre-elite stage is considered to be from ordination a priest to receiving episcopal ordination. The empirical basis of the study is data being gathered from the official website of the Holy See and processed in SPSS. The sample is equal to the general population and includes biographies of 137 hierarchs. The theoretical framework of the study is José Casanova’s concept of global Catholicism and Pierre Bourdieu’s sociology of religion. The analysis revealed that the careers of the Catholic elite of Europe and Africa, despite the presence of similar parameters, differ considerably. The rise of Europeans up the career ladder is accompanied by a decrease in endogeneity, understood as the coincidence of place of birth and work. This is due to the move to Rome, where dominant positions are concentrated and the “rules of the game” of the religious field are set. On the contrary, among Africans the type of career in which the prelate alternately occupies diocesan positions predominates. In the pre-cardinalate stage, African hierarchs are given leadership positions at the national level. This is due to the need to accumulate religious capital, which is not completed by the church in the African context. A comparative analysis of the biographies of the Catholic elite confirmed the hypothesis that regional differences have a significant impact on the careers of cardinals.

Keywords: cardinals, Catholic elite, career, Europe, Africa, religious field, religious capital.

For citation: Dmitrieva V.D. Cardinals of Europe and Africa: comparative analysis of the Catholic elite careers. *Vlast’ i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 101–137. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.4>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valeriia D. Dmitrieva — Junior Research Fellow, The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–24–96. **E-mail:** ms.valeria.spb@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Борщ И.В.* Харизматическое лидерство в католической церкви // Современная Европа. 2021. № 2. С. 147–157. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22021147157>. EDN: NIAZOG
Borsch I.V. Charismatic Leadership in the Catholic Church. *Sovremennaya Evropa*. 2021. No. 2. P. 147–157. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22021147157> (In Russ.)
2. *Бурдьё П.* Генезис и структура поля религии / пер. с фр. О.И. Кирчик // Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. и послесл. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. С. 7–74.
Bourdieu P. Genesis and structure of the religious field. Transl. from French by O.I. Kirtchik. Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: polya i praktiki*. [Social Space: Fields and Practices.] Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ.; St. Petersburg: Aleteiya publ., 2005. P. 7–74. (In Russ.)
3. *Бурдьё П.* Начала / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Socio-Logos, 1994. 288 с.
Bourdieu P. Choses dites. [Russ. ed.: *Nachala*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Socio-Logos Publ., 1994. 288 p.]
4. *Бурдьё П.* О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнаревой. М.: Издательский дом «Дело», 2016. 719 с.
Bourdieu P. Sur l'Etat. Cours au Collège de France (1989–1992). [Russ. ed.: *O gosudarstve. Kurs lektzii v Kollezh de Frans (1989–1992)*. Transl. from French by D. Kralechkin and I. Kushnareva. Moscow: Delo Publ., 2016. 719 p.]
5. *Бурдьё П.* Практический смысл / пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя; М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. 562 с.
Bourdieu P. Le Sens Pratique. [Russ. ed.: *Prakticheskii smysl*. Transl. from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteiya Publ.; Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii Publ., 2001. 562 p.]
6. *Бурдьё П.* Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
Bourdieu P. Sociologie de l'espace social. [Russ. ed.: *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institut eksperimental'noi sotsiologii publ.; St. Petersburg: Aleteiya Publ., 2007. 288 p.]
7. *Бурдьё П., Пассрон Ж.-К.* Воспроизводство: элементы теории системы образования / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Просвещение, 2007. 267 с.

- Bourdieu P., Passeron J.-C. La Reproduction: Éléments pour une théorie du système d'enseignement. [Russ. ed.: *Vosproizvodstvo: elementy teorii sistemy obrazovaniya*. Transl. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Prosveshchenie Publ., 2007. 267 p.]
8. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сборник научных трудов / отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN: YMHGUAO
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Russian Regional elites: innovative potential in the context of globalization. *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve: sbornik nauchnykh trudov*. [Globalization in Russian society: collection of academic papers.] Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2008. P. 99–242. (In Russ.)
9. Дмитриева В.Д. На пути к кардинальской шапке: карьерные траектории католической элиты Европы // Власть и элиты. 2023. Т. 10. № 1. С. 43–68. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.2>. EDN: VHLAZN
Dmitrieva V.D. On the way to the cardinal's biretta: career trajectories of the Catholic elite of Europe. *Vlast' i elity*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 43–68. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.2> (In Russ.)
10. Дука А.В. «Элиты» и элита: понятие и социальная реальность // Россия и современный мир. 2009. № 1 (62). С. 142–159. EDN: KDYFWZ
Duka A.V. «Elites» and Elite: The Notion and Social Reality. *Rossiya i sovremennyyi mir*. 2009. No. 1 (62). P. 142–159. (In Russ.)
11. Лункин Р.Н. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. 488 с. EDN: RXMKHE
Lunkin R.N. *Tserkvi v politike i politika v tserkvyakh. Kak sovremennoe khristianstvo menyaet evropeiskoe obshchestvo*. [The Churches in Politics and the Politics in the Churches. How the Christianity Changes the European Society.] Moscow: IE RAN Publ.; St. Petersburg: Nestor-Istoriya Publ., 2020. 488 p. (In Russ.)
12. Шиманская О.К. Мария 2.0. феминистское движение в католической церкви Германии: новый вызов? // Современная Европа. 2022. № 3. С. 171–184. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030135>. EDN: GGVIEL
Shimanskaya O.K. Maria 2.0. Feminist Movement in the Catholic Church in Germany: A New Challenge? *Sovremennaya Evropa*. 2022. No. 3. P. 171–184. <https://doi.org/10.31857/S0201708322030135> (In Russ.)

13. Bigler R.M. *The Politics of German Protestantism. The Rise of the Protestant Church Elite in Prussia, 1815–1848*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1972. 300 p.
14. Broderick J.F. The sacred college of cardinals: size and geographical composition (1099–1986). *Archivum Historiae Pontificiae*. 1987. Vol. 25. P. 7–71.
15. Bryman A. Sociology of Religion and Sociology of Elites: Elite and Sous-Elite in the Church of England. *Archives de sciences sociales des religions*. 1974. No. 38. P. 109–121.
16. Byrnes T.A. The Polish Church: Catholic Hierarchy and Polish Politics. *The Catholic Church and the Nation-State. Comparative Perspectives*. Ed. by P.C. Manuel, L.C. Reardon, C. Wilcox. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2006. P. 103–116.
17. Casanova J. Globalizing Catholicism and the Return to a “Universal” Church. *Transnational Religion and Fading States*. Ed. by S.H. Rudolph, J. Piscatori. New York; London: Routledge, 1997. P. 121–143. <https://doi.org/10.4324/9780429503467-6>
18. Conway B. The sociology of Catholicism: A review of research and scholarship. *Sociology Compass*. 2021. Vol. 15. No. 4. <https://doi.org/10.1111/soc4.12863>
19. Dianteill E. Pierre Bourdieu and the Sociology of Religion: A Central and Peripheral Concern. *After Bourdieu. Influence, Critique, Elaboration*. Ed. by D.L. Swartz, V.L. Zolberg. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2004. P. 65–85.
20. Dillon M. Pierre Bourdieu, Religion, and Cultural Production. *Cultural Studies: Critical Methodologies*. 2001. Vol. 1. No. 4. P. 411–429. <https://doi.org/10.1177/153270860100100402>
21. Echtler M., Ukah A. Introduction: Exploring the Dynamics of Religious Fields in Africa. *Bourdieu in Africa: Exploring the Dynamics of Religious Fields*. Ed. by M. Echtler, A. Ukah. Leiden; Boston: Brill, 2016. P. 1–32. https://doi.org/10.1163/9789004307568_002
22. Egan A., SJ. Roman Catholics. *Christianity in Sub-Saharan Africa*. Ed. by K.R. Ross, J.K. Asamoah-Gyadu, T.M. Johnson. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. P. 289–301.
23. Faggioli M. The New Elites of Italian Catholicism: 1968 and the New Catholic Movements. *The Catholic Historical Review*. 2012. Vol. 98. P. 18–40. <https://doi.org/10.1353/cat.2012.0049>
24. Foster E.A. *African Catholic: Decolonization and the Transformation of the Church*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2019. 369 p.
25. *Handbook of African Catholicism*. Ed. by S.Ch. Ilo. New York: Orbis Books, 2022. 824 p.

26. Hoffmann-Lange U. Methods of Elite Identification. *The Palgrave Handbook of Political Elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 79–92. https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_8
27. Kratochvíl P. Roman Catholicism and Europe. *The Oxford Handbook of Religion and Europe*. Ed. by G. Davie, L.N. Leustean. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 437–457. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198834267.013.24>
28. O'Neill C. *Catholics of Consequence. Transnational Education, Social Mobility, and the Irish Catholic Elite 1850–1900*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 248 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198707714.001.0001>
29. Rapp C. The Elite Status of Bishops in Late Antiquity in Ecclesiastical, Spiritual, and Social Contexts. *Arethusa*. 2000. Vol. 33. No. 3. P. 379–399.
30. Sigurdson E. *The Church in Fourteenth-Century Iceland. The Formation of an Elite Clerical Identity*. Leiden; Boston: Brill, 2016. 207 p.
31. Swartz D.L. Bridging the Study of Culture and Religion: Pierre Bourdieu's Political Economy of Symbolic Power. *Sociology of Religion*. 1996. Vol. 57. No. 1. P. 71–85. <https://doi.org/10.2307/3712005>
32. *The Palgrave Handbook of Christianity in Africa from Apostolic Times to the Present*. Ed. by A.E. Barnes, T. Falola. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2024. 699 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-031-48270-0>
33. *The Routledge Companion to Christianity in Africa*. Ed. by E.K. Bongmba. New York; London: Routledge, 2016. 577 p. <https://doi.org/10.4324/9781315890012>
34. Verter B. Spiritual Capital: Theorizing Religion with Bourdieu Against Bourdieu. *Sociological Theory*. 2003. Vol. 21. No. 2. P. 150–174. <https://doi.org/10.1111/1467-9558.00182>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.5>.

EDN: MWSYHK

А.В. ШЕНТЯКОВА^{1,2}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет
191060, Санкт-Петербург, ул. Смольного д.1/3, подъезд 7.

² Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

КРИЗИС И УСТОЙЧИВОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ МНЕНИЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ (ОПЫТ ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ)

Аннотация. Рассматриваются оценки и мнения представителей региональной элиты о кризисе и устойчивости в современной России. Экономическая и политическая устойчивость выступают важными условиями стабильности государства, что обусловило актуальность исследования. Кризисные факторы нарушают привычные институциональные порядки и становятся вызовом для властвующей элиты. В качестве эмпирической базы исследования используются материалы глубинных интервью с представителями региональной/муниципальной политико-административной и экономической элиты. В выборку вошли 8 субъектов Северо-Западного федерального округа РФ. Для определения статуса респондента использовались критерии позиционного подхода. Качественный анализ текстов позволил выявить различия в восприятии кризиса у представителей двух субэлитных групп. Возраст как критерий также выявил различия в оценках/мнениях и позволил разделить всех участников на две группы — оптимистов и скептиков. Респонденты — представители бизнеса сильно ощущают последствия кризиса, для них он протекает болезненно и элементы устойчивости оцениваются ими очень критично. В сознании людей из региональных и местных администраций кризисные явления последних пяти лет не оцениваются как серьезная угроза, с которой си-

стема не сможет справиться без значительных потерь. Показатели устойчивости не вызывают опасений.

Ключевые слова: кризис, устойчивость, административная элита, экономическая элита, глубинные интервью, взаимодействие бизнеса и власти.

Для цитирования: Шентякова А.В. Кризис и устойчивость в зеркале мнений региональной элиты (опыт глубинных интервью) // Власть и элиты. 2024. Т. 11. № 4. С. 138–159. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.5>. EDN: MWSYHK.

В течение всего XX в. активно разрабатывались концепции кризиса в рамках различных подходов, акцентируя внимание на общих и частных аспектах, причинно-следственных связях, типологии кризисных явлений. Были выделены различные виды кризисов в зависимости от той сферы, в которой первоначально кризисные явления разворачиваются наиболее интенсивно, — экономические, финансовые, управленческие, политические, духовные и т.д. Важно было проследить не только последовательность кризисных явлений, но и зависимость этих процессов от реакции ключевых субъектов принятия решений. Отечественный ученый А.А. Богданов, разрабатывая в 1920-е гг. теорию организации и дезорганизации систем, одним из первых обращает внимание на роль кризисов и их неизбежность для устойчивого развития любой системы: «С внешней стороны определение кризиса просто и очевидно: это *смена организационной формы комплекса*. Но что представляет эта форма? Мы знаем: *совокупность связей между элементами*. Следовательно, смена формы может состоять только либо в уничтожении каких-либо прежних связей, либо в возникновении новых, либо в том и другом вместе. Кризис есть нарушение равновесия и в то же время процесс перехода к некоторому новому равновесию» [2]. В начале XX в. американским социологом У. Томасом была разработана теория кризиса и социальных изменений. Он трактовал кризис как «явление, которое нарушает привычных ход вещей» и требует «новой модели поведения», чтобы адекватно реагировать и принимать решения в изменившихся условиях [3, с. 271].

В современном мире кризис понимается не как отдельное, локализованное во времени и пространстве явление, а в большей степени

как процесс, разворачивающийся по мере того как различные факторы и субъекты взаимодействуют, нарушая институциональные нормы и практики, повышая уровень рисков для основных формальных и неформальных институтов. Сложность, взаимозависимость и политизированность — вот характеристики, все больше отвечающие понятию кризиса настоящего времени [1, с. 38]. Если раньше кризисы трактовались как внешний фактор, влияющий на повседневную жизнь, меняющий основные правила и практики откуда-то извне, то теперь они стали повседневной частью образа жизни людей. Рубеж XX–XXI вв. характеризуется экспертами как начало нового периода — «мирового общества риска» и «эры кризисов». Последствия терактов, социальных и экономических потрясений, катастроф и эпидемий усугубились и стали все менее управляемыми [1, с. 39], что обусловлено процессами глобализации, цифровизации и активным внедрением новых технологий в повседневную жизнь. В совокупности эти процессы влияют на восприятие и поведение людей, которые в условиях информационного общества склонны неадекватно оценивать кризисные явления и их последствия.

С одной стороны, можно согласиться с позицией многих исследователей, которые предлагают рассматривать кризис как «серьезную угрозу основным структурам или базовым ценностям или нормам [общественной] системы, которая вынуждает принять кардинальное решение в условиях ограниченного времени и значительной неопределенности» [1, с. 40]. Когда система находится в сбалансированном, синхронизированном режиме, она отвечает на внешние и внутренние требования. Если система перестает отвечать выдвигаемым требованиям и не выполняет свои адаптивные функции, она переходит в кризисное состояние [10, с. 98].

С другой стороны, несмотря на негативную смысловую нагрузку понятия кризис, само явление носит и конструктивный характер. Кризисы способствуют проявлению латентных проблем системного характера, которые организация/государство либо игнорировало, либо решало с применением некорректных ресурсов и инструментов.

В последние десятилетия зарубежные исследователи кризисов отмечают и подчеркивают важность субъективного восприятия событий как кризисных. «Очевидно, что понимание и оценка последствий кри-

зиса, особенно долгосрочных (как, впрочем, и самого кризиса), зависит от базовых ценностей самого субъекта оценки, от его исходных норм и критериев» [1, с. 47]. «Кризисы возникают тогда, когда структура общественной системы допускает меньше возможностей для разрешения проблем, нежели необходимо для самой системы», но «лишь тогда, когда члены общества переживают структурные изменения как критические по отношению к состоянию системы и ощущают угрозу своей социальной идентичности, мы можем говорить о кризисе» [11, с. 19].

В новых условиях, когда одна волна кризисных явлений почти сразу сменяется следующей, очень многое зависит от способности властной элиты сохранить институциональный порядок, баланс сил и интересов как внутри элиты, так и в обществе. Одной из важных составляющих в кризисные периоды исследователи выделяют коалиционные взаимодействия между различными сегментами элиты и готовность к консолидации наиболее влиятельных акторов. В процессе выработки политического (экономического) курса в меняющихся условиях «для политической системы самым главным является поддержание необходимого уровня и качества управляемости» [7, с. 140]. «В условиях кризиса элиты максимально проявляют свой статус, функционал и индивидуально-групповые качества. Кризис выступает для общества индикатором способности элит управлять и легитимности занимать главенствующее положение» [4, с. 6]. Для преодоления кризисных явлений и их последствий в государствах, проходящих трансформационные процессы, со слабыми институтами и сложным территориально-административным устройством необходим высокий уровень консолидации усилий со стороны ключевых представителей политической элиты и бизнеса. Этот фактор позволяет сформировать каркас целевых ориентиров для активизации мобилизационного потенциала более широких слоев населения. Этот же фактор способен снизить уровень тревожности в обществе через каналы коммуникации в случае необходимости. Но эти параметры выступают на первое место только при условии, что и ключевые субъекты во власти, и рядовые члены общества воспринимают ситуацию и оценивают положение как кризисное.

За последние пять лет российское общество пережило две большие волны кризисных явлений. Первая связана с пандемией коронавируса,

а вторая — с началом СВО. Оба кризисных фактора носят внезапный и общегосударственный характер, так как затрагивают все сферы и сегменты общества. Опросы общественного мнения ФОМ и ВЦИОМ за последние годы показывают постоянное ощущение кризиса в настроениях граждан, но в условиях двух разных кризисных ситуаций — пандемии и начало СВО — на первое место вышли базовые ценности жизни, здоровья, мира. «Пятый год подряд мы живем в кризисной ситуации. Но это не привычный нам экономический кризис, а что-то более сложное. Сначала — пенсионная реформа, затем — коронакризис, теперь — СВО. Эти тяжкие испытания скорректировали иерархию ценностей в понятном направлении. Материальные запросы отодвинулись на второй план, на первый же вышла базовая потребность в безопасности, физическом выживании, здоровье. Быть живым и здоровым — самое важное сейчас»¹. Данные, опубликованные крупнейшими исследовательскими центрами, показывают, что в течение последних пяти лет большинство граждан воспринимали события и политико-экономические изменения как кризисные.

Результаты массовых опросов обусловили актуальность исследования кризисных настроений среди представителей экономической и административной элиты с использованием качественной методологии. В условиях повышенной неопределенности элиты как институт выступают инстанцией, регулирующей и поддерживающей институциональные порядки. Фактор самооценки и восприятия кризис/стабильность представителями региональной/муниципальной элиты могут содержательно влиять на характер принимаемых решений и уровень сплоченности внутри властных групп. Влияние человеческого фактора на характер и динамику протекания кризисов отмечают многие зарубежные исследователи «Способность политиков, чиновников и управленцев понять, что происходит в текущий период внутри и вне их организаций, даже в обычных условиях, встречается достаточно редко» [1, с. 44]. Этот параметр обусловил позицию исследователей, при которой смысловое наполнение понятия «кризис» не пред-

¹ Глава ВЦИОМ рассказал о переменах в настроениях россиян. URL: <https://wciom.ru/sobytie/ne-zhit-odnim-dnom-glava-vciom-rasskazal-o-peremenakh-v-nastroenijakh-rossijan> (дата обращения: 15.06.2024).

лагалось респондентам как готовый методологический концепт, а определялось и интерпретировалось самими респондентами.

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЧАСТИ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проводимого исследовательского проекта объектом выступали представители экономической и административной региональной и муниципальной власти. Предмет исследования — выявление и оценка признаков политического, управленческого и экономического кризисов в сознании представителей этих социально-профессиональных групп. В многочисленных работах как отечественных, так и зарубежных исследователей отмечаются различия в ресурсной базе, карьерных траекториях и дискурсе для представителей этих субэлитных групп. Как отмечают Г. Кербо и Л. Фэйв, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением — с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции, для того чтобы сделать стоящим это направление исследования» [8, с. 148], вследствие чего одной из гипотез исследования было предположение об отличиях в оценке и восприятии кризисных волн между представителями этих элитных групп.

В выборку вошли 8 из 11 субъектов Северо-Западного федерального округа (Ленинградская, Новгородская, Вологодская, Мурманская, Архангельская, Псковская области, Республика Карелия и город федерального значения Санкт-Петербург). Респонденты отбирались и маркировались по критериям позиционного подхода, который определяет принадлежность того или иного субъекта к властной группе на основании занимаемого положения, а значит, и ресурсного потенциала и выполнения определенных структурно-профессиональных функций. Методом «снежного кома» в каждом субъекте отбирались 20 респондентов, по 10 человек из каждой субэлитной группы. В качестве административной элиты рассматривались руководители комитетов (их заместители) в региональном правительстве, председатели (или их заместители) комитетов и комиссий в региональных парламентах, а также мэры наиболее крупных городов / главы наиболее крупных районов. Бизнес-элита была представлена как руководителями первого/второго звена из наиболее крупных и значимых фирм, компаний, предприятий,

так и индивидуальными предпринимателями. Этот кластер не включает представителей крупного бизнеса в регионах, только средний и малый бизнес. Объем выборочной совокупности составил 160 респондентов.

Методом сбора информации выбрано глубинное интервью. Серия интервью проходила в течение года с июля 2023 по август 2024, длительность каждого интервью составляла 1–2 часа. Проект был междисциплинарным, в связи с чем основной пул вопросов гайда затрагивал экономические аспекты и показатели кризисности/устойчивости предприятий и фирм, вопросы менеджмента и качества управления. Но отдельный блок вопросов был связан с политическими и социально-экономическими параметрами оценки ситуации в регионе/районе.

ПОНЯТИЕ «КРИЗИС» В СОЗНАНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Первым блоком в анализе текстов интервью стало обобщение и группировка смысловых единиц, затрагивающих понятие кризиса у представителей этих групп. Для большинства политиков и администраторов пандемия и начало СВО не обозначались как серьезные кризисы. В высказываниях представителей власти эти факторы фигурировали как угрозы, риски и форс-мажорные обстоятельства, т.е. события, с которыми можно справиться привычными способами и которые не требуют инновационных решений или ресурсов. Почти все участники интервью подчеркивали, что «последние 5 лет были сложными и для экономики, и для бизнеса, и для людей, но все-таки это не кризис, какой был в 1990-е гг.». Для большинства респондентов мерой сравнения являются процессы и события после распада советского государства.

Тогда был действительно кризис и не один, а сейчас ситуация несколько иная, это скорее более сложные обстоятельства с высокими рисками» (зам. председателя областного парламента, 59 лет).

В текстах интервью само слово кризис редко употребляется, когда респонденты говорят о принятых решениях, характере ситуации и дают оценку состояния района/региона в настоящий момент вре-

мени. Отметим, что в беседах политико-административного сегмента элиты элементов кризисного восприятия ситуации не было обнаружено. В сознании этой группы людей кризиса в полном смысле слова нет. В качестве косвенных маркеров можно выделить только увеличение количества отчетной документации, рекомендации быть более сдержанными и осторожными в процессе переговоров, усиление контроля и требований при формировании техзаданий в сфере госзакупок и заказов.

Сложнее работать стало, люди не хотят понимать, что быстро серьезные вопросы решить невозможно. Я не могу все бросить и заниматься каким-то одним проектом... Да, февраль 2022 встряхнул людей, но ничего в их жизни не изменилось. Кто хочет и готов рисковать, могут хорошо заработать. Но ведь в бизнесе всегда было много рисков (чиновник регионального уровня, 54 года).

Многим нравятся картинки из европейской жизни, где чиновники лучшие работают. Но ведь там и люди более ответственные, законопослушные. В пандемию даже их службы не справлялись. <...> Я могу действовать только в пределах полномочий, оценить качество моей работы может только начальник или коллега. Со стороны многие проблемы незаметны и непонятны. С нас требуют выполнение показателей, указов федеральной власти, а где брать ресурсы, деньги, специалистов? (зам. начальника районной администрации, 51 год).

Да, есть инфляция, есть рост цен, процентные ставки в банках выросли и т.д., но и возможности найти работу с хорошей зарплатой тоже много. Кто хочет заработать, тот не сидит и не ждет, когда государство даст денег... Пандемийные условия были сложными, но всегда надо крутиться. Можно всегда договориться и решить вопрос, главное желание (глава комитета региональной администрации, 46 лет).

Участники проекта говорили о старых проблемах, которые обострились или приобрели бóльшую значимость под влиянием этих

событий, но не сформировались в следствии их. Отдельно респонденты отмечали, что оба события выступили «шоком для простых людей, они оказались не готовы к решениям федеральной власти, не готовы к резким изменениям и военным рискам». Согласованность и выработка единого институционального дизайна, по мнению респондентов, один из наиболее важных компонентов политического и административного вектора политики для сохранения стабильности.

У представителей бизнеса мнения отличаются. Многие (почти все) из респондентов этой группы активно используют понятие кризиса при оценке экономической ситуации их предприятий и ситуации в городе/регионе. Ожидается, что в их дискурсе кризис затрагивает экономические показатели, такие как оценка ближайших перспектив развития, новые подряды и заказы, упущенные выгоды и инвестиционные потери, снижение доли чистой прибыли. Острой кризисной ситуацией они считают состояние в сфере финансового и человеческого ресурса, т.е. человеческого капитала производственных кадров и доступности финансовых инструментов для развития бизнеса. Представители малого бизнеса настроены наиболее критично, так как их серьезно затронул пул ограничений и финансовых потерь в период весны 2020–2021 гг. Весна 2022 г. усложнила для них ситуацию, в первую очередь с кадровыми решениями. Они отмечали финансовые потери от санкций, которые затрагивают логистику и цепочки поставок необходимых товаров. Большинство представителей бизнеса в регионах отмечали повышение уровня неопределенности, что очень негативно сказывается на инвестициях в развитие предприятий. Сужение горизонтов планирования и повышение планки экономических рисков означает что на предприятиях и фирмах меньше внимания будет уделяться разработке новых идей, проектов, а основные задачи связаны с сохранением занимаемого положения на рынке и существующих прибылей. С точки зрения работы государства и его институтов участники проекта не отмечали каких-либо серьезных изменений. Многие бизнесмены признавали, что поддержка бизнеса со стороны государства и до всех событий была незначительная, отмечая слабость и почти полную бесполезность/недоступность антикризисных мер в период пандемии. Приводились примеры с налоговыми, кредитными и др. послаблениями, которые плохо реализовывались, приме-

нялись фрагментарно и кулуарно. Такие оценки превалируют у представителей бизнеса, которые удалены от власти, не имеют тесных неформальных связей или у них сложились более сложные / конфликтные отношения с региональными администрациями (Санкт-Петербург, Мурманская и Архангельская обл.). В кейсах из остальных регионов представители бизнес структур менее критичны, подчеркивая важность хороших отношений и конструктивного диалога с региональной властью. Но во всех текстах прослеживается проблема накопления нерешенных задач и отложенных решений в рамках системы государственного управления. Для административного сегмента региональной элиты можно говорить об отсутствии восприятия ситуации как кризисной у большинства респондентов, что связано с их понятием о кризисе и мерой ощущения кризиса самого по себе как явления.

Важно отметить, что возрастной фактор оказал существенное влияние на восприятие кризисности. В большей степени «сглаживание острых углов» характерно для людей в возрасте старше 50 лет. В беседах с людьми более молодого поколения слово кризис активнее использовалось и его характеристики звучали жестче. Ощущение разрушения привычной картины мира, необходимости быстро принимать решения из-за кардинально изменившихся условий выражено наиболее ярко.

Я проснулся в новой реальности, в которой какие-то правила ужесточили, а какие-то остались прежними, причин и последствий не обозначили. Что можно делать и как это делать по новым правилам информации нет. Мне пришлось потратить много времени и сил на поиск людей, которые в новых условиях были способны выполнять доставку необходимых комплектующих (представитель бизнеса 34 года).

Сложнее стало договариваться с региональной администрацией, количество отчетов и бумаг на согласование увеличивается постоянно, а результат минимальный (представитель среднего бизнеса, 43 года).

Есть главная проблема — это люди. Работать никто не хочет, все хотят только больше денег получать и отчеты красивые

писать. Никто не хочет брать ответственность и принимать конкретные решения, даже после февраля 2022 г., когда любая помощь/инициатива должны цениться. Собирали помощь нашим ребятам на линию фронта, очень долго не могли согласовать отправку через железную дорогу. Внутри администрации каналы связи работают только через личные, телефонные договоренности. Люди уходят, уезжают в другие регионы, а у нас только разговоры, что надо мотивировать (частный предприниматель, 47 лет).

Помощь со стороны государства не увидели ни в 2020, и в 2023 г. Кроме красивых слов, почти ничего нет. Финансовую помощь... только если есть «свои люди», которые внесут в нужные списки (представитель малого бизнеса, 38 лет).

ОЦЕНКА РАБОТЫ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В КРИЗИСНЫХ УСЛОВИЯХ

Вторая важная составляющая в текстах интервью — оценка работы органов власти в период пандемии и в течение 2022–2023 гг. (после начала СВО). Отношение к политической и социально-экономической ситуации в кризисные периоды представляется особенно важным. Эти показатели позволяют оценить результативность антикризисных мер, которые реализуются со стороны государства, зафиксировать наиболее сложные, узловые моменты. Исследование восприятия представителями как власти, так и бизнеса рисков/проблем за последние пять лет и влияние этих факторов на отношение внутри региональных элит позволило выявить некоторые интересные моменты. В расшифровках бесед с представителями бизнеса не выявлены новые модели или условия взаимодействий с властью, которые были бы приняты именно под влиянием кризисных факторов.

Немного изменился контекст и акценты при выборе подрядчиков и исполнителей. В остальном ничего нового не могу сказать (помощник руководителя унитарного предприятия, 60 лет).

Приходится подстраиваться, принимать их правила, или ничего не будет. Но так было и 10 лет назад. Эпидемия, спецоперация

или еще что-то никак на власть не влияют. Люди, работники — да, меняются, больше боятся, нервничают, требуют. А во власти другие правила и ориентиры (частный предприниматель, 40 лет).

Определенная часть позитивных ожиданий связывалась с новыми людьми, которые могут прийти после выборов 2024 г. и повлиять на кадровые перестановки, но респонденты никак не связывали возможные преобразования с системными изменениями внутри политико-административной власти.

Серьезных изменений не жду. Думаю, что новые кадры и перестановки неизбежны. Может быть, с людьми из нового состава правительства удастся наладить более выгодные контакты. Но и с действующими чиновниками, хотя и трудно, но в целом работать можно (коммерческий директор предприятия, 49 лет).

Факторы пандемии и начала СВО потребовали от власти быстро разрабатывать, принимать и легитимизировать политико-управленческие решения, но, по мнению бизнеса, местные администрации и региональные политико-административные элиты продемонстрировали низкую адаптивность, шаблонность и излишнюю бюрократичность.

Нужны люди готовые принимать, иногда рискованные, но необходимые решения. Нести ответственность за эти решения. Быстро реагировать на изменившиеся условия, а их очень мало в местных администрациях. Даже на уровне региона (финансовый директор крупной фирмы, 54 года).

Был запрос на четкие, единые и понятные всем правила новой реальности, но регионы оказались в ситуации, когда каждый справляется в силу своих возможностей. В оценках и суждениях представителей бизнеса достаточно много критических замечаний. Некоторые из них отмечали, что не появилось новых площадок для коммуникации и гражданских инициатив, сохраняется приоритет за кулуарными и межличностными договоренностями.

Если есть хорошие идеи, то нужно пробиваться к первым лицам. Никто из среднего звена не возьмет на себя ответственность и инициативу. Это к вопросу о качестве работы (зам. директора по продажам и продвижению крупного предприятия, 47 лет).

Суммируя все оценки, можно говорить, что в сложившихся условиях представители бизнеса видят свое развитие только в рамках коридора возможностей, которые власть готова им предоставить. Но, по их высказываниям, можно понять, что заданные коридоры можно было бы значительно расширить, при условии сокращения бюрократических ограничений и увеличения количества активных и инициативных людей во властных структурах. Существование параллельных институтов формальных, легальных, открытых и неформальных, теневых, закрытых для «чужих» в кризисных условиях проявили свои противоречия наиболее ярко.

В текстах интервью с представителями власти, когда вопросы касались оценки качества работы администраций под влиянием кризисных факторов, информации собрать почти не удалось. Либо респонденты уходили от ответов и оценок / отказывались это обсуждать, либо все суждения носили нейтральный, настороженный и положительный окрас. Особенно ярко это проявилось, в беседах с депутатами и чиновниками регионального уровня. Оптимальным результатом проводимого политического курса в сложных форс-мажорных обстоятельствах называлось сохранение контроля и управляемости, которые приводят к эффективности всех мер в целом.

Степень согласованности позиций ключевых властных субъектов относительно целей, средств и ресурсов для их достижения, ценностей, которые в рамках этого курса политики артикулируются и продвигаются через СМИ связывались респондентами с устойчивостью политической системы в условиях возрастания рисков и угроз.

ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКА УСТОЙЧИВОСТИ

Третий блок вопросов был направлен на оценку устойчивости, в первую очередь экономической, в условиях пандемии и санкционного давления после начала СВО.

Экономическая устойчивость — сложное и многостороннее понятие, которое рассматривается с позиции двух отличных интерпретаций данного термина.

Первый подход характеризует способность экономической системы государства/компании не только выдерживать и адаптироваться, но и восстанавливаться после внешних негативных воздействий. Понятие устойчивости, как правило, трактуется в рамках современных исследований как способность социально-экономической системы сохранять текущее состояние или позитивно развиваться при наличии каких-либо внешних воздействий. В рамках зарубежных исследований это больше соответствует термину *resilience* — свойство системы возвращаться в исходное состояние после неблагоприятного воздействия [5, с. 114]. Второй подход трактует устойчивость как устойчивое развитие (*sustainability*) и было сформулировано в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» в 1992 г. В рамках данного подхода акцент сделан на возможность развития существующих поколений, не подрывая возможности будущих поколений людей. При такой трактовке методики оценки устойчивости зачастую основываются на трех блоках показателей: экологических, социальных и экономических [5, с. 115].

В рамках нашего исследовательского проекта акцент был сделан именно на первый подход, так как он позволяет включать в анализ такой показатель, как политическая устойчивость. В зарубежных публикациях этот индикатор зачастую рассматривается в рамках теории политической стабильности. С.О. Ханссон и Г. Хелгессон выделяют в стабильности такие возможные ее аспекты, как постоянство (*constancy*), надежность (*robustness*) и устойчивость (*resilience*) [14]. Постоянство Ханссон и Хелгессон определяют, как сохранение системы или ее незначительное изменение в течение времени, надежность — как способность выдержать воздействие неблагоприятных внешних обстоятельств, а устойчивость — как способность возвращаться к равновесному состоянию под воздействием данных обстоятельств. Авторы полагают, что надежность можно охарактеризовать как частный случай устойчивости, а вот постоянство и устойчивость являются двумя не сводимыми друг к другу, а следовательно представляющими разные стороны стабильности, категориями [9, с. 61]. Отечественные

исследователи также рассматривают вопросы политической стабильности в тесной взаимосвязи с устойчивостью, подчеркивая возможные отличия в категориальном наполнении для разных типов политических систем и форм государственного устройства «Устойчивость политической системы характеризуется через возможность действующих акторов удерживать изменения в заданных границах, в определенных параметрах» [6, с. 74]. Такая трактовка позволяет создать модель, сочетающую индикаторы устойчивости экономической и политической. Вследствие этого в гайде блок вопросов по параметрам экономической устойчивости включал два индикатора оценки политической устойчивости — взаимодействие власти и бизнеса после усиления давления кризисных факторов в 2022 г. и оценка рисков для политической устойчивости при неблагоприятном сценарии снижения показателей экономической устойчивости.

Анализ текстов интервью по обоим индикаторам показал интересную кластеризацию по возрастному признаку. Все респонденты условно разделились на две группы — «оптимисты» и «скептики». «Оптимистами» были признаны респонденты, которые и в оценках моделей взаимодействия бизнеса с властью, и в оценках рисков устойчивости придерживались более положительного полюса высказываний. В эту группу попали в большинстве своем представители власти, но их возраст превышает 50 лет. Они все достаточно четко указывают на проблемы и сложности, которые сопровождают связку «бизнес — власть», но при этом не считают, что есть серьезные основания ожидать резкого и значительного ухудшения экономических показателей.

Да, ситуация сложная. Ставки по рискам постоянно растут, но это происходит не галопом, а значит есть время на размышления и поиск новых путей решения. Минимальный набор экономических и финансовых мер принимается (заместитель главы комитета Правительства обл., 55 лет). Предлагаются со стороны и федеральной, и со стороны губернатора новые совместные проекты. Там, конечно, много условий и требований, но договориться всегда можно, если есть заинтересованность (мэр крупного областного центра, 62 года). <...> Много решений и бумаг пустых,

беспольных и они занимают избыточно много времени. Но есть и положительные примеры общей работы (один из соучередителей и руководителей предприятия среднего бизнеса, 58 лет).

Ничего нового в формате отношений между экономическими и политическими субъектами они не выделяют. Сложности и проблемы, которые называются носят постоянный характер и только актуализируются в отдельные моменты времени.

Среди немногочисленных представителей бизнеса, которые вошли в этот кластер (7 человек: 2 — из Санкт-Петербурга, 2 — из Ленинградской обл., 1 — из Вологодской обл., 1 — из Мурманской обл., 1 — из Архангельской обл.), превалирует мнение о негативных долгосрочных последствиях действующих институализированных моделях и практиках принятия решений в ситуациях требующих гибкости и высокой адаптивности. Но подчеркивается, что это характерно как для государственных структур управления, так и для частных коммерческих предприятий. «Оптимисты» не ожидают, что даже при значительном ухудшении показателей экономической устойчивости произойдет нарушение политической устойчивости. Аргументируют свою позицию качеством человеческого капитала, менталитетом и привычками людей.

Люди у нас такие. Никто не побежит, даже если это принесет выгоду... Привыкли, что «свои» люди лучше и надежнее каких-то неизвестных специалистов-профессионалов (бизнесмен, 58 лет).

Собрать людей и принять общее решение — задача почти нереальная. Каждый со своими требованиями, правами. Трудно мобилизовать, заинтересовать, каждый занят своими делами и проблемами. А приложить усилия, чтобы всем было лучше, это только отдельные граждане (региональный чиновник, 60 лет).

Они согласны, что кадрового ресурса не хватает в органах власти, людей с нужными качествами и знаниями мало, но выборы не рассматриваются как хороший канал для привлечения таких людей во власть.

Яркие и сильные лидеры сейчас и не нужны. По одиночке они только нарушат сложившийся баланс интересов. Вот если представить ситуацию, когда пришла вся новая и сплоченная команда из активных и заинтересованных, вот тогда, может быть, и получится предложить что-то новое и прорывное (заместитель директора крупного предприятия, 52 года).

«Пессимисты» составляют второй кластер респондентов. Это представители экономической и административной элиты возраст, которых не превышает 50 лет. По регионам эта группа распределилась приблизительно равномерно. Они более резки в оценках и суждениях, настроены более критично.

На мой взгляд, власть показала, что в кризисных ситуациях справляйся сам, как можешь (частный предприниматель, 48 лет). В этой вертикали нужно слишком долго ждать пока решение согласуется, а проблему нужно решать здесь и сейчас, а не потом когда-нибудь. Нет должности «кризисного менеджера с широким кругом полномочий, к которому можно прийти и он в сжатые сроки все согласует. И когда был Ковид, и после начала СВО, когда санкции посыпались, а поставщики и финансисты все операции приостановили (зам. директора крупной торговой сети, 45 лет). Нужны более самостоятельные и сильные управленцы на местах, на уровне среднего звена. А таких нет, их не назначают, никто не хочет делиться властью и рисковать своим местом. Место важнее дела (глава районной администрации, 48 лет). Нужна оптимизация всей системы, больше сетевого принципа, через электронные ресурсы, меньше бумаг, тогда все процессы пойдут быстрее. А то, что сейчас, это все из прошлого века. Поэтому не успеваем, не укладываемся в сроки (соучредитель и руководитель финансового отдела строительной фирмы, 39 лет).

Для этой группы респондентов ощущение и ожидание худшего сценария намного более ярко выражено. Уровень тревожности, что экономика не выдержит внешних негативных факторов давления, которые усугубляются внутренними неэффективными решениями,

и обвалится, а потом повлечет за собой дестабилизацию в политической сфере, выше, чем в кластере «оптимистов». В сознании представителей элиты более молодого поколения связка «экономическая устойчивость, доходы — политическая устойчивость, стабильность» актуализирована и ее составляющие взаимообусловлены. Снижение одних показателей обязательно повлечет за собой падение вторых. Участники интервью отмечали, что каналы коммуникации между центрами гражданских инициатив, бизнесом и органами власти носят закрытый характер и новых форматов или площадок не появляется, что в условиях пандемии и СВО значительно ухудшало ситуацию.

С одной стороны, процессы централизации власти, усиление роли административного сегмента элиты внутри властной когорты, рост количества бюрократических процедур и нормативных практик в процессах осуществления властных полномочий действительно не способствовали рекрутированию кадров с ярко выраженными лидерскими качествами и нестандартными идеями. В условиях активного давления кризисных факторов на политическую и экономическую систему бюрократический и централизованный характер управления увеличивает риски, потери и негативно влияет как на потенциал всего общества для преодоления кризиса, так и на готовность элитных групп к выработке консолидированного комплекса мер и решений. С другой стороны, кризисные факторы проверяют на прочность те институциональные порядки и практики, которые уже сформировались и функционируют. Структура централизованной, управленческой вертикали, которая сложилась за последние 20–25 лет в России в сознании представителей политико-административной региональной/муниципальной элиты обладает достаточной, на данный момент времени, степенью устойчивости, если трактовать устойчивость как способность к сохранению и восстановлению. «Устойчивость политической системы с федеративным принципом устройства и отношениями “центр — регионы” демонстрирует способность к поддержанию политической стабильности. Федеративная система стабильна, если она сохраняет основы федеративной государственности и базовые институты федерализма. Стабильное развитие федерации всегда направлено на ее сохранение» [6, с. 74].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ текстов интервью представителей элиты позволяет говорить, что события последних лет не воспринимаются как серьезные и опасные кризисы. Скорее как вызовы и риски, с которыми можно работать. Для представителей административного сегмента такой тренд в оценках превалирует. У них уровень тревожности ниже, чему у представителей бизнес-структур. Они ощущают себя более уверенными и защищенными от воздействий внешних кризисных факторов, что обусловлено институциональными практиками всей административной системы.

Очевидно, что для бизнеса на уровне регионов/районов кризисные компоненты в сознании более четко выражены и актуализированы. Они связаны не только с внешними воздействиями, но и в большей степени с региональными/местными особенностями моделей принятия решений. На микроуровне четко прослеживается понимание — существующая дистанция, разрыв между средним/мелким бизнесом и властью (+крупный капитал), устраивает административную часть элиты и ожидать смену модели отношений излишне оптимистично, хотя и необходимо. Серьезным препятствием для преодоления негативных последствий кризиса бизнесмены видят в неготовности административной вертикали к качественным изменениям. Новые механизмы, каналы, площадки для взаимодействия и решения проблем не создаются, а старые не отвечают изменившимся потребностям и функционируют с большим количеством издержек.

Кризис создает новые условия, в рамках которых элиты должны быть способны быстро и гибко адаптировать систему институтов с учетом изменившихся возможностей и запросов. Но в дискурсе представителей административной власти не были обнаружены признаки готовности к качественным изменениям. В качестве положительного момента можно отметить, что во всех текстах интервью у респондентов нет ожидания резких негативных изменений в ближайшее будущее.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шентякова Анна Владимировна — кандидат политических наук, старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет; ассоциированный научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.
Телефон: +7 (812) 363–64–60. **Электронная почта:** anna_pedagog@mail.ru

Research Article

ANNA V. SHENTYAKOVA^{1, 2}

¹ St. Petersburg State University

7/9, Universitetskaya emb., 199034, St. Petersburg, Russia;

² The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St. Petersburg, Russia.

CRISIS AND STABILITY IN THE MIRROR OF THE REGIONAL ELITE'S OPINIONS (CASES IN-DEPTH INTERVIEWS)

Abstract. The article examines the opinions of the regional elite on the crisis and sustainability in modern Russia. Economic and political sustainability are important conditions for the state stability. Crisis factors violate the usual institutional orders and become a challenge for the ruling elite. The empirical basis of the study is the in-depth interviews with representatives of the regional / local political, administrative and economic elite. The sample included 8 regions of the North-West Federal District of the Russian Federation. The criteria of the positional approach were used to determine the status of the respondent. A qualitative analysis of the texts revealed differences in the perception of the crisis among representatives of two sub-elite groups. Age as a criterion also revealed differences in assessments / opinions and allowed us to divide all participants into two groups of «optimists» and «skeptics». The respondents — business representatives — evaluate the consequences of the crisis painfully and the elements of sustainability very critically. In the minds of people from regional and local administrations, the crisis phenomena of the last 5 years is not assessed as a serious threat that the system will not be able to cope with without significant losses. Sustainability indicators do not cause concern.

Keywords: crisis, sustainability, administrative elite, economic elite, in-depth interviews, interaction between business and government.

For citation: Shentyakova A.V. Crisis and stability in the mirror of the regional elite's opinions (cases in-depth interviews). *Vlast' i elity = Power and elites*. 2024. Vol. 11. No. 4. P. 138–159. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2024.11.4.5>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anna V. Shentyakova — candidate of political sciences, senior lecturer, Department of political institutes and applied political research. St. Petersburg State University. Associate Research Fellow of The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 363–64–60. **E-mail:** anna_pedagog@mail.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Акимов В.А., Порфирьев Б.Н. Кризисы и риск: к вопросу взаимосвязи категорий // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1. № 1. С. 38–49. EDN: NUETNP
Akimov V.A., Porfir'ev B.N. Crises and risk: on the issue of the concepts inter-relationship. *Problemy analiza riska*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 38–49. EDN: NUETNP (in Russ.).
2. Богданов А.А. Всеобщая организационная наука (Тектология). 2-е изд., перераб. и доп. Л.; М.: Книга, 1929. 220 с.
Bogdanov A.A. *Vseobshchaya organizatsionnaya nauka (Teknologiya)* [General organizational science (Tectology)] 2nd ed., revised and enlarged. Leningrad; Moscow: Kniga, 1929. 220 p. (in Russ.).
3. Грызунова Е.А. Концепции кризиса социальной системы: сравнительный анализ // Вестник МГИМО. 2012. № 4. С. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276> EDN: PYMRDX
Gryzunova E.A. Perspectives of Social System Crisis: Comparative Analysis. *Vestnik MGIMO*. 2012. No. 4. P. 270–276. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2012-4-25-270-276> EDN: PYMRDX (in Russ.).
4. Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 1. С. 5–36. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1> EDN: NHCUYD
Duka A. Elites in a crisis society. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 5–36. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1> (in Russ.).
5. Жигалов В.М. Стратегический подход к оценке устойчивости регионов России // Проблемы современной экономики. 2019. № 4 (72). С. 114–119. EDN: OVPVOL
Zhigalov V.M. Strategic approach to assessing the sustainability of Russian regions. *Problemy' sovremennoj e'konomiki*. 2019. No. 4 (72). P. 114–119. (in Russ.).
6. Матафанова Ю.А. Политическая стабильность и политическая устойчивость в контексте федеративной системы // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2015. № 2 (62). Т. 2. С. 72–75.
Matafanova Yu. A. Political stability and political sustainability in the federal system. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki*. 2015. No. 2 (62). P. 72–75 (in Russ.).
7. Окунев И.Ю. Стэнфордская модель развития кризиса // Полис. Политические исследования. 2009. № 3. С. 136–144. EDN: KYGVLR

- Okunev I.Yu. Stanford model of crisis development. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2009. No. 3. P. 136–144. (in Russ.).
8. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9. № 2. С. 146–171. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6> EDN: RXYACY
Tev D.B. Regional administrative elite: socio professional sources of recruitment and careers. *Vlast' i elity*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 146–171. DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6> (in Russ.).
9. Телин К.О. Имитация «стабильности»: ложная оптика властного дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 55–74. DOI: <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.4.5574> EDN: ZDFWFN
Telin K.O. Imitation of “stability”: fake optics of political power discourse. *Nauchny`j ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*. 2018. Vol. 18. No. 4. P. 55–74. DOI: <https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.4.5574> (in Russ.).
10. Телин К.О., Полосин А.В. Политический кризис в зарубежной мысли: концептуализация понятия. // *Политическая наука*. 2016. № 4. С. 93–110. EDN: XHWCEV
Telin K.O., Polosin A.V. International debate on political crisis: Conceptualization the term. *Politicheskaya nauka*. 2016. No 4. P. 93–110. (in Russ.).
11. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма / Пер. с нем. Л.В. Воропай. М.: Практис. 2010. 264 с.
Habermas J. Legitimation crisis [Rus. ed.: Habermas, J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma*. Trans. from Germ. by L.V. Voropai. Moscow: Praxis Publ., 2010. 264 p.] (in Russ.).
12. Hansson S.O., Helgesson G. What Is Stability? *Synthese*. 2003. Vol. 136. No. 2. P. 219–235. DOI: <https://doi.org/10.1023/A:1024733424521>.

ВЛАСТЬ И ЭЛИТЫ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор: А.В. Дука
Научные редакторы: А.С. Быстрова, Д.Б. Тев
Оригинал-макет: Н.И. Пашковская

Журнал «Власть и элиты» включен в базу РИНЦ

Права на материалы, опубликованные журналом «Власть и элиты», принадлежат редакции и авторам. Публикации журнала не могут быть воспроизведены в любой форме без письменного разрешения редакции. Все права сохраняются. Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе с момента публикации

- на официальном сайте журнала: <https://www.powerelites.ru>
- на сайте издателя: <https://socinst.ru/publications/powerelites/>
- на сайте РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=59624

Издатель: Социологический институт РАН – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (СИ РАН – филиал ФНИСЦ РАН)

Адрес издателя и редакции: 190005, Санкт-Петербург,
ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14
Сайт издателя: <https://socinst.ru/>
Электронная почта редакции: si_ras@mail.ru
Телефон редакции: +7 (812) 316-24-96

2024. Том 11. № 4. Дата выхода в свет 30.12.2024.